

*10-летию
Факультета международных отношений
Воронежского Государственного Университета
посвящается*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Научный журнал

2012 / 11

Политические изменения в Латинской Америке
Научный журнал

№ 11, 2012
Основан в 2006 году

Учредители

Факультет международных отношений Воронежского Государственного Университета;
Воронежское отделение Российской Ассоциации исследователей
Иbero-Американского мира

Редакционная коллегия

Д-р экономической истории **Мириам Дольникофф** (Университет Сан-Паулу, Бразилия)
Д-р политологии **Георги Иванов Коларов** (Болгария)
к.г.н. **И.В. Комов** (ВГУ)
к.и.н. **М. В. Курчанов** (отв. ред., ВГУ)
к.и.н. **А. В. Погорельский** (ВГАСУ)
проф., д.и.н. **А. И. Сизоненко** (ИЛА РАН)
проф., д.полит.н. **А. А. Слинько** (главный редактор, ВГУ)
к.и.н. **И. В. Форот** (ВГУ)

Editorial Board

Doutorado em História Econômica **Miriam Dolhnikoff** (Universidade de São Paulo, Brasil)
Ass.Pr., Dr. **Georgi Ivanov Kolarov** (Bulgaria)
Dr. **Igor V. Komov** (Voronezh State University)
Dr. **Maksym W. Kyrchanoff** (editor)
Dr. **Irina V. Phoret** (Voronezh State University)
Dr. **Alexander V. Pogorelsky** (Voronezh State Academy for Architecture and Building)
Prof., Dr.Sc. in History **Alexander I. Sizonenko** (Institute for Latin American Studies)
Prof., Dr.Sc. in Politics **Alexander A. Slinko** (editor-in-chief)

Адрес редакции

394000, Россия, Воронеж
Московский пр-т 88
Воронежский государственный университет
корпус № 8, к. 105, 107

Все материалы, поступающие в Редакцию,
проходят процедуру анонимного рецензирования.

Электронная версия

<https://sites.google.com/site/latinoamerikamistika/>

ISSN 2219-1976

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Ренан Вега Кантор, Люмпен-буржуазия и гангстерский капитализм в Колумбии
Андре Гундер Франк, Развитие неразвитости
Юлия Ващенко, Изменения политической конфигурации латиноамериканского континента

Тема номера – I

Латинская Америка: бедность, революция, развитие

Джо Эмерсбергер, Джэб Спраг, Беснаказанность крупных землевладельцев в Венесуэле
Дмитро Райдер, Политический вызов трущоб
Юрий Райхель, Левый радикализм в Латинской Америке
Роджэр Бербах, Боливия и отголоски правления Альенде
Алина Ряполова, Политическая судьба революционера: Хосе Мухика – Президент Уругвая

Тема номера – II

“Имперский поворот” в бразильской историографии

Максим Кирчанов, «Имперский поворот» в развитии западного и российского гуманитарного знания: перспективы латиноамериканистского применения и прочтения Воображая, изобретая и конструируя Империю: «имперские исследования» в современной Бразилии («Almanack Braziliense» как проект изучения имперской истории и идентичности)

Латинская Америка и мир

(трибуна молодого латиноамериканиста)

Диана Орешева, Германия и Латинская Америка: перспективы развития стратегического партнерства
Сергей Вейс, Латинская Америка и Африка: конголезские дневники Че Гевары
Денис Орехов, Латинская Америка и Иран (проблемы взаимоотношений)
Арсен Геворгян, Латинская Америка в новом геополитическом пространстве и позиция России

Тема номера – III

Латинская Америка и вызовы современности

Пабло Анино, Латинская Америка и мировой кризис
Хорхе Кастаньеда, Волнения Латинской Америки
Андрес Веласко, Блестящее десятилетие Латинской Америки
Рауль Зибечи, Южная Америка: путь к созданию собственной повестки дня

Критика и библиография

Проблемы бразиловедения в современной Болгарии
История одной семьи: Дилма Русефф в современной болгарской публицистике

СТАТЬИ

Ренан ВЕГА КАНТОР

ЛЮМПЕН-БУРЖУАЗИЯ И ГАНГСТЕРСКИЙ КАПИТАЛИЗМ В КОЛУМБИИ*

В 1970-х годах, с завершением индустриализации, финансовый сектор становится доминирующей формой национального капитализма, и начинается бурное развитие наркотраффика как выражения нового типа капитализма. Этот процесс был связан с появлением кокаинового бизнеса – экономического и социального сектор, который теоретически находится вне закона, однако необходим в новейшем процессе накопления капитала¹. К тесному союзу с наркодельцами присоединяются и «традиционные» бизнесмены, финансовый капитал, крупные землевладельцы, фермеры и военные. Наркоторговцы стали неотъемлемой частью этого союза, поскольку осуществляли денежные вливания с целью накопления капитала – только уже не в производственные отрасли, а в банковую и финансовую сферы. Соответственно, на протяжении последних десятилетий в Колумбии сложился капитализм с гангстерским уклоном, криминальные и мафиозные черты которого уже не носят эпизодического характера и не связаны с отдельными личностями, которые занимают должности президента республики или высшие посты в структуре государственного управления, а представляют собой составные элементы современной фазы накопления капитала. Это вполне можно объяснить, если мы вспомним, что «мафия всегда является капиталистическим бизнесом с сильным дополнительным фактором: угрозой применения насилия. Однако ее сущность есть и будет сущностью криминального бизнеса, направленного на накопление капитала»². Другими словами, ужасное насилие, развязанное в Колумбии против крестьян, туземных племен, населения африканского происхождения, организованных рабочих, лидеров профсоюзов, защитников прав человека, преподавателей, студентов, бедных женщин является не случайным или неорганизованным явлением, а наоборот, структурным выражением нового режима накопления капитала, из которого выделилось объединение

* Публикуется по: Вега Кантор Р. Люмпен-буржуазія і гангстерський капіталізм у Колумбії / Р. Вега Кантор. – (<http://commons.com.ua/archives/10585>). Перевод с украинского М.В. Кирчанова.

криминального бизнеса, который ищет возможности получения прибыли для нового правящего блока.

С этой точки зрения не должно вызывать удивления то, что вооруженные повстанцы и наркодельцы исповедуют открыто антикоммунистическую идеологию и поднимают знамена защиты частной собственности и свободного рынка. Милтон Фридман и Фридрих Хайек, безусловно, считали бы за честь послушать заявления лидеров военизированных формирований, которые без лишней скромности поют хвалу крупным состояниям частных предпринимателей, даже заработанным нечестным путем, – поскольку эти состояния от начала до конца являются результатом частной инициативы, которая, если верить неолиберальным учебникам экономики, и создает богатство. И, к тому же, таковой является и классическая норма первичного накопления капитала и появления «флагманов индустрии» везде, где когда-либо существовал капитализм. Как говорил мафиозный босс Пабло Эскобар: «Капиталы, большие и малые, всегда имеют начало. Большинство крупных миллионеров в Колумбии и в мире начинали с ничего. Однако именно это превращает их в легенды, в мифы, в пример для простых людей. В капиталистическом обществе делать деньги – не преступление, а добродетель»³.

Такой новой формой накопления капитала можно объяснить мнимую макроэкономическую стабильность Колумбии, которая, начиная с 1970-х годов до сих пор поддерживает свое существование благодаря большой концентрации нелегальных капиталов, которые орошают всю «легальную экономику»: жилищное строительство, туризм, гостиничный бизнес, банки, обменные конторы, промышленность, торговлю, систему охраны здоровья, фермерство, спортивную деятельность, шоу-бизнес, университеты и многие другие отрасли. Эта связь между законными и незаконными формами капитала возникла в конце 1980-х годов и была основой для образования нового властвующего блока, в котором наибольшее влияние имеют крупные экономические группы и финансовый капитал вместе с наркоторговцами. С этого времени собственно преступные виды деятельности в новых формах накопления капитала влияют на все сферы общества, в том числе – на вооруженные силы, традиционные политические партии и церковных иерархов. В этих условиях возникает то, что некоторые исследователи более чем 20 лет спустя, начнут называть «парагосударством» – то есть таким государством, которое, помимо наркоторговцев, «составляет мощная капиталистическая фракция; репрессивный военный аппарат; расходы на социальное обеспе-

чение; региональный и территориальный контроль и ограниченная, но эффективная, общественная поддержка»⁴.

Парагосударство выполнило несколько существенных функций в новом процессе капиталистического накопления, но следует выделить наиболее важные: во-первых, оно было активным участником переформирования отношений собственности, как в сельской местности, так и в городах благодаря своей безоговорочной поддержке процесса концентрации земель в руках старых и новых крупных землевладельцев, что стало результатом накопления капитала в виде «отчуждения собственности» (как называет этот процесс географ Дэвид Гарви), в том числе и в форме насильственного лишения крестьян, туземного населения и населения африканского происхождения их земель, водных богатств и биомногообразия; во-вторых, оно дало толчок выращиванию многолетних культур, новым формам сырьевого экспорта (пальма, каучук, сырье для биотоплива) и поддержала мегапроекты, что способствуют привлечению международному капиталу; в-третьих, парагосударство в институциональном плане является самым первым врагом рабочих инициатив во всей стране, что перетекло в жестокое и систематическое преследование синдикатов и профсоюзов, реализацию «трудовых реформ», уничтожение немногочисленных исторических завоеваний колумбийских рабочих, широкое распространение безработицы, частичной безработицы и неофициальной занятости и прекаризации⁵ – одним словом, имело место широкомасштабное использование террора против рабочих; в-четвертых, и как следствие трех предыдущих элементов, – парагосударство создало режим полного содействия иностранному капиталу, выгодный для мультинациональных компаний, многие из которых поддерживают парамилитаристский проект, чтобы гарантировать наибольшую эффективность сделок транснационального капитала и его местных вассалов.

Ввиду высокой степени взаимопроникновения законного и незаконного капитала, мультинациональных компаний и военизированных групп, связанных с наркобизнесом, а также банков и бизнеса, основанного на отмывании денег, крупных землевладельцев и военных, государства и гангстерских кругов, фермеров и коммерсантов, и принимая во внимание тот факт, что территориальный контроль новых правящих элит близок к национальному масштабу, а новые капиталистические альянсы получили контроль над государством, парагосударство должно было институционализироваться и создать видимость социальной и политической легальности и легитимности. Именно это мы видели на протяжении последних 8 лет в Колумбии,

где происходил процесс политической, идеологической и культурной легализации «тракуэтос» – наркодилеров⁶, мафиози, наркоторговцев и лидеров военнизированных формирований. Признаки этого процесса наблюдались на всех уровнях государства, колумбийской политической системы и общества: в парламенте (который с тем же успехом можно назвать «параментом»), в правительствах провинций и городов, в вооруженных силах и полиции, в адвокатуре и прокуратуре, в посольствах, университетах, спортивном руководстве – в любой сфере деятельности, которую лишь можно представить. Объединение «нового возникающего класса» – как он называл сам себя в эпоху одного из его вдохновителей, Хулио Сесара Турбая Айяли, президента республики в 1978 – 1982 годах – приобрело такую безнаказанность, что теперь, чтобы быть избранным на высокие государственные должности, нужно не подать безукоризненное резюме, а иметь бесконечный криминальный послужной список.

Следовательно, мы были свидетелями образования люмпенбуржуазии, которая сегодня доминирует во всех сферах колумбийского общества. Ее образ жизни следует примеру Майями, а ее стиль – стиль районного *traqueto*. Не удивительно, что в ней слились безоговорочное поклонение насилию, грубому мачизму и презрению к беднякам, пещерный и безжалостный антикоммунизм, вульгарная эстетика, как видно из модной литературы и мыльных опер, где чаще всего главными героями являются мафиозные боссы, наемные убийцы и головорезы вместе со своими накачанными силиконом королевами красоты. Все можно купить, имеет значение лишь количество купюр, и поэтому следует «быть мужчиной» со слабыми и беззащитными, подобно помещикам XIX века. Следуя этой логике наркодилеров, противники устраивают разборки путем отстрела друг друга или хаотических бомбардировок, в то время как все, связанное с мафиозными группировками друзей и родственников. Все это окружено аурой коррупции и клиентелизма, которые не имеют себе равных в истории Колумбии и напоминают близкое окружение дона Вито Корлеоне.

Одна из самых ироничных во всей ситуации вещей состоит в том, что эти самые круги, которые глубоко преклоняются перед Соединенными Штатами и которые имеют Майями в качестве образца и примера капитала «высокой культуры» (по-видимому, из-за того, что именно там базируются палачи, военные диктаторы, заговорщики, преступники, экс-агенты ЦРУ и всякого рода убийцы), представляют себя большими патриотами. Те же, кто называет себя патриотами, передали государство Соединенным Штатам, чтобы мы превратились в са-

мую большую военную базу в мире, и раздали наши ресурсы и территории транснациональным компаниям.

Публичная миссия обеления образа люмпен-буржуазии осуществляется средствами массовой информации, среди которых следует отметить телевизионные каналы – медийную «правую руку» мощных национальных или иностранных экономических групп, которые составляют весомую долю этой люмпен-буржуазии и прямо или косвенно получают прибыли мафиозным путем накопления капитала. Телеканалы, радиостанции и печатные издания (включая немногочисленные существующие газеты и журналы о шоу-бизнесе и потреблении) отметились восхвалением как новых «героев отчизны», целого класса преступников и правонарушителей, которые имеют настолько респектабельный вид, что им бы позавидовали Пабло Эскобар и Гонсало Родригес Гача. Имеют место попытки обелить и отчистить эту люмпен-буржуазию так, будто она является самой сутью нации, и превратить ее в модель для подражания для всех колумбийцев. «Очистка» Колумбии, как теперь очевидно, не ограничится изменением президента, ведь этот проект направлен не только против тех или других случайных персонажей – он пытается сделать легальной и легитимной гангстерскую систему, поддержанную насилием и преступлениями против населения Колумбии, воплощенную в люмпен-буржуазии и защищенную Соединенными Штатами во имя их всемирного крестового похода против терроризма.

Таким образом, новые фракции мафиозного капитала пытаются консолидировать свою культурную гегемонию, ради чего намереваются сконструировать новое общее чувство населения, что выливается в сочетание чистого и жесткого неолиберализма с наркодилерской логикой местного капитализма. Среди элементов этого нового общего чувства, которое укореняется в важных сферах колумбийского общества, можно выделить: зависть к наркоторговцам, наемным убийцам и проходимцам со стороны «низшего мира»; преклонение государства перед терроризмом, как тем, что практикуется в Колумбии, так и осуществляемого такими странами, как Соединенные Штаты или Израиль; культ частной собственности как неприкосновенной и такой, которую следует защищать, не уступая ни сантиметра земли, ни грамма роскоши; отчуждение земель у крестьян и туземного населения рассматривается как нормальное явление, поскольку якобы они являются неэффективными владельцами, неспособными на инициативу; карьеризм и стремление к быстрому подъему в социальной иерархии, без всякого труда и любыми средствами; обожание денег и прославления потребления как наивысших целей человеческого существования;

оциации воинственным и военным действиям колумбийского государства как единственному способу решения социальных и политических конфликтов; использование грубой силы против всех инакомыслящих; глубинный расизм против бедняков (хотя парадоксальным образом эту позицию приняло и много бедных) и туземных народов, населения африканского происхождения, а также против населения соседних стран (как было видно в случаях президентов других стран Латинской Америки, таких как Эквадор, Боливия и Венесуэла); грубый антикоммунизм, который оправдывает убийства лидеров профсоюзов, защитников прав человека, журналистов, университетских профессоров и левых интеллектуалов; лишение осознания личного достоинства и национальной суверенности ради обоснования и оправдания всех возможных извращений (таких как зверства военизированных групп) и превращения страны в протекторат Соединенных Штатов.

В конечном итоге, гангстерский капитализм по-колумбийски превращает эту страну в большое кладбище и в большой анклав, предоставленный к услугам мультинациональных североамериканских и европейских компаний, действия которых направлены на присвоение водных ресурсов, биологического разнообразия, лесов, минералов, энергетических ресурсов и всего, что может служить сырьем для изготовления товаров для мирового капитализма, а также на выращивание разнообразных культур, в которых сегодня нуждается капиталистическая система, чтобы обеспечить свое существование, в частности – пальмы, каучука, бананов и экзотичных фруктов.

¹ Estrada Alvarez J. *Colombia: Capitalismo criminal y organización mafiosa de la sociedad* / J. Estrada Alvarez // CEPA. – 2007. – No 3. – P. 36.

² Forgione Fr. *Organizaciones criminales y capitalismo globalizador. Reflexiones a partir de la experiencia italiana* / Fr. Forgione // *Sujetos políticos y alternativas en el actual capitalismo* / org. Jairo Estrada Alvarez. – Bogota, 2003. – P. 102.

³ Цум no.: Piccoli G. *El sistema del pájaro. Colombia, paramilitarismo y conflicto social* / G. Piccoli. – Bogotá, 2005. – P. 75.

⁴ Palacio G., Rojas F. *Empresarios de la cocaína, parainstitucionalidad y flexibilidad del régimen político colombiano: Narcotráfico y contrainsurgencia en Colombia* / G. Palacio, F. Rojas // *La irrupción del paraestado. Ensayos sobre la crisis colombiana* / org. G. Palacio. – Bogotá, 1989. – P. 97.

⁵ Прекаризация (от англ. *precarious* – опасный, рискованный, хлипкий) – распространение форм занятости, которые находятся вне социальных и правовых гарантий (например, работа по временным контрактам или подрядная работа, неполная занятость), что является результатом дерегуляции рынка труда.

⁶ «Traquetos» в Колумбии называют мелких и средних наркодилеров, в противовес крупным. Стиль *traquetos*, которые выставляют напоказ свои доходы, чтобы приблизиться к «высшему свету», стал синонимом избыточной роскоши и вульгарности.

РАЗВИТИЕ НЕРАЗВИТОСТИ*

Мы не можем надеяться, что удастся выработать адекватную теорию и политику развития для большинства населения мира, страдающего от неразвитости, не изучив того, как его прошлая экономическая и социальная история заложила основы его нынешней неразвитости. Большинство историков все еще изучает только развитые страны метрополии и уделяет скудное внимание колониальным и неразвитым территориям. Поэтому большинство наших теоретических категорий и подходов к политике развития основываются исключительно на историческом опыте европейских и североамериканских развитых капиталистических государств.

Поскольку исторический опыт колониальных и неразвитых стран был абсолютно иным, существующие теории не могут в полной мере отразить прошлое неразвитой части мира, и показывают прошлое всего мира только частично. Что более важно, наше игнорирование истории неразвитых стран заставляет нас считать, что их прошлое и даже их будущее соответствует ранним стадиям истории ныне развитых стран. Это игнорирование и следующие из него предположения приводят нас к неправильному видению современных неразвитости и развития. Далее, большинство исследований развития и неразвитости не учитывают экономических и иных отношений между метрополией и экономическими колониями в истории всемирной экспансии и развития меркантилистской и капиталистической систем. В результате, большинство наших теорий не способно осознать структуру и развитие капиталистической системы как единого целого и объяснить неразвитость в одних ее частях и развитие в других.

Общепринято, что экономическое развитие представляет собой последовательность капиталистических стадий, и что современные неразвитые страны до сих пор находятся на стадии, иногда рассматриваемой как исходная стадия истории, через которую развитые страны уже давно прошли. Но даже поверхностное знакомство с историей показывает, что неразвитость не является первичной, и что ни прошлое, ни настоящее неразвитых стран не отражает в приемлемом смысле прошлого развитых стран. Ныне развитые страны никогда не были неразвитыми. Также широко распространено убеждение, что со-

* Публикуется по: Франк А.Г. Развитие неразвитости / А.Г. Франк. – (<http://commons.com.ua/archives/8648>). Перевод с английского Юрия Дергунова.

временная неразвитость государства может быть понята как продукт исключительно его экономических, политических, социальных и культурных особенностей. Но историческое исследование показывает, что современная неразвитость – это, в значительной мере, результат прошлой истории и продолжающихся экономических и иных отношений между неразвитыми странами-сателлитами и ныне развитыми странами метрополии. Более того, эти отношения – важная часть структуры и развития капиталистической системы в мировом масштабе как единого целого. Родственная и также ошибочная точка зрения состоит в том, что развитие этих неразвитых стран и наиболее неразвитых территорий внутри них должно быть и будет осуществлено благодаря диффузии капитала, институтов, ценностей и т.д. из международных и национальных капиталистических метрополий. Историческая перспектива, основывающаяся на опыте неразвитых стран, показывает, что, напротив, в неразвитых странах развитие может осуществляться только в условиях независимости от этих отношений диффузии.

Явное неравенство в доходах и различия в культуре заставили многих исследователей увидеть «дуальные» общества и экономики в неразвитых странах. Предполагается, что каждая из двух частей имеет собственную историю, структуру и динамику, во многом независимые от другой части, и только одна часть экономики и общества была серьезно вовлечена в экономические отношения с «внешним» капиталистическим миром, став современной, капиталистической и относительно развитой благодаря этому контакту. Другая часть рассматривается как изолированная, аграрная, феодальная или докапиталистическая, и поэтому менее развитая.

Я, напротив, убежден, что вся гипотеза «дуального общества» ложна, и что политические рекомендации, обычно дающиеся в таких случаях, если и подействуют, то приведут только к интенсификации и воспроизводству условий неразвитости, которые они были призваны искоренить.

Огромное количество свидетельств показывает – и я убежден, что это подтвердят и будущие исторические исследования – что экспансия капиталистической системы за последние века достигла даже наиболее изолированных участков неразвитого мира. Следовательно, экономические, политические, социальные и культурные институты, которые мы сейчас можем наблюдать, являются результатом исторического развития капиталистической системы в ничуть не меньшей мере, чем, казалось бы, более современные капиталистические особенности национальных метрополий этих неразвитых стран. Равно как и

отношения между развитием и неразвитостью на международной арене, так называемых отсталых или феодальных территорий – это такой же точно продукт единого исторического процесса капиталистического развития, как и так называемые капиталистические институты предположительно более прогрессивных территорий. В этой работе я постараюсь сделать набросок примеров, подтверждающих этот тезис, и одновременно обозначить направления, по которым в будущем могли бы идти плодотворные исследования.

Генеральный секретарь Латиноамериканского Центра социальных исследований пишет в журнале этого Центра: «Привилегированная позиция города берет начало в колониальном периоде. Он был основан завоевателями, чтобы служить тем же целям, что и сейчас, – вовлечению местного населения в созданную завоевателями и их наследниками экономику. Областные города были орудием завоевания, и сейчас это до сих пор орудия господства»¹. Мексиканский Instituto Nacional Indigenista (Национальный институт индейских исследований) подтверждает это наблюдение, отмечая, что «на самом деле, метисы всегда живут в городе, центре межкультурного региона, служащего метрополией для индейского населения и поддерживающего в рамках неразвитых обществ связь между центром и сообществами-сателлитами»². Далее Институт отмечает, что «между метисами, живущими в городе-ядре региона и индейцами из сельских окраин экономическая взаимозависимость на самом деле гораздо сильнее, чем это кажется на первый взгляд» и что провинциальные метрополии, «будучи центрами общения, являются и центрами эксплуатации»³.

Эти отношения метрополий и сателлитов не ограничиваются имперским или международным уровнем, но пронизывают и структурируют всю экономическую, политическую и социальную жизнь латиноамериканских колоний и государств.

Точно так же, как колониальный и национальный капитал и его экспортный сектор стали сателлитами испанской (и позднее других) метрополий мировой экономической системы, этот сателлит становится колониальной или национальной метрополией по отношению к производственным секторам и населению. Более того, провинциальный капитал, сам являясь сателлитом национальной метрополии – а последняя находится в таких отношениях с мировой метрополией – порождает собственные провинциальные центры, на орбитах которых возникают свои метрополии. Таким образом, целая цепь созвездий метрополий и сателлитов выстраивает отношения во всей системе, от центра в Европе или США до самых отдаленных поселений Латинской Америки.

Когда мы рассматриваем структуру «метрополия-сателлит», мы обнаруживаем, что каждый из сателлитов, включая ныне неразвитые Испанию и Португалию, служит инструментом высасывания капитала или экономического прибавочного продукта из его собственных сателлитов и каналом перераспределения части этого продукта в мировые метрополии, сателлитом которых он является. Более того, каждая национальная и локальная метрополия навязывает и поддерживает монополистическую структуру и эксплуататорские отношения этой системы пока это служит интересам метрополий, пользующихся преимуществами этой глобальной, национальной и локальной структуры для собственного развития и обогащения своих правящих классов.

Таковы принципиальные и до сих пор актуальные структурные характеристики, насажденные в Латинской Америке колонизацией. Предлагаемый подход призван не объяснять утверждение этой колониальной структуры в историческом контексте, а исследовать развитие – и неразвитость – этих латиноамериканских метрополий и сателлитов в рамках последующего и до сих пор продолжающегося исторического процесса. Таким образом, мы можем понять, почему в Латинской Америке и мировой капиталистической структуре были и есть тенденции, ведущие к развитию метрополий и неразвитости сателлитов, и почему, в частности, сателлитизированные национальные, региональные и локальные метрополии в Латинской Америке обнаруживают, что их экономическое развитие – это, в лучшем случае, ограниченное или неразвитое развитие.

Мне кажется, мне удалось показать в моих исследованиях социальной истории Чили и Бразилии⁴, что нынешняя неразвитость Латинской Америки – это результат ее многовекового участия в процессе мирового капиталистического развития. Мое исследование чилийской истории показывает, что завоевание не только полностью включило эту страну в экспансию и развитие мировой торговой, а затем индустриальной капиталистической системы, но и привело к образованию монополистической структуры «метрополия-сателлит» и развитию капитализма внутри чилийской экономики и общества. Эта структура очень быстро распространилась в Чили. С этого времени, проходя через эпохи колониализма, свободной торговли, империализма и нынешний этап, чилийская история характеризовалась экономической, социальной и политической структурой сателлитной неразвитости. Это развитие неразвитости продолжается и сегодня, и в сателлитизации по отношению к мировой метрополии, и в наиболее острой поляризации чилийской внутренней экономики.

История Бразилии – это, пожалуй, самый четкий пример национального и регионального развития неразвитости. Экспансия мировой экономики, начавшаяся в XVI веке, успешно превратила северо-восток, Минас-Жераис, север, центр-юг (Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу и Парана) в экспортные экономики, включив их в структуру и развитие мировой капиталистической системы. Каждый из этих регионов пережил то, что можно было бы назвать экономическим развитием во время золотого века каждого из них. Но это было сателлитное развитие, которое не было ни самопорождающимся, ни самоподдерживающимся. Когда рынок или производство в первых трех регионах терпели крах, зарубежная и внутренняя экономическая заинтересованность в нем падали, и им оставалось лишь развивать неразвитость, в которой они живут сегодня. В четвертом регионе основанная на кофе экономика пережила подобный процесс по гораздо менее серьезной причине, из-за изобретения синтетических заменителей кофе, обещающих похоронить его в не столь отдаленном будущем. Эти исторические свидетельства противоречат общераспространенному утверждению, что Латинская Америка страдает из-за дуального характера общества или пережитков феодальных институтов, и что это важная помеха экономическому развитию.

Однако, во время Первой мировой войны и даже во время Великой депрессии и Второй мировой войны, Сан-Паулу начал строить промышленность, ныне крупнейшую в Латинской Америке. Возникает вопрос: может ли это индустриальное развитие вырвать Бразилию из цикла сателлитного развития и неразвитости, которой характеризуются остальные регионы и национальная история в рамках капиталистической системы? Я уверен, что нет. Внутри Бразилии ситуация совершенно определенная. Развитие промышленности в Сан-Паулу не принесло богатства остальным регионам Бразилии. Вместо этого, оно превратило их во внутренние колониальные сателлиты, усилило отток капитала и сделало более определенной и даже более глубокой их неразвитость. Есть не так уж много оснований полагать, что этот процесс может быть повернут вспять в обозримом будущем, если не принимать во внимание миграцию провинциальных бедняков и их превращение в бедняков городов-метрополий. С точки зрения внешней ситуации, даже если бы развитие промышленности Сан-Паулу было относительно автономным, оно все в большей мере сателлитизируется мировой капиталистической метрополией, так что будущие возможности развития очень ограничены⁵. Это развитие, как заставляют меня считать мои исследования, также обречено быть ограниченным или

неразвитым, поскольку происходит в существующих экономических, политических и социальных рамках.

В общем, мы должны сделать вывод, что неразвитость – это не результат существования архаических институтов и нехватки капитала в регионах, изолированных от магистрального направления мировой истории. Напротив, неразвитость возникла и до сих пор порождается как результат того же исторического процесса, что приводит и к экономическому развитию, – развития капитализма как такового. К счастью, этот взгляд получает все большее распространение среди исследователей Латинской Америки, проливая новый свет на проблемы континента и предоставляя лучшую перспективу для формулирования теории и политики⁶.

Исторический и структурный подход может привести к выработке лучших теории и политики развития, создавая гипотезы о развитии и неразвитости, вроде тех, что я проверяю в этой работе. Гипотезы исходят из эмпирических наблюдений и теоретических предположений о том, что в рамках всемирной структуры «метрополия-сателлит», метрополии имеют тенденцию к развитию, и сателлиты – к неразвитости. Первая гипотеза упоминается выше: в отличие от развития мировой метрополии, которая не является ничьим сателлитом, развитие национальных и других подчиненных метрополий ограничено их сателлитным положением. Пожалуй, эту гипотезу проверить сложнее, чем последующие, поскольку часть ее подтверждения основывается на проверке других гипотез. Тем не менее, эта гипотеза в общем подтверждается неавтономным и неудовлетворительным экономическим и, особенно, промышленным развитием латиноамериканских национальных метрополий, как показывают цитированные в статье исследования. Лучшее всего это показывают примеры регионов-метрополий, Буэнос-Айреса и Сан-Паулу, чей рост начался только в XIX веке, поэтому был свободен от колониального наследия, но был и остается сателлитным развитием, в значительной мере, зависящим от внешних метрополий, Великобритании и США соответственно.

Вторая гипотеза: опыт сателлитов показывает, что их экономическое и, особенно, классическое капиталистическое индустриальное развитие, является тем большим, чем их связь с метрополией слабее. Эта гипотеза фактически диаметрально противоположна общераспространенному утверждению, что развитие в неразвитых странах – следствие контакта и проникновения развитых стран метрополии. Эта гипотеза подтверждается двумя типами относительной изоляции в истории Латинской Америки. Первый тип – относительная изоляция, вызванная военным кризисом или депрессией мировой метрополии. За

небольшим исключением, пять периодов таких кризисов подтверждают эту гипотезу. Это европейская, особенно испанская, депрессия XVII века, наполеоновские войны, Первая мировая война, депрессия 1930-х гг. и Вторая мировая война. Очевидно, что наибольшее промышленное развитие – особенно в Аргентине, Бразилии и Мексике, но также и в других странах, таких как Чили – имело место в период двух мировых войн и депрессии. Благодаря естественному упадку торговли и инвестиционных связей, сателлиты пришли к автономной индустриализации и развитию. Исторические исследования показывают, что подобные события происходили в Латинской Америке и во время европейской депрессии XVII века. В странах Латинской Америки росло мануфактурное производство, и некоторые из них, например, Чили, стали экспортёрами промышленных товаров. Наполеоновские войны привели к подъёму освободительных движений в Латинской Америке, и это, пожалуй, также можно интерпретировать как подтверждение гипотезы о развитии.

Другой тип изоляции, подтверждающий вторую гипотезу – это географическая и экономическая изоляция регионов, которые в это время были относительно слабо связаны с меркантилистской и капиталистической системой. Мои предварительные исследования показывают, имеющие опыт автономного экономического развития классического индустриального капиталистического типа. Наиболее важные региональные примеры – это Тукуман и Асунсьон, и такие города как Мендоза и Розарио, во внутренней части Аргентины и Парагвая в конце XVIII – начале XIX веков. Другой пример – Сан-Паулу XVII – XVIII веков, где рост начался задолго до возделывания кофе. Пожалуй, Антиохия в Колумбии и Пуэбла и Керетаро в Мексике также могут служить примерами. В определенной мере, Чили – тоже пример, поскольку пока не установился морской путь вокруг Мыса, эта страна была относительно изолирована, будучи конечной точкой долгого пути из Европы через Панаму. Все эти регионы стали промышленными центрами или даже экспортёрами, обычно, текстиля, в период, предшествующий их инкорпорации как сателлитов в колониальную, национальную и мировую капиталистическую систему.

Конечно, на международном уровне классическим случаем индустриализации через неучастие в капиталистической системе в роли сателлита является случай Японии после Реставрации Мейдзи. Можно спросить, почему ресурсно бедная, но не являющаяся сателлитом Япония смогла индустриализоваться так быстро в конце столетия, в то время, как богатые ресурсами страны Латинской Америки и Россия оказались на это не способны (последняя оказалась разбитой Японией

в войне 1904 г.) после тех же сорока лет попыток развития? Вторая гипотеза утверждает, что фундаментальная причина в том, что Япония не стала сателлитом ни во время Токугавы, ни во время Мейдзи, и поэтому ее развитие не имело структурных ограничений, как в сателлитизированных странах.

Следствие из второй гипотезы – когда метрополия оправляется от кризиса и восстанавливает торговлю и инвестиционные потоки, которые полностью возвращают сателлитов в систему, или во время экспансии метрополии, полностью втягивающей сателлитов во всемирную систему, происходит удушение предшествующего развития или оно перестает быть самоподдерживающимся. Это произошло после всех пяти вышеописанных кризисов. Возобновление торговой экспансии и распространение экономического либерализма в XVIII и XIX веках обрекли на смерть промышленное развитие, которое Латинская Америка пережила в XVII веке, а в некоторых частях – и в начале XIX века. После Первой мировой войны, новая национальная индустрия Бразилии получила серьезный удар от американского экономического вторжения. Рост валового национального продукта и индустриализация Латинской Америки вновь остановились, и промышленность стала сателлитной после Второй мировой войны, и особенно после экономического восстановления и экспансии, последовавших после войны в Корее. Так и не развившись с того времени, промышленные сектора Бразилии и почти вся Аргентина стали структурно все более неразвитыми и все менее способными продолжать индустриализацию и политику экономического развития. Этот процесс, от которого страдает и Индия, отражается в целой гамме платежей, инфляционных и других экономических и политических затруднений, и является непреодолимым без значительных структурных изменений.

Наша гипотеза подсказывает, что идентичный процесс еще более драматически проходит в отношении ранее не бывших сателлитами регионов. Экспансия Буэнос-Айреса как сателлита Великобритании и введение свободной торговли в интересах правящих групп обеих метрополий почти полностью разрушило промышленность и экономическую базу внутренней части страны. Промышленность была разрушена зарубежной конкуренцией, земли были скуплены и сконцентрированы в латифундии усилиями алчно растущей экспортной экономики, межрегиональное распределение доходов стало более неравным, и ранее развитые регионы стали просто сателлитами Буэнос-Айреса и, через него, Лондона. Провинциальные центры не сдавались без борьбы. Этот конфликт метрополии и сателлитов был, в значительной мере, причиной долгой политической и вооруженной борьбы между унита-

ристами из Буэнос-Айресе и федералистами из провинции, и был важной причиной Войны Тройственного альянса, в которой Буэнос-Айрес, Монтевидео и Рио-де-Жанейро, поддержанные Лондоном, разрушили не только автономно развивающуюся экономику Парагвая, но и убили почти все его население, не желавшее сдаваться. Хотя этот пример, подтверждающий гипотезу, является наиболее ярким, я убежден, что исторические исследования сателлитизации ранее относительно независимых фермерских хозяйств и зарождающейся промышленности в регионах, вроде Карибских островов, сделают ее еще более убедительной⁷. У этих регионов не было шансов противостоять силам расширяющегося и развивающегося капитализма, и их собственное развитие было принесено в жертву этим силам. Экономика и промышленность Аргентины, Бразилии и других стран, ощутивших результаты восстановления метрополии после Второй мировой войны, сейчас страдает почти от такой же судьбы, к счастью, в несколько меньшей мере.

Третья основная гипотеза, следующая из структуры «метрополия-сателлит»: регионы, сейчас являющиеся наиболее неразвитыми и напоминающими феодальные, в прошлом имели наиболее тесные связи с метрополией. Эти регионы были крупнейшими экспортерами сырья и источниками капитала для мировых метрополий, и были покинуты метрополиями, когда по тем или иным причинам коммерческая деятельность пришла в упадок. Это также противоречит общераспространенному утверждению, что источником неразвитости региона является изоляция и наличие докапиталистических институтов.

Эта гипотеза полностью подтверждается бывшим развитием, а ныне неразвитостью некогда экспортирующих сахар Вест-Индии, северо-востока Бразилии, когда-то угольных территорий Минас-Жераиса в Бразилии, высокогорья Перу и Боливии, и центральных штатов Мексики Гуанахуато, Закатекас и других, чьи имена были известны столетия назад благодаря их серебру. Сейчас определенно во всей Латинской Америке нет регионов, в большей мере отмеченных печатью неразвитости и бедности, однако все они, как и Бенгалия в Индии, когда-то были источником торгового и промышленного капиталистического развития в метрополии. Участие этих регионов в развитии мировой капиталистической системы создало в них, именно в их золотой век, типичные структуры неразвитости капиталистической экспортной экономики. Когда рынок сахара или недр шахт иссякли, и метрополии оставили их на произвол судьбы, существующие в них экономические, политические и социальные структуры не дали ими возможности самостоятельного экономического развития и не остави-

ли других альтернатив, кроме погружения в себя и дегенерации до состояния сверхнеразвитости, которую мы видим сегодня.

Эти размышления наводят на две связанные гипотезы. Первая из них: латифундии, независимо от того, выступают они сегодня как плантации или гасиенды, возникли как коммерческие предприятия, создавшие для себя институты, позволявшие им отвечать на растущие требования мирового и национального рынка расширением количества земли, капитала и труда для повышения предложения на их товары. Пятая гипотеза: латифундии, которые рассматриваются как изолированные, связанные с натуральным хозяйством и полуфеодалные, стали такими из-за снижения спроса на их товары, и их можно обнаружить в вышеуказанных регионах, когда-то занимавшихся сельскохозяйственным и горным экспортом, чья хозяйственная деятельность пришла в упадок. Эти две гипотезы противоречат замечаниям большинства людей, и даже точке зрения некоторых исследователей этой проблемы, утверждающим, что исторические истоки и социально-экономические причины возникновения латиноамериканских латифундий и аграрных институтов можно обнаружить в перенесении феодальных институтов из Европы и/или экономической депрессии.

Проверить эти гипотезы не так просто, это требует детального анализа многих случаев. Тем не менее, некоторые подтверждения есть. Рост латифундий в XIX веке в Аргентине и на Кубе – отличный пример, подтверждающий четвертую гипотезу, и его никак нельзя объяснить перемещение феодальных институтов в колониальный период. Также очевиден пример послереволюционного и современного восстановления латифундий, работающих на американский рынок, на севере Мексики, побережье Перу и новых специализирующихся на кофе регионов Бразилии. Превращение хозяйств мелких фермеров на Карибских островах, таких как Барбадос, в сахароэкспортирующие экономики в разное время между XVII и XX веками, и последовавшее становление латифундий на этих островах также подтверждает четвертую гипотезу. В Чили становление латифундий и рабства, которое позже начало рассматриваться как феодальное явление, произошло в XVIII веке и было результатом открытия рынка чилийского зерна в Лиме⁸. Даже рост и укрупнение латифундий в Мексике XVII века – что большинством исследователей рассматривается как порождение экономической депрессии, вызванной упадком горной промышленности и нехваткой индейского труда, определившей поворот к превращению экономики в аграрную – произошел во время, когда городское население и спрос росли, частой стала нехватка питания, цены на продукты выросли до небес, и прибыльность других видов экономиче-

ской деятельности, таких как добыча ископаемых и внешняя торговля, упала⁹. Эти и другие факторы сделали гасиенды более прибыльными. Поэтому, даже этот случай подтверждает гипотезу о том, что рост латифундий и псевдофеодалное рабство в Латинской Америке всегда были и до сих пор являются коммерческим ответом на растущий спрос, и что они не представляют собой привнесение или пережиток чуждых институтов, возникших до начала капиталистического развития. Возникновение латифундий, которые сегодня являются более или менее (в любом случае, не полностью) изолированными, можно рассматривать, как последствие причины, описанной в пятой гипотезе, то есть упадка ранее прибыльных аграрных предприятий, чей капитал и прибавочный продукт перераспределяется в другие места их владельцами или торговцами, которые нередко – одни и те же люди или семьи. Проверка этих гипотез требует более детального анализа, который я предпринял в исследовании сельского хозяйства Бразилии¹⁰.

Все эти гипотезы и исследования настаивают на глобальной экспансии и единстве капиталистической системы, ее монополистической структуре и неравномерном развитии, которым отмечена вся ее история, и, как результат, на том, что торговый, а не индустриальный капитализм в неразвитом мире (включая его наиболее преуспевшие в индустриализации страны) должен привлекать большее внимание в исследовании экономического развития и культурных изменений, чем это было до сих пор. Поскольку наука и правда не имеют государственных границ, новые поколения ученых из неразвитых стран, те, для кого эти проблемы наиболее важны и кто лучше всего способен справиться с ними, обратят на эти проблемы необходимое внимание и сделают понятными процессы развития и неразвитости. Эти люди должны поставить задачу изменить это неприемлемое положение дел, сокрушив эту презренную реальность.

Они не смогут справиться с этими задачами, импортируя стерильные стереотипы, не соответствующие их экономической действительности и не отвечающие их политическим задачам освобождения, из метрополии. Чтобы изменить реальность, они должны понять ее. Поэтому, я надеюсь, что подтверждение моих гипотез и развитие исторического, холистического и структурного подхода может помочь народам неразвитых стран понять причины и изменить действительность их развития неразвитость и их неразвитости развития.

¹ *America Latina*. – 1963. – No 4. – P. 8.

² *Instituto Nacional Indigenista. Los centros coordinadores indigenistas. – Mexico, 1962. – P. 34.*

³ *Ibid.* – P. 33 – 34, 88.

⁴ *Capitalist Development and Underdevelopment in Chile // Capitalism and Underdevelopment in Latin America.* – NY., 1967.

⁵ *The Growth and Decline of Import Substitution // Economic Bulletin for Latin America.* – 1964. – Vol. 9. – No. 1; Furtado C. *Dialectica do Desenvolvimento / C. Furtado.* – Rio de Janeiro, 1964.

⁶ Среди тех, кто имеет похожие взгляды, но не доводит их до логического вывода из-за идеологических убеждений: Anibal Pintos S.C. *Chile Un caso de desarrollo frustado / S.C. Anibal Pintos.* – Santiago, 1957; Furtado C. *A formacao economica do Brasil / C. Furtado.* – Rio de Janeiro, 1959; Caio Prado Junior, *Historia Economica do Brasil / Caio Prado Junior.* – São Paulo, 1962.

⁷ Guerra y Sanchez R. *Azucar y Poblacion en las Antillas / R. Guerra y Sanchez.* – Havana 1942.

⁸ Gongora M. *Origen de los "inquilinos" de Chile central / M. Gongora.* – Santiago, 1960; Borde J., Gongora M. *Evolucion de la propiedad rural en el Valle del Puango / J. Borde, M. Gongora.* – Santiago, 1959.

⁹ Вудро Бора (Woodrow Borah) основывает на депрессии свое объяснение в "New Spain's Century of Depression" (Ibero-Americana, Berkeley, No. 35, 1951). Франсуа Шевалье (Francois Chevalier) говорит о точке перехода в наиболее авторитетном исследовании проблемы "La formacion de los grandes latifundios en Mexico" (Mexico, Problemas Agricolas e Industriales de Mexico, VIII, No. 1, 1956). Данные, на которых основана моя, противоречащая им интерпретация, взяты у этих авторов. Эта проблема рассматривалась в моей статье "Con que modo de produccion convierte la gallina maiz en huevos de oro?" (El Gallo Ilustrado, Suplemento de El Dia, Mexico, No.s 175 and 179, October 31 and November 28, 1965) в дальнейшем она будет проанализирована в моем готовящемся исследовании.

¹⁰ *Capitalism and the Myth of Feudalism in Brazilian Agriculture // Capitalism and Underdevelopment in Latin America.* – NY., 1967.

Юлия ВАЩЕНКО

ИЗМЕНЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФИГУРАЦИИ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОГО КОНТИНЕНТА

В статье исследуется специфика политических процессов в странах Латинской Америки в конце XX – начале XXI вв.; проводится анализ причин возрождения «левых» и демократического транзита в регионе. Латинская Америка переживает серьезные перемены. Регион Латинской Америки последовательно к 90-м гг. XX в. укрепляет свои позиции как один из центров влияния и хозяйственного роста в формирующемся многополярном мире. В работе особое внимание уделяется трансформации политических процессов, эволюции партийных систем в эпоху глобализации. Изменения в политической конфигурации латиноамериканских стран рассматривается с точки зрения роли США и Испании в современном мире.

Ключевые слова: Латинская Америка, развивающиеся государства, политические процессы, интеграция, экономический рост, либерализм, этатизм

The Author analyzes political processes in the countries of Latin America in the end of XX – the beginning of XXI centuries. The reasons of "left" revival and democratic transit in the region are also investigated. Latin America is enduring serious changes. The region of Latin America consistently by 90th of XX century has strengthened the positions as one of the centers of influence and economic growth in the formed multipolar world. In the paper the special attention is given to transformation of political processes, evolution of party systems during globalization epoch. The changes in political configuration of the Latin American countries it is considered from the point of view of the role of the USA and Spain in the modern world.

Keywords: Latin America, developing states, political processes, integration, economic growth, liberalism, etatism

За одиннадцатилетний период (с 1998 г. по 2009 г.) на политической арене латиноамериканского континента вновь возникают правительства левого толка и приходят к власти не революционным, а конституционным, демократическим путём: трижды – в Венесуэле; дважды – в Бразилии, Чили, Аргентине; а также в Уругвае, Боливии, Эквадоре, Никарагуа, Перу, Коста-Рике, Панаме, Гватемале, Парагвае, Сальвадоре. Причём стоит отметить, что на новом витке развития мировой истории, на рубеже XX и XXI вв., произошло некое осмысление возрождения левых, которое привело к коренным изменениям во всей политической конфигурации этих стран. Для того чтобы проанализировать столь масштабный успех левых, стоит разобраться, что же означает эта «левизна» в современных реалиях, а также выявить причины, приведшие политиков левого толка к победе в четырнадцати странах латиноамериканского континента.

Регион Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ) последовательно к 90-м гг. XX в. укрепляет свои позиции как один из центров влияния и хозяйственного роста в формирующемся многополярном мире. Речь идет о 33 суверенных государствах с общим населением, приближающимся к 600 млн. человек, суммарным ВВП – более 2 трлн. долл., объемом внешней торговли – свыше 1,2 трлн. долл. и долей промышленной продукции в экспорте, составляющей порядка 65%¹.

Ощутимо возрастает и внешнеполитическая роль Латинской Америки, степень ее самостоятельности в международных делах. Еще совсем недавно, в последнее десятилетие XX века, большинство стран региона однозначно ориентировались на США, декларировалось даже установление так называемых «кровных отношений», что позволило Вашингтону прочнее «привязать» к себе южных соседей, в частности, путем учреждения под своей эгидой интеграционных группировок и подписания серии соглашений о свободной торговле. (1 января 1994 г. была образована Североамериканская ассоциация свободной торговли (НАФТА) с участием США, Канады и Мексики). Окрыленный успехом Белый дом уже в декабре того же года на Саммите Америк в Майами добился единодушного одобрения амбициозного мегапроекта - создания к 2005 г. Зоны свободной торговли Америк (АЛКА) с участием всех латиноамериканских государств от Рио-Гранде до Огненной земли². Тем самым вашингтонские стратеги планировали «намертво» закрепить южную часть Нового света в качестве неисчерпаемого экономического резерва американского бизнеса и обеспечить свои ТНК весомыми и долгосрочными преимуществами в острейшей глобальной конкуренции с европейскими и азиатскими корпорациями³.

Однако принятая «дорожная карта» формирования АЛКА не была выполнена, и события в Латинской Америке на рубеже веков стали развиваться по другому сценарию. Группа ведущих государств региона (Аргентина, Бразилия, Венесуэла) взяла курс на преимущественное развитие не панамериканской, а латиноамериканской интеграции, в частности, на основе расширения Общего рынка юга – МЕРКОСУР – и на диверсификацию экономических и политических связей за пределами Западного полушария. Интенсифицировались контакты с Европейским союзом, резко возрос товарообмен со странами Азии, в первую очередь с Китаем, который выдвинулся в число крупнейших потребителей латиноамериканских продуктов. Мексика, Перу, Чили приняли активное участие в развитии многостороннего сотрудничества в рамках АТЭС. Все чаще государства Латинской Америки прояв-

ляют твердость в отстаивании своих интересов и своей самостоятельности. (Характерный пример – отказ Мексики и Чили в 2003 г. поддержать в Совете Безопасности ООН позицию США по проблеме Ирака⁴).

В последние годы в условиях ревалоризации природных ресурсов и повышения цен на многие виды сырьевых и продовольственных товаров стратегическая ценность Латинской Америки растет. Латиноамериканцы открывают для себя новые возможности на международной арене, демонстрируют серьезную геоэкономическую и геополитическую перекомпоновку своих приоритетов. В этом – одно из главных объяснений повышения роли латиноамериканских стран в мировой экономике и политике⁵.

Нынешняя социально-политическая ситуация в Латинской Америке во многом – продукт тяжелых последствий монетаристских реформ 90-х годов. После периода доминирования в регионе неолиберального фундаментализма, с его кажущейся безальтернативностью, космополитической и антисоциальной направленностью, в качестве антитезы на первый план вышли национально ориентированные подходы и концепции. В центре внимания оказались вопросы, связанные с отстаиванием суверенитета и национальных экономических интересов, социальной защищенностью малоимущих категорий населения, укреплением институтов гражданского общества. В начале XXI века регион сошел с неолиберальной орбиты и начал выстраивать иную, альтернативную парадигму общественного развития. И это – непреложный исторический факт⁶.

Одним из ключевых моментов последних тенденций стала возросшая роль государства во всех сферах общественной жизни. В странах Латинской Америки наблюдается создание госпредприятий и в целом наращивание государственной инвестиционной активности, реализуются масштабные социально значимые программы (например, строительство доступного жилья), развивается льготное кредитование малых и средних предпринимателей, растет потребительский и ипотечный кредит, в рамках борьбы с инфляцией сдерживается рост цен и тарифов, поощряется экспортная ориентация местных товаропроизводителей. Четко просматривается ослабление зависимости государственной власти от традиционных групп давления, прежде всего – международного бизнес-сообщества (Аргентина и Бразилия, например, полностью погасили свои долги МВФ). По существу, выстраивается новая модель частно-государственного партнерства, приоритетное значение в котором отводится национальным интересам и социальной ответственности бизнеса⁷.

В 2004-06 годах Латинская Америка продемонстрировала самые высокие за последние четверть века темпы экономического роста – в среднем порядка 5% в год. При этом Аргентина и Венесуэла, страны, где государственное регулирование экономики особенно заметно, развивались рекордными («китайскими») темпами – от 9 до 18% в год. Динамичный рост позволил латиноамериканцам не только укрепить и модернизировать хозяйственные структуры, расширить инновационный сектор экономики, но и продвинуться вперед в борьбе с бедностью и нищетой, сократить безработицу и понизить градус социальной напряженности⁸.

Не менее важно, что в регионе в целом преодолена практика прямого вмешательства военных в политическую жизнь, многие годы служившая «визитной карточкой» Латинской Америки. Даже кризисные потрясения на рубеже веков, вроде драматических событий в Аргентине в 2001-02 годах, не привели к ликвидации конституционных институтов, которые выстояли и обеспечили развитие политического процесса в русле нормальных демократических процедур.

Отмеченные экономические и политические перемены в регионе происходят в контексте поворота «влево» целого ряда государств. Латиноамериканские страны одна за другой начали менять политическую окраску⁹.

Сначала Венесуэла (Уго Чавес в декабре 1998 г.), затем Бразилия (Луис Инасио Лула да Силва в октябре 2002 г.) и Аргентина (Нестор Киршнер в мае 2003 г.) электоральным путем обретают руководство, отрицающее (и осуждающее) прошлый неолиберальный опыт и декларирующее социальную (если не социалистическую) ориентацию своей политики. Вслед за этим Широкий левый фронт во главе с Табаре Васкесом в октябре 2003 г. побеждает в Уругвае, на президентских выборах в Боливии в декабре 2005 г. «приходит первым» левый радикал – индеец Эво Моралес, назвавший свою победу на выборах «кошмаром Белого дома».¹⁰ В январе 2006 г. в Чили одерживает верх кандидат от социалистической партии Мишель Бачелет (первая женщина-президент в истории этой страны), а в марте 2006 г. в Коста-Рике президентом становится социал-демократ, лауреат Нобелевской премии мира Оскар Ариас. Эстафету в ноябре 2006 г. подхватили левые в Никарагуа и Эквадоре: в первом случае победил лидер сандинистов Даниэль Ортега, во втором – близкий У. Чавесу экономист Рафаэль Корреа. Невероятно близок к победе был лидер левых сил в Мексике Андрес Мануэль Лопес Обрадор, уступивший сопернику 0,6% голосов. Неплохой результат на выборах в Перу показал еще один левый радикал индейского происхождения Ольянта Умала, во втором

круге уступивший политику социал-демократического толка. Нельзя исключать того, что «левая волна» докатится и до других латиноамериканских стран¹¹.

«Левый поворот» по своему значению вышел за рамки Латинской Америки, поскольку дистанцировал регион от США и сблизил его с государствами социал-демократической ориентации. Не случайно происходит интенсивное сближение латиноамериканских левонациональных режимов с Испанией, где у власти с апреля 2004 г. находится правительство Испанской социалистической рабочей партии. Заметна активизация латиноамериканцев и в Движении неприсоединения, последний саммит (XIV Конференция глав государств и правительств) которого прошел в сентябре 2006 г. в Гаване¹².

Такова внешняя канва событий. Количество и синхронность «левых поворотов» говорят о некоей закономерности, природу (и политическую судьбу) которой еще предстоит понять. Пока можно высказать следующие соображения. Сложность интерпретации подлинного содержания и перспектив «левой волны» связана с имеющимися различиями между самими левоориентированными режимами и конкретными ситуациями в отдельно взятых странах. Так, чилийское правительство существенно отличается от венесуэльского режима, а уругвайское – от никарагуанского. Несопоставимо положение в Аргентине и Боливии. В первом случае очевиден социально-экономический прогресс и поддерживается политическая стабильность, во втором – наблюдается опасное обострение ситуации, происходит фрагментация сил, изначально поддержавших леворадикальный проект. У всех режимов «левой волны» разный запас прочности. В конечном итоге успех будет зависеть от того, сумеют ли «новые левые» на практике доказать, что в русле левонационалистической модели возможно обеспечить органичное сочетание экономического роста и социального прогресса. В этом состоит главный исторический вызов Латинской Америки. Если на него будет дан адекватный ответ и латиноамериканские страны в русле «левого дрейфа» пройдут точку невозврата, то события в регионе обретут дополнительную глобальную, общечеловеческую значимость.

¹ Окунева Л.С. *Бразилия: особенности демократического проекта. Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960- гг. – 2006 г.)* / Л.С. Окунева. – М., 2008. – С. 65.

² «Левый поворот» в Латинской Америке: причины, содержание, последствия // *Латинская Америка*. – 2006. – № 6. – С. 17.

³ Бобровников А.В. *Латинская Америка: новые вызовы и пути модернизации* / А.В. Бобровников // *Латинская Америка*. – 2005. – № 10. – С. 9.

⁴ Шереметьев И. К., Жирнов О. А. «Левый поворот» в Латинской Америке / И.К. Шереметьев, О.А. Жирнов. - М., 2008. - С. 50.

⁵ Давыдов В. Беспрецедентный сдвиг в политическом ландшафте региона / В. Давыдов // Латинская Америка. - 2007. - № 7. - С. 16.

⁶ Давыдов В. М. Левый дрейф Латинской Америки / В.М. Давыдов // Свободная мысль. - 2006. - № 11/12. - С. 29.

⁷ Шереметьев И. К., Жирнов О. А. «Левый поворот» в Латинской Америке / И.К. Шереметьев, О.А. Жирнов. - М., 2008. - С. 85.

⁸ Шереметьев И.К. «Левый поворот» в Латинской Америке глазами экономиста. По поводу «круглого стола» на данную тему / И.К. Шереметьев // Латинская Америка. - 2007. - № 2. - С. 8.

⁹ Майданик К.Л. «Четвертая волна» (О новом цикле социально-политического развития Латинской Америки. Взгляд слева) / К.Л. Майданик // Мировая экономика и международные отношения. - 2006. - № 11. - С. 36.

¹⁰ «Левый поворот» в Латинской Америке: причины, содержание, последствия // Латинская Америка. - 2006. - № 6. - С. 16.

¹¹ Шереметьев И.К. «Левый поворот» в Латинской Америке глазами экономиста. По поводу «круглого стола» на данную тему / И.К. Шереметьев // Латинская Америка. - 2007. - № 2. - С. 10.

¹² Дабагян Э.С. Политическая жизнь в Латинской Америке на рубеже веков / Э.С. Дабагян // Свободная мысль. - 2006. - № 5. - С. 11

ТЕМА НОМЕРА – I

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА: БЕДНОСТЬ, РЕВОЛЮЦИЯ, РАЗВИТИЕ

*Джо ЭМЕРСБЕРГЕР
Джэб СПРАГ*

БЕЗНАКАЗАННОСТЬ КРУПНЫХ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ В ВЕНЕСУЭЛЕ*

Скоро исполнится десять лет, как Венесуэла пребывает в фокусе мировых СМИ, став ареной ожесточенной политической битвы за контроль над судьбой этой страны. И критики народно избранного президента Уго Чавеса обычно игнорируют то глубокое социально-экономическое неравенство, которое и вынудило людей выбрать его президентом.

Боливарианская революция много сделала для улучшения условий жизни низов и для создания альтернативного регионального блока стран, одновременно продвигая формы невиданной здесь ранее демократии, основанной на участии масс. Но революция оказалась вынуждена бороться с противоречиями, укорененными в результате длительной истории социального неравенства, усиленного капиталистической глобализацией. Нигде это неравенство не выражено настолько четко, как в сельской местности, где огромные земли и поныне остаются в руках нескольких очень и очень богатых семейств.

В этом году выходит документальный фильм «Tierras Libres», который рассказывает о том, что предпочитают умалчивать мировые СМИ – об убийствах сотен венесуэльских крестьян. Их убивают вооруженные банды и правые военизированные группировки. Крестьян убивают за попытки реализации правительственной земельной реформы. Эти преступления происходят не без участия крупных землевладельцев, которые оказывают свирепое сопротивление земельной

* Публикуется по: Emersberger J., Sprague J. Impunity for Venezuela's big landowners / J. Emersberger, J. Sprague. – (<http://www.aljazeera.com/indepth/opinion/2011/11/201111810548458225.html>). Перевод с английского М.В. Курчанова.

реформе правительства. В одной из сцен фильма женщина средних лет, которую зовут Донеяла, рассказывает о том, как ее муж Хермес Эскалона был убит в 2003 году вооруженной бандой, как только приступил к работе на поле, которое стояло под паром и было частью огромной плантации.

Она рассказала обо всем президенту Уго Чавесу в еженедельной телепрограмме «Алло, Президент», и надеялась, что президент выполнит обещание «ускорить» привлечение убийц ее мужа к суду. И действительно, как показано в фильме, Уго Чавес обязал своего адвоката помочь женщине в ее деле. Но проходят годы с момента ее обращения к Уго Чавесу, Донеяла все еще является поклонницей президента – однако, со слезами на глазах говорит, что справедливости для бедных в Венесуэле не существует. По словам ее сына, несмотря на то, что семья получила президентскую помощь, судебные тяжбы ни к чему не привели. Время рассмотрения иска затягивается, и на это нужно все больше и больше денег, что является сложным эмоциональным и финансовым грузом. Другими словами, сама судебная система устроена так, чтобы и дальше служить интересам 1 % населения, то есть тем, кто ее создал под себя. Режиссер Эдвард Эллис таким образом описывает ситуацию, которая сложилась в стране: «Судебная система Венесуэлы, чтобы там ни говорили международные СМИ, остается преимущественно в руках среднего и высшего классов... биографии большинства венесуэльских судей начались в силовых структурах прежнего режима... большинство адвокатов и судей по происхождению и по культуре принадлежит к тому же классу, что и землевладельцы-латифундисты. Они ходили в одну школу, учились вместе в университете, посещают одни и те же клубы, пьют тот же виски. И не важно, надевают ли они демонстрациях красную кепку или нет. В результате, мы имеем судебную систему, управляемую и контролируемую богатыми».

Все факты убийства крестьян полностью игнорировались международной прессой. Поэтому в августе этого года в редакцию британской «Guardian», которая имеет репутацию одной из ведущих левых газет планеты, была направлена специальная петиция. Ее подписали Ноам Хомски, Джон Пилджэр и многие другие литераторы и журналисты. Они спрашивали, почему, несмотря на то, что «Guardian» вот уже многие годы имеет в Каракасе собственного корреспондента, проблема убийства крестьян в Венесуэле полностью игнорируется этим изданием? «Guardian», которая регулярно помещает критические материалы о правительстве Уго Чавеса, никогда не писала ни об убийствах активистов аграрной реформы, ни о демонстрациях протес-

та против этих преступлений, например – о том, десяти тысячном марше к Национальной Ассамблее, который состоялся 8 июня 2011 года и был организован крестьянскими общинами, требовавшими правосудия.

Через несколько недель после подачи петиции редакция «Guardian» позволила Эдварду Эллису написать материал об этой проблеме. Он заявил о том, что безнаказанность богатых землевладельцев в Венесуэле «является прямым вызовом современной концепции прав человека и делает судебную систему страны заложницей прихотей жадных до власти и сильных мира этого, которых часто изображают себя в качестве политических диссидентов».

Прекрасным примером «современной концепции прав человека», писал Э. Эллис, стал выпущенный в августе 2011 года доклад Международной Кризисной Группы о проблеме насилия в Венесуэле. В заключение этого доклада говорится: «насилие и угроза применения насилия, стали неотъемлемой частью политического проекта Президента Уго Чавеса».

Однако, согласно данным того же доклада, подавляющее большинство жертв политического насилия, начиная с 1999 года, являются сторонниками У. Чавеса. Сотни крестьян, таких как Хермес Эскалона, были убиты лишь за попытку реализовать политику, приоритетную для правительства У. Чавеса и ведущую к независимости страны от иностранного импорта продовольствия. Тот факт, что богатые землевладельцы смогли безнаказанно убить сотни чавистов, уже многое говорит о власти богатых в этой стране и об их способности прибегать к насильственным методам.

Оппоненты Уго Чавеса занимают высокие посты губернаторов штатов, мэров, членов законодательных органов, судей и шефов полиции – они способны существенно углубить конфликт в этой стране. Бывший начальник метрополитена Каракаса, например, открыто выступил на стороне путчистов, которые пытались свергнуть Уго Чавеса в 2002 году.

Но, несмотря на все эти факты, невозможно даже представить, чтобы такая известная и хорошо финансируется НГО, как Международная кризисная группа, написала бы следующее: «насилие и угроза применения насилия стали в Венесуэле стали неотъемлемой частью политического проекта оппозиционной элиты», хотя подобная формулировка и была бы намного ближе к истине.

Игнорируя ключевые факты и социальное неравенство, которое лежит в основе политического конфликта в Венесуэле, СМИ и профессионалы из НГО неизменно возводят широкое и разноплановое

низовое движение к якобы имеющим место махинациям со стороны президента Уго Чавеса.

В телеграммах американского посольства, опубликованных WikiLeaks, говорится, что американские официальные лица уделяют большое внимание продолжению пропагандистской войны против У. Чавеса. Однако разнообразным НГО, таким как «Human Rights Watch», «Inter-American Commission on Human Rights» и прочим совсем не нужно об этом напоминать. Они и без того пишут объемные доклады о Венесуэле, которые оправдывают действия оппозиции, которая финансируется США, и скрывают ту роль, которую играет в ней местная и транснациональная элита.

Похоже, что многие представители прессы и международных НГО разделяют мысль некоторых из наиболее коррумпированных судей Венесуэлы: есть те, чья жизнь что-то и значит – и те, чья жизнь не значит ничего.

Мы уже привыкли читать критические репортажи о венесуэльских властях – но практически никто не говорит о темном мире венесуэльской элиты, которая сетью опутала страну и творит в ней насилие. Еще реже мы слышим о неравенстве, которое сохраняется и доныне, а также о мужественных попытках, которые делаются для того, чтобы постепенно его преодолеть. Чтобы узнать об этом, нужно, как сделал это Эдвард Эллис, самому прийти к беднякам Венесуэлы, и выслушать их свидетельства.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ ТРУЩОБ*

В 2003 году был опубликован ставший исторической вехой доклад ООН «Вызов трущоб», согласно которому миллиард человек живет в трущобах. Это треть городского мирового населения, и авторы доклада прогнозируют, что число этих людей будет расти. Скоро мировой город будет окружать уже не мировая деревня, а мировая трущоба.

Существование огромного числа людей, живущих в трущобах и занятых в неформальном секторе – это факт социальной и политической реальности, который необходимо учитывать левым. Социолог Майк Дэвис в книге «Планета трущоб» рисует мрачную картину разрастающихся мегатрущоб на окраинах мегаполисов третьего мира, в которых миллионы людей живут в лачугах, сделанных из картона, фанеры, досок и пластика. На другом полюсе богатства и бедности находятся своего рода гетто наоборот – закрытые сообщества для богатых со своими магазинами, клубами и вооруженной охраной по периметру. Многие сравнивают «Планету трущоб» с «Положением рабочего класса в Англии» Энгельса. Но в отличие от борьбы английских промышленных рабочих XIX века, борьба обитателей трущоб Дурбана и Кейптауна, бразильских фавел, венесуэльских барриос – это борьба людей, занятых в неформальном секторе экономики. Миллионы обитателей «планеты трущоб» работают не на фабриках и заводах, а мусорщиками, рикшами, разносчиками еды и старьевщиками. Поэтому «вызов трущоб» следует понимать как вызов политический – это и вызов для левых, но он же может стать частью вызова капиталистической системе. Дэвис ставит вопрос о том, способны ли жители мегатрущоб к самоорганизации и есть ли у них прогрессивный потенциал? Ведь когда жители трущоб разного этнического происхождения и религиозной принадлежности организуются, то они в некоторых случаях поддерживают правые реакционные организации, как, например, действующую в индийском мегаполисе Мумбаи индуистскую националистическую Шив Сена. В статье же пойдет речь о типологически сходных организациях, имеющих прогрессивный, отчетливо левый характер. Их борьба – это прежде всего борьба за то, что Анри

* Публикуется по: Райдер Дм. Политический вызов трущоб / Дм. Райдер. – (<http://commons.com.ua/archives/11816>)

Лефевр и вслед за ним Дэвид Харви называют «правом на город» – право на доступ к жилью, земле, воде, электричеству.

Общие черты прогрессивных движений обитателей трущоб – влияние различных версий теологии освобождения, связь с молодежной протестной культурой (хип-хоп, граффити), отрицание в ряде случаев электоральной политики, ставка на прямое действие в сочетании с судебными исками, союзничество с движениями сельской бедноты. Противостоя государству, они являются в то же время инклюзивными структурами, развивая самоуважение и культуру солидарности у своих участников. Вот три примера, показывающие разные подходы и уровни развития подобных движений.

Бразилия, как известно, это не только страна футбола и карнавала, но еще и страна огромных трущоб – фавел. 83 процента населения страны живет в городах. Урбанизация в Бразилии вызвала комбинированные процессы социальной маргинализации, пространственной сегрегации и деградации окружающей среды. У десятков миллионов бразильцев не было иной возможности селиться на городской территории, кроме как посредством самовольного захвата – более 50 процентов людей, живущих на городских территориях, имели доступ к земле и жилью незаконно. Как и в иных странах третьего мира, бразильцы осуществляли захват опасной среды обитания, занимая общественную землю, склоны холмов, территории вблизи свалок и железных дорог, берега рек. Кроме фавел, бедняки живут в corticos – зданиях, в которых ютятся несколько семей, без надлежащих санитарных условий.

Обычно фавелы представляют как вотчину мафии, зону беззакония, а обитателей – либо как преступников, либо как жертв обстоятельств. Однако в фавелах действует созданное в 1997 году Движение бездомных рабочих, городской аналог знаменитого Движения безземельных трудящихся. Собственно, изначально оно было фракцией внутри Движения безземельных. Отделения движения существуют в штатах Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу, Минас-Жерайс, Амазонас, Рорайма и Пернамбуку. Движение включает людей разных левых взглядов – от сторонников авангардной партии пролетариата до сторонников самоуправления. Активистское ядро организации образуют выходцы из MST, лидеры общин, семьи, которые присоединились во время захватов, члены профсоюзов, и студенты, связанные с радикальными марксистскими кругами.

Если безземельные трудящиеся требуют проведения аграрной реформы, то Движение бездомных рабочих выступает за городскую реформу, требует права на жилье, права на работу, выступает против

криминализации бедности. Активисты движения захватывают неиспользуемые земли на окраинах больших городов и здания, такие как закрытые фабрики, брошенные муниципальные строения, которых много в бразильских городах, сопротивляются выселениям, и, по сути, создают структуры контр-власти в сообществах бедняков. Первый крупномасштабный захват земли был осуществлен в том же году, когда было создано движение, в городе Кампинас, с участием 5200 семей.

Места, выбираемые для лагерей протеста – это участки неиспользуемой земли, часто принадлежащей спекулянтам, просто ждущим, когда можно получить прибыль от инвестиций. Названия лагерям дают либо в честь героев социальной борьбы Бразилии: например, «Жоао Кандидо» – в честь афро-бразильца, который поднял восстание моряков в 1910 году, «Чико Мендес» – в честь профсоюзного и экологического активиста, убитого в 1988 году, либо в честь всемирно известных революционеров – «Роза Люксембург». Лагеря построены вокруг коммунальных кухонь, которые обеспечивают участников протестов бесплатным питанием – благодаря помощи сочувствующих организаций и добровольцев из числа бездомных.

Захват земли происходит, например, так. Есть участок земли – Фазендинья, рядом с мегаполисом Сан-Паулу. Был план создать на нем поле для гольфа. В действительности «это была просто пустошь, центр спекуляции землей. Он был продан за 1 миллион долларов в начале 90-х, теперь его ориентировочная стоимость составляет 22 миллиона долларов». «MTST использовало свои связи в фавелах с семьями, вовлеченными в движение, и был составлен список потенциальных жителей. Ночью приблизительно 300 человек с факелами, мачете, кирками, молотками, проволокой, бамбуковыми палками и листами пластика, вторглись в Фазендинья». К утру на этой территории были уже сотни людей из рабочих районов Сан-Паулу.

Елена Сильвестр, один из лидеров MTST, описывает захваты как школу для организованных общественных действий и учебный полигон для будущих местных руководителей: «Мы хотим использовать специфический вопрос, вопрос жилья, как отправную точку, чтобы способствовать появлению настоящей народной власти». MTST защищает свою независимость от политических партий, но при этом, как говорит Сильвестр, «это не препятствует тому, чтобы мы имели хорошие отношения с ними или с левыми в целом. Мы считаем, что возможно объединить различные кампании, в настоящее время проводимые в изоляции в отдельных сообществах, вокруг общих целей. Посредством процесса борьбы наше движение становится более сильным

и привлекает новичков. В тоже время у нас даже нет нашего собственного офиса или средств оплатить штат».

Почти все участники движения – это безработные либо сборщики мусора, уборщики, уличные продавцы еды и газет, неохваченные традиционными профсоюзами. Движение разделено на бригады (подобно Движению безземельных), глава каждой бригады занимается координацией встреч, разрешением внутренних конфликтов, хозяйственными вопросами.

Активисты движения борются с наркоторговлей. Присутствие наркоторговцев в фавелах приводит к рейдам полиции, кроме того проблема наркозависимости в сообществах бедняков ведет к насилию по отношению к женщинам. Многие лидеры сообществ – женщины, и они часто конфликтуют с наркодилерами, которые рассматривают их только в качестве сексуальных объектов. Поэтому одним из крупнейших достижений локального Движения бездомных рабочих в штате Баия (это отдельное, но близкое к MTST движение) является создание женской организации *Guerreiras Sin Techo* (буквально – Бездомные Воительницы на португальском), призванной бороться с расизмом и сексизмом как внутри самого Движения, так и в обществе в целом.

Большое внимание MTST уделяет вопросам культуры и здравоохранения – устраиваются театральные представления и проводятся кинопоказы, при финансовой поддержке Венесуэлы открываются народные библиотеки и клиники. (Кстати, активисты движения часто посещают Венесуэлу для обмена опытом). Движение регулярно участвует в организации фестивалей политизированных хип-хоп групп. Хип-хоп популярен в фавелах, как и вообще в трущобах по всему миру. Молодые представители хип-хоп субкультуры сталкиваются с теми же проблемами, что и другие жители трущоб – бедность, безработица, полицейское насилие, расизм – что способствовало политизации хип-хоп артистов из бедных районов.

Помимо сотрудничества с организациями, озабоченными вопросами земли и жилья MTST старается вписать свою борьбу в более широкий контекст. Активисты MTST участвовали в акциях поддержки рабочих, захвативших фабрику *Cipla*, что является вдохновляющим примером солидарности между рабочими неформального сектора и промышленным пролетариатом.

В Венесуэле более 80 процентов населения живет в городах, это одна из наиболее урбанизированных стран Латинской Америки. При этом в местных трущобах – барриос живет большая часть из 28 миллионов населения страны. Открытие нефти в Венесуэле в 1920-х, сопровождаемое быстрым крахом сельского хозяйства, вызвало отток

сельского населения в города. Когда волна сельских жителей хлынула в города, многие из них столкнулись с отсутствием постоянной работы и жилья. Поэтому они строили свои жилища, где могли, особенно на крутых склонах холмов. Часто они селились на земле, принадлежавшей другим. Так возникли барриос.

В феврале 2002 президент Чавес подписал декрет, дающий жилищные права населению захваченных территорий, но декрет мог только относиться к случаям, когда земля принадлежала правительству или жителям, которые занимали землю больше десяти лет.

После этого декрета жители барриос сформировали *Comites de Tierras Urbanos* – Городские Земельные Комитеты. «Это не значит, что президент создал комитеты согласно декрету, скорее декрет установил юридические параметры для создания таких комитетов. Декрет определил, что венесуэльцы, которые живут в домах на захваченной земле, в которых живут почти все бедняки Венесуэлы, могут обратиться к правительству за правом на землю». Комитеты – это организации жителей барриос, выступающие за проведение городской реформы. Центральный пункт городской реформы в Венесуэле – передача земли в собственность семьям, которые ее давно заняли. Реформа также признает другие формы земельной собственности, такие как семейная собственность и коллективная собственность. В июне 2006 года, после того, как представители Городских Земельных Комитетов встретились с национальным собранием, был принят закон, регулирующий аренду земли в бедных городских районах. Благодаря этому закону, захваченные земли получили свое место в городском планировании, а жители барриос обрели право на коллективную собственность.

Как и *Abahlali* и *MTST*, *STU* выходят за пределы вопросов прав собственности. «Это больше чем только вопрос жилья. Это – культурный и социальный процесс, так же как и физический. У каждого района есть свой собственный дух, его собственные особенности. Люди не хотят терять эти вещи, когда они улучшают свой район». Комитеты теперь – это наиболее широко распространенная форма организованных общественных действий в Венесуэле, форма близкой сердцу многих левых демократии участия.

В *STU* жители барриос спорят, обсуждают и решают вопросы, которые непосредственно затрагивают какой-либо аспект их повседневной жизни. Это могут быть практические вопросы, связанные с жильем, такие как водоснабжение или подключение к электросети. Другие обсуждаемые вопросы – культура и образование. Многие *STU* составили уставы или конституции для своих барриос. Люди могут обсуждать текущую политическую ситуацию, и спектр мнений будет

разниться от простой поддержки Чавеса до призывов полностью свергнуть капиталистическую систему. Многие в барриос опасаются, что позитивные социальные изменения, произошедшие за последние годы, могут исчезнуть после ухода Чавеса.

Ряд авторов считает, что СТУ вместе с другими формами демократии участия, такими как коммунальные советы, советы рабочих, организации коренных народов могут быть моделью трансформации венесуэльского государства и общества в целом, создавая социализм снизу. Комитеты и коммунальные советы не противостоят «большой власти» в лице президента Чавеса и правительства, но при этом в комитетах участвуют и противники Чавеса. В отличие от ЮАР и Бразилии, это не контр-власть, а скорее власть снизу, встречающаяся с «властью сверху» левого правительства. При этом комитеты и советы подталкивают боливарианских руководителей к более решительным действиям в процессе социальных преобразований. Журналист Алекс Холланд выражает надежду, что СТУ возможно, «станут оплотом прогрессивных изменений в Венесуэле, с Чавесом или без него».

Вопрос о власти – это, конечно, самый главный политический вопрос, пусть даже это пока контрвласть в сообществах бедняков. Рано или поздно, социальные движения жителей трущоб столкнутся с необходимостью перехода от захвата пространства – земли и зданий – к захвату власти. В Боливии и Венесуэле левые пришли к власти во многом благодаря политической мобилизации жителей трущоб. Сейчас мы видим в этих странах сложную и противоречивую динамику отношений между низовыми движениями и прогрессивными правительствами, которую Бенджамин Дангл, написавший книгу о социальных движениях Латинской Америки, назвал «танцем с динамитом». (Ситуация в Бразилии, где у власти также находится левое правительство, иная – перемены там не столь глубоки). Так что обитатели «планеты трущоб» могут заявить о себе и обрести свой голос. Они не безликая масса люмпенов, хотя и не стоит их идеализировать как некий новый революционный субъект. Но уже сейчас можно констатировать, что факты сотрудничества организаций обитателей трущоб с другими прогрессивными движениями дают надежду на то, что живущие в гигантских трущобах «проклятым клейменным» способны бороться за «другой мир» совместно с союзниками – безземельными крестьянами, сельскохозяйственным и промышленным пролетариатом, отвергая навязываемую им роль пассивных жертв капиталистической системы.

ЛЕВЫЙ РАДИКАЛИЗМ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ*

Левые политические партии в 1990 – 2000-е годы играли значительную роль в политической жизни Латинской Америки. Левые или левоориентированные режимы и политические силы правят и доминируют в Венесуэле, Перу, Боливии. Экономические трудности влияют на политику левых политиков. Экономический кризис содействует отказу от левой и популистской риторики. Левые лидеры начинают использовать рыночные институты и механизмы для борьбы против экономических трудностей.

Ключевые слова: Латинская Америка, левые политические движения, популизм, экономический кризис

The left political parties in the 1990s and 2000s played considerable role in political life of Latin America. The left or left minded regimes and political forces govern and prevail in Venezuela, Peru, and Bolivia. Economic difficulties influence on the policy of the left politicians. The economic crisis assists to the reject from left and populist rhetoric. The left leaders begin to use market institutions and mechanisms for struggle against economic difficulties.

Keywords: Latin America, left political movements, populism, economic crisis

Не так давно Латинской Америке было свойственно левое направление развития. Кубинский лидер Фидель Кастро, отойдя от непосредственного управления страной, приветствовал венесуэльского лидера Уго Чавеса как непобедимого борца с империализмом янки

Выступая 2006 году во время визита на Кубу, он обещал, что «мы воплотим мечты Боливара – и несколько республик станут единой нацией». Соответственно и Венесуэла превратилась в боливарианскую республику. О том, чем завершилась мечта Боливара о Великой Колумбии, Уго Чавес не счел нужным упоминать, хотя все-таки стоило. Попытки создать единое государство, предпринятые Освободителем, привели к длинной цепи войн, последняя из которых между Эквадором и Перу завершилась только 1995 году. А две Тихоокеанские войны забрали сотни тысяч человеческих жизней.

Попытки с помощью оружия насадить так называемые революционные режимы были безуспешными. Не удалось этого сделать Фиделю Кастро, Эрнесто Че Геваре, тем более не по силам это и Уго Чавесу. Наступило время, когда это стало очевидным и для него самого. В его любимой телевизионной программе «Alo presidente» он глубоко-

* Печатается по: Райхель Ю. Лівий радикалізм в Латинській Америці втрачає популярність / Ю. Райхель // Український тиждень. – 2011. – 16 листопада. – (<http://tyzhden.ua/World/35471>). Перевод с украинского языка М.В. Кирчанова.

мысленно заявил: «партизанская война стала достоянием истории», – сказал он и, выдержав небольшую паузу, повторил, – «стала достоянием истории». С этими словами он обратился к Альфонсо Кано, лидеру колумбийских повстанцев из движения «Революционные вооруженные силы Колумбии – Армия народа» (Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia – Ejército del Pueblo, FARC). Так одной из самых старых леворадикальных организаций в Латинской Америке был нанесен смертельный удар.

Стоит отметить, что в Латинской Америке левые идеи обычно имели незаурядную поддержку и большое число сторонников, правда, не всегда авторитарных. Например, чилийский президент Сальвадор Альенде был последовательным демократом, который пытался воплотить свои замыслы политическими методами. Однако значительно чаще левые режимы сводились к обычным авторитарным, популистским по содержанию и практической деятельности режимам. По большей части они были реальны там, где, как, например, в Венесуэле, есть возможность безудержно эксплуатировать природные богатства, или, как на Кубе, за счет внешней поддержки. В условиях ужасной бедности, коррумпированности государственного аппарата левые идеи имели и имеют сторонников. А те, кто готов их широко применять, всегда найдутся.

Именно такие события происходили в последнее время в ряде стран Латинской Америки. В Эквадоре, Боливии, Перу к власти демократическим путем приходят политики левого толка. Казалось, Уго Чавес может праздновать победу. Это и произошло. Имели место приветствие, братание, обещания финансовой и другой поддержки. Однако не все вышло так, как планировалось. Как оказалось, реальность значительно более прозаична левых розовых иллюзий.

Президент Боливии Эво Моралес, который создал в 1995 году партию «Движение к социализму» (Movimiento al Socialismo, MAS), начал свое правление с резкого противостояния с США. Сначала он хотел национализировать газо- и нефтедобывающую промышленность, однако со временем от чего-то охладел и продолжил сотрудничать с международными компаниями. Главным камнем преткновения в отношениях с Америкой было производство коки.

Эво Моралес возглавлял движение крестьян-кокалеро – тех, кто выращивал коку. Он неоднократно заявлял: «этот листочек сформировал меня как личность, как политика, а теперь и как президента. Поэтому я не могу предавать его, согласившись на требования американцев об уничтожении посевов, не могу предавать миллионы наших крестьян, для которых лист коки является святым и никоим образом

не связан с наркотиками». Традиция коренного индейского населения Боливии (аймара и кечуа), а сам Эво Моралес по национальности принадлежит к аймара, жевание листков коки насчитывает свыше тысячи лет, и она никогда не вызывала наркотических проблем в их обществе.

Отношения между Боливией и США были прерваны три года назад, когда президент Эво Моралес со скандалом выгнал из страны американского посла Филиппа Голберга. Боливийский лидер обвинил дипломата в поддержке своих политических оппонентов и подготовке государственного переворота. Немного позже по аналогичному поводу из Боливии были высланы работники Федерального управления США по борьбе с распространением наркотиков.

Впрочем, за год выяснилось, что идеологическая дружба с Кубой, Венесуэлой, а также Россией, не дает возможности решить экономические проблемы Боливии. В конечном итоге в 2009 году Ла-Пас начал тайные консультации с американской администрацией о возобновлении отношений. Документ об этом подписали в Вашингтоне заместитель председателя МВД Боливии Хуан Карлос Алерральде и заместитель госсекретаря США по глобальным проблемам Мария Отеро. Среди прочего, в документе предусматривалось расширение взаимодействия между правоохранительными органами США и Боливии, в частности – относительно борьбы с контрабандой наркотиков.

В целом, это является началом отказа президента Эво Моралеса от крайней левой фразеологии и соответствующих действий. Недавно ему пришлось отказаться от амбициозного плана прокладки шоссе через сельву к границе с Перу. Там Боливия, которая не имеет выхода к морю, арендовала на 99 лет небольшой участок побережья для строительства порта. Благодаря протестам жителей сельвы, преимущественно индейцев аймара и кечуа, кормчому страны пришлось отказаться от этого плана. В свою очередь, это продемонстрировало снижение уровня его популярности. Поэтому именно в это время и возобновлять отношения с Вашингтоном, который не так давно беспощадно в Боливии клеймили.

Аналогичная трансформация произошла и с президентом соседнего Перу – Ольянтом Умалой. Его политическая деятельность началась в октябре 2000 года с попытки восстания против президента Альберто Фухимори. Позднее его амнистировали и назначили помощником военного атташе в Париже, а потом – в Сеуле. В декабре 2004 года он подал в отставку, создал и возглавил Перуанскую националистическую партию, которая является объединением радикального направления. Уже в 2006 году он принимал участие в президентских выборах, причем, но оказался только вторым. В его поражении зна-

чительную роль сыграл внешний фактор. Президент Уго Чавес откровенно выступал на поддержку Ольянта Умалы, угрожал разорвать дипломатические отношения в случае победы правого кандидата, что вызывало сильное недовольство в Перу. На парламентских выборах ему посчастливилось. Партия получила 45 мандатов из 120 и стала весомым игроком.

На выборах в этом году Умала появился в новом образе. В интервью чилийской газете «La Tercera» он отмечал: «Речь идет не об изменении капиталистической модели, не об отходе от открытой рыночной экономики, а об исправлении ее недостатков». За предыдущие годы рост ВВП Перу составляло 9 % в год. Умала обещал не реформировать в угоду собственным амбициям Конституцию, как это делали в других странах региона, в частности, в Венесуэле, придерживаться демократических норм, принципов разделения власти, охранять права на частную собственность, свободу средств массовой информации. Умала обещал, что будут сохранены благоприятные условия инвесторов, обещал придерживаться договоренностей с иностранными государствами, в частности, соглашений о свободной торговле. Во время дебатов заявлял, что в случае прихода к власти не будет вступать в Боливарианский альянс для Америк – любимое детище своего прежнего кумира Уго Чавеса.

Показательными стали и заграничные визиты. Первый был не в Венесуэлу, а в Бразилию, где уже длительное время придерживаются достаточно умеренного курса. Еще до того, как он вступил в должность, однако уже после выборов, Умала осуществил поездку к США. Там он чистосердечно пообщался с госсекретарем Хиллари Клинтон. Барак Обама даже удостоил гостя аудиенции, что очень редко случается в дипломатической практике, когда президент проявляет такой почет иностранному главе государства, который еще фактически не занимает должности.

Кажется, что звездное время левых в Латинской Америке проходит. Получив власть на волне популистских обещаний, они быстро сталкиваются с экономическими проблемами, которые можно решить, исключительно прибегая к экономическим рычагам пусть и ограниченного, но либерального характера. Поэтому, число последователей Уго Чавеса в ближайшее время вряд ли увеличится

БОЛИВИЯ И ОТГОЛОСКИ ПРАВЛЕНИЯ АЛЬЕНДЕ*

Президент Боливии Эво Моралес имеет репутацию левоориентированного политика. Эво Моралеса стал известен благодаря своей социальной риторике и попыткам реформировать политическую систему. Он предложил новый проект Конституции. Политика Эво Моралеса привела к расколу общества и росту протестных настроений. Перспективы развития Боливии являются неясными и неопределенными.

Ключевые слова: Латинская Америка, Боливия, Эво Моралес, политические реформы

The President of Bolivia Evo Morales has reputation of left orientated politician. Evo Morales became known for his social rhetoric and attempts to reform the political system. He proposed a new project of the Constitution. Policy of Evo Morales led to the dissidence of society and growth of protest minds. The prospects of development of Bolivia are not clear and indefinite.

Keywords: Latin America, Bolivia, Evo Morales, political reforms

Боливия балансирует на грани гражданской войны, но президент страны Эво Моралес настойчиво придерживается своих обязательств, связанных с созданием народной демократии в рамках государственных институтов, которые фактически привели его к власти, а в это время правые силы сбрасывают маски. Действие разворачивается на фоне 35-й годовщины отстранения от власти Сальвадора Альенде, героической (если не сказать – трагической) фигуры – президента Чили, который поверил в возможность мирного перехода от унаследованного им формально демократического буржуазного государства к социалистическому обществу.

Подобно С. Альенде, Эво Моралес столкнулся с ориентированной на Соединенные Штаты экономической и политической элитой, стремящейся дать обратный ход даже тем ограниченным переменам, которые он смог реализовать за три года пребывания у власти. Прежде всего, Э. Моралес – это первый президент-индеец в истории Боливии, он добился контроля над нефтяными и газовыми ресурсами страны, повысив налог углеводороды, направив немалую часть доходов на обеспечение пенсиями граждан старше шестидесяти лет – по большей части индейцев, которые живут в нищете.

* Публикуется по: Burbach R. *Bolivia and the Echoes of Allende: Morales Confronts the Insurrection* / R. Burbach. – (<http://www.counterpunch.org/2008/09/15/morales-confronts-the-insurrection/>). Перевод с английского М.В. Курчанова.

Гражданские комитеты «Полумесяца», которые были самопровозглашены в четырех восточных департаментов Боливии, восстали против этих изменений, требуя автономии департаментов, прав распоряжаться доходами от углеводородов, прекращения аграрной реформы и контроля над силами полиции. Гражданский комитет Санта-Круса, который, как известно, ориентируется на интересы латифундистов, поддерживает примыкающую к нему военизированную организацию – Союз молодежи Санта-Круса, чьи боевики закидывали зажигательными бомбами и захватывали правительственные здания, а также нападали на индейские и крестьянские организации, которые осмелились поддержать правительство.

Результатом усилий Э. Моралеса, направленных на реформу государственных институтов, стало создание Учредительных собраний, который были всенародно избраны для разработки проекта новой Конституции. Собрания были созваны в середине 2006 года, и политическая партия Э. Моралеса – «Движение, к социализму» – получила 54 % мест. В процессе разработки проекта правые партии во главе с партией «Pode mos» («Мы можем») потребовали, чтобы изменения разделов Конституции принимались не менее чем двумя третями голосов на уровне рабочих комиссий в Собрании. Их требование было отвергнуто, и в ноябре 2007 года, когда проект новой Конституции был уже близок к завершению, в Сукре – городе, который формально считается столицей и где размещались Собрания, состоялось нападение на его участников, в частности на его главу – индианку Сильвию Ласарте.

В выступлении, которое в чем-то напоминало последнее выступление С. Альенде в президентском дворце Чили, Эво Моралес заявил: «живым или мертвым, но я добьюсь для страны новой Конституции». Собрания разместили в старом форте под защитой военных. Здесь была принята Конституция, которую позже должен был утвердить всенародный референдум. Гражданские комитеты и префекты департаментов «Полумесяца» смогли заблокировать в своих департаментах голосования на референдуме и организовали вместо него в мае этого года местные референдумы по вопросу автономии. Однако Национальный избирательный совет признал эти референдумы неконституционными.

Прибегая в большей степени к демократии, нежели к силе, в попытках добиться всенародного согласия, Эво Моралес отложил голосование по новой Конституции, а вместо этого рискнул президентским мандатом и провел референдум о своих полномочиях и полномочиях префектов. В результате голосования Эво Моралес выиграл с

потрясающим результатом – 67 % голосов, получив большинство бюллетеней.

Однако восставшие префекты также сохранили свои мандаты. На основании незаконных региональных плебисцитов, проведенных в мае, они пошли на увеличение власти в богатейшем департаменте Санта-Крус. Ударные отряды вышли на улице города и пригородов, атакуя и подавляя сопротивление местных индейских движений и сил, связанных с MAS. Не желая провоцировать открытый мятеж, Эво Моралес не позволил армии использовать местную полицию, оставив город фактически под контролем своих противников.

Вместе с тем правые, возглавляемые Гражданским комитетом Санта-Круса, стали расшатывать экономику, пытаясь дестабилизировать правительство Эво Моралеса теми же методами, которыми при поддержке ЦРУ действовала оппозиция в Чили против Сальвадора Альенде в начале 1970-х годов. Как и в Чили, в «забастовках» приняли участие крупные земельные собственники и владельцы грузовиков, которые отказывались доставлять продукты на городские рынки Западных Анд, где значительна концентрация индейского населения, зато продавали их на «черном рынке» по высоким ценам. Конфедерация частных предпринимателей Боливии призвала к закрытию предприятий в том случае, если правительство откажется «изменить свою экономическую политику».

Постепенно Гражданские комитеты стали усиливать свой контроль над департаментами «Полумесяца». 8 сентября в Санта-Крусе толпы молодые во главе с UJC захватили правительственные здания, включая Министерство земельной реформы, налоговое ведомство, студии государственных телеканалов и национализированную телефонную компанию «Entel», подожгли офисы неправительственной правозащитной организации, которая отстаивала права индейцев и давала юридические консультации. Военная полиция, посланная на защиту многих из этих организаций, была вынуждена отступить, порой неся потери, но, не имея права применить силу в связи с постоянно действующим приказом, запрещающим использовать оружие. Генерал, командующий военной полицией, угрожая демонстрантам, которые разбушевались, сказал, что войска не могут ничего сделать, пока Эво Моралес не подпишет документ, который позволит применение огнестрельного оружия.

Фактически между Э. Моралесом и военными происходила борьба относительно того, кто возьмет на себя ответственность за кровопролитие и возможную гибель людей в результате введения войск на территорию «Полумесяца». Вооруженные Силы не поддерживают мя-

теж, поскольку он угрожает территориальной целостности страны. Но идею введения войск они принимают неохотно: когда при прошлых правительствах военные открывали огонь и убивали демонстрантов на улицах Ла-Паса, их осудили за это.

10 сентября, когда насилие распространилось по всему «Полумесяцу», Эво Моралес выслал посла США Филиппа Голдберга за «заговор против демократии». Месяцем ранее Ф. Голдберг встречался с префектом Санта-Круса, Рубеном Костасом, который позже объявил себя «правителем» автономного департамента и отдал приказ об официальном принятии руководства над правительственными ведомствами, включая те, что занимаются налоговыми собраниями. Костас – лидер восставших префектов и основной противник Эво Моралеса.

11 сентября (в 35-ю годовщину свержения С. Альенде) стало самым кровавым днем конфликта: банда, вооруженная пулеметами, напала на индейскую общину Эль Порвенир неподалеку от Кобихи, столицы области, в результате чего погибло по меньшей мере 28 человек. Результатом другого нападения стало похищение трех полицейских. «Красные понче», официальное подразделение народного ополчения, поддерживающее Эво Моралеса, направили свои силы на помощь индейским общинам для организации самообороны.

На следующий день Эво Моралес объявил осадное положение и послал армию в Кобиху и для освобождения аэропорта, занятого силами правых. Армейские части также были направлены на охрану газопроводов, поскольку оппоненты Э. Моралеса захватили один из них и остановили подачу газа в соседние Бразилию и Аргентину. Генерал Луис Триго Антело, главнокомандующий Вооруженными Силами Боливии, объявил: «Мы не потерпим более действия радикалов, которые порождают конфликт между боливийцами, сеют боль и страдание и угрожают национальной безопасности». Подписав приказ, который позволяет применение силы, Э. Моралес признал, что чувствует себя ответственным за унижение военных и полиции правыми радикалами и вандалами, поскольку именно он не давал разрешения на применение оружия. Это было платой за то, что верховное военное командование начало принимать меры.

Потеряв в длительном бое не меньше трех человек убитыми, армия захватила аэропорт и двинулась к городу. Вышел приказ об аресте восставшего префекта, который не признал осадное положение и нес ответственность за бойню в Эль Порвенир. В Санта-Кресе полиция арестовала восемь мятежников. Крестьянские организации объявили, что они пройдут по городу, чтобы вернуть контроль над правительственными зданиями. Восставшие префекты во главе с Костасом

продолжали требовать автономии департаментов и отказывались признавать всенародное голосование на референдуме по новой Конституции.

Эво Моралес не отступил. На встрече с поддерживающими его профсоюзными лидерами он заявил: «Мы развернем кампанию в интересах утверждения новой Конституции». Однако он указал, что может изменить черновой вариант Конституции, чтобы приспособить ее к некоторым требованиям автономии. Как и С. Альенде, Эво Моралес продолжает искать пути демократического разрешения кризиса в стране. В данный момент его поддерживают вооруженные силы Боливии и подавляющее большинство населения, что дает ему шанс избежать судьбы чилийского президента.

Алина РЯПОЛОВА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУДЬБА РЕВОЛЮЦИОНЕРА: Хосе Мухика - Президент Уругвая

Автор анализирует политические процессы в Уругвае. Хосе Мухика стал президентом этой южноамериканской страны в 2010 году. Хосе Мухика известен как политический радикал и бывший партизан. Хосе Мухика особое внимание уделяет национальной консолидации уругвайского общества. Укрепление экономической независимости Уругвая также относится к числу наиболее важных задач.

Ключевые слова: Латинская Америка, Уругвай, Хосе Мухика, политические процессы

The author analyzes political processes in Uruguay. Jose Mujica became the president of this South American country in 2010. Jose Mujica is known as political radical and former partisan. Jose Mujica pays special attention to national consolidation of Uruguayan society. Strengthening of Uruguay economic independence also belongs to number of the most essential tasks.

Keywords: Latin America, Uruguay, Jose Mujica, political processes

Новым президентом Уругвая стал 74-хлетний Хосе Мухика, часто называемый просто «Пепе», политик с партизанским прошлым, пользующийся большим уважением в стране. Более половины из 2,5 миллионов избирателей предпочли Мухику. По предварительным подсчётам он набрал почти 52 процента голосов и в марте 2010 года заступил на высший государственный пост. Таким образом, левый «Широкий Фронт» (Frente Amplio) продлил своё пребывание во власти на 4 года¹. Хосе Мухику ожидает много работы: в стране хозяйничает иностранный капитал, прибирая к рукам предприятия агроиндустриального комплекса, приватизируя всё то небольшое, что осталось под контролем государства. Конечно, возникает вопрос: справится ли бывший партизан, не раз рисковавший жизнью в условиях кровавой военной диктатуры, с натиском неолибералов?

С приходом к власти такой экзотической личности как Хосе Мухика, есть опасения в возможном резком крене влево. Однако гарантом в сохранении преемственности нынешнего курса считают вице-президента Данило Астори, зарекомендовавшего себя твердым сторонником сохранения линии. В промежутках между турами, об этом неоднократно говорил Хосе Мухика. В своих выступлениях он говорил о недопустимости противостояния и раскола нации, обещал налаживать диалог с оппозицией, и привлечении ее к участию в решении

общенациональных задач, вплоть до участия в правительстве. Благодаря этому потенциал Хосе Мухики возрос на пять процентов, склонив в его пользу чашу весов. Многих коробили непарламентские высказывания и манера поведения претендента. Но жителям глубинки нравилась такая манера поведения, они считали его своим. В сельской местности, где Хосе Мухика пользуется немалой популярностью, его уважают за прямоту и открытость. Во втором туре каждый голос ценился фактически на вес золота. По-видимому, победило нежелание возвращаться к периоду правления традиционных партий. В необыкновенно спокойной атмосфере прошла заключительная фаза кампании. По опросам общественного мнения, что были проведены на последней неделе агентствами, победа уверенно предрекалась Хосе Мухике. Как видим, их прогнозы оправдались.

Победа на выборах превращает Мухику «из полулегального левака» в полноценного государственного деятеля². Президент страны в 1970-е годы являлся активным членом организации «Движение национального освобождения». Больше эта организация известна под названием «Тупамарос», названная в честь Тупака Амару, лидера индейского восстания в восемнадцатом веке. Тупамарос или Движение национального освобождения (исп. Tupamaros, Movimiento de Liberación Nacional) — леворадикальная уругвайская организация, первой в мире начавшая в 1960 – 1970-х гг. применять тактику городской герильи. Основателем и идейным вдохновителем был Рауль Сендик, вторым человеком в руководстве – Элеутерио Фернандес Уидобро. По мнению полиции, организация насчитывала 50 – 100 человек участвовавших в вооружённых акциях и 1000 человек поддержки. Многие леворадикальные организации по всему миру взяли на вооружение опыт борьбы Тупамарос, а немецкие организации Тупамарос Западного Берлина и Тупамарос Мюнхена, а также венесуэльское Революционное движение Тупамаро взяли свои названия в честь этого движения.

История движения берет свое начало в 60-е годы прошлого века, когда страна была на грани экономического и политического краха. Были сильны радикальные настроения среди молодежи, что явилось благодатной почвой для возникновения движений сопротивления. Таковым и явилось «Тупомарос», состоявшее из членов СПУ, маоистов и анархистов, тяготевших к марксизму. Анализируя социально-экономическую ситуацию в стране, группа пришла к выводу о том, что в Уругвае назревает серьёзный политический и экономический кризис с вероятной попыткой разрешить его насильственным путем.

Для того чтобы быть готовыми к такому повороту событий первоначальным планом организации стояли самовооружение, самофинансирование и подготовка к вооружённой борьбе, но не её ведение. Движение финансировало себя посредством выкупа захваченных ими чиновников, финансистов и промышленников, экспроприаций банков и взимания революционного налога с представителей состоятельных слоев общества. В тактике своей борьбы с властями радикалы использовали ограбления банков, теракты, взятие заложников. В борьбе с ними власти пришлось применить армию. В условиях военной диктатуры, де факто воцарившейся в Уругвае в начале 70-х, Тупамарос подверглись жесткой расправе, пострадало множество и совершенно посторонних граждан, количество пострадавших от пыток на душу населения в Уругвае было самым высоким из всех стран Латинской Америки. Последняя вооружённая акция была проведена в октябре 1973 года³.

После восстановления демократии в стране, в декабре 1985 года, на IV Национальном съезде Тупамарос сообщили, что организация отказывается от продолжения вооруженной борьбы и станет действовать политическими средствами. В дальнейшем, движение Тупамарос было реорганизовано в политическое «Движение народного участия», которое входит в правящую коалицию «Широкий фронт».

Нынешний президент был в гуще этих событий, являясь активным участником движения. Пепе получил в результате столкновений с войсками шесть пулевых ранений и после ареста отсидел в общей сложности 15 лет в тюрьме по политическим обвинениям. Два года из этого срока он провел на дне осушенного колодца. Оказавшись на свободе, после амнистии 1985-го года, Хосе Мухика собрал воедино коммунистов, социалистов и других левых. С появлением организации созданной и возглавляемой им, закончилось постоянное господство традиционных партий участвовавших в уругвайской политике. Поначалу, организация, получившая название «Широкий фронт», объединяла всех противников установившейся в 1973-ем году диктатуры. При этом у каждой из групп были своя стратегия и тактика. Заметные изменения произошли после утверждения демократии. Радикалы, отказавшись от старых форм борьбы, начали выступать только за парламентские формы политических действий. Одновременно преобразовывалось и название коалиции. Олицетворя боевитость и именуясь в момент образования «Широким фронтом», позже присоединился термин «Прогрессивная встреча», что говорило о смене постановки задачи. И, в конце концов, объединение пришло к своему ны-

нешнему названию. Однако именно прежнее название прочно закрепилось в политических и политологических оборотах⁴.

Прослеживая путь становления «Широкого фронта», можно провести параллель с испанской ЭТА, недавно объявившей о прекращении огня. Подтверждением могут служить парламентские выборы в Испании, которые обернулись неожиданным триумфом баскских сепаратистов. Впервые за 15 лет их представители получают места в парламенте страны. По мнению экспертов, этот успех связан с недавним историческим решением группировки ЭТА отказаться от вооруженной борьбы⁵. Кроме того, бывший боевик ЭТА Эдуардо Уриарте, амнистированный более 30 лет назад на вопрос: «Что ждет ЭТА?» ответил: «Она постепенно исчезнет. Правда, никто и никогда не подпишет бумаг, в которых будет сказано, что ЭТА прекращает существование. Это было бы бесславным концом и означало бы потерю всех политических достижений, перспективы независимости, которой группировка столько лет добивалась своими терактами»⁶.

Таким образом, предвосхищая дальнейшее развитие событий на обоих континентах, нельзя не заметить, что в политической жизни Южной Америки возможны серьезные перемены. Влияние левых сил в Латинской Америке весьма сильно. Вполне вероятно, что испанская ЭТА пойдет по пути Тупамарос, тем более все предпосылки для этого имеются, если принимать во внимание южноамериканский политический опыт.

¹ *José Mujica asume la presidencia de Uruguay y apuesta por el gasto social.* – (http://internacional.elpais.com/internacional/2010/03/01/actualidad/1267398009_850215.html)

² *Триумф левых в Уругвае: Хосе Мухика новый президент.* – (<http://www.tiwy.com/leer.phtml?id=4721>)

³ *Хосе Мухика – новый президент Уругвая.* – (http://latindex.ru/content/articles/5215/?sphrase_id=3203886)

⁴ *Там же*

⁵ *Баски нашли себе место в парламенте // Коммерсантъ.* – 2011. – № 219.

⁶ *Насилие стало бессмысленным // Коммерсантъ.* – 2011. – № 219.

ТЕМА НОМЕРА – II

«ИМПЕРСКИЙ ПОВОРОТ» В БРАЗИЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Максим КИРЧАНОВ

«ИМПЕРСКИЙ ПОВОРОТ» В РАЗВИТИИ ЗАПАДНОГО И РОССИЙСКОГО ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ: *перспективы латиноамериканистского применения и прочтения*

В этой статье Автор анализирует проблемы «имперского поворота» как фактора в развитии методологии латиноамериканских исследований. Особое внимание уделено бразильским исследованиям. Бразильская Империя стала важным этапом в развитии национальной идентичности. С другой стороны, история, культура и идеологии Бразильской Империи практически не изучены в России. Автор полагает, что применение методов «имперской истории» будет продуктивным и полезным в развитии бразильских исследований в России.

Ключевые слова: империя, история империй, «имперский поворот», исследования империй, Бразильская Империя, историография

The Author analyses problems of «imperial turn» as factor in development of methodology of Latin American studies in this article. The special attention is paid to Brazilian Studies. Brazilian Empire became an important stage in development of national identity. On the other hand, history, culture and ideologies of Brazilian Empire are unstudied in Russia. The author presumes that application of «imperial history» methods will be productive and useful for development of Brazilian Studies in Russia.

Keywords: empire, history of empires, «imperial turn», empires studies, Brazilian Empire, historiography

Современные гуманитарные исследования развиваются, как правило, на основе междисциплинарного синтеза. Достижения гуманитарных наук второй половины XX столетия убедительно доказывают, что история как наука не может существовать в чистом виде, в изоляции от других гуманитарных наук. Во второй половине XX столетия

неомарксизм, школа «Анналов» и другие течения в развитии западного гуманитарного знания предлагали различные варианты и стратегии развития гуманитарных наук, но все они, в большей или меньшей степени, описались на использование методов и исследовательских практик разных гуманитарных наук, на принципы междисциплинарного анализа. Изучение национализма как сложного и многоуровневого феномена вряд ли возможно в рамках одной гуманитарной науки – истории, политологии или социологии. Исследования национализма требуют междисциплинарного подхода. Не являются исключением и имперские исследования как частная форма исследований национализма. Традиционно в российской и зарубежной историографии имперские исследования связаны с изучением истории Российской, Британской, Германской, Австро-Венгерской, Османской¹ и значительно реже – Персидской, Римской, Китайской, Японской – империй. В контексте многочисленных исследований, посвященных этим империям, неким маргиналом кажется Бразильская Империя², которая гораздо реже оказывается в центре внимания исследователей, которые занимаются проблемами национализма и империй.

Научная литература, посвященная феномену империй, огромна и характеризуется значительным как методологическим, так и тематическим разнообразием³, хотя империя как объект изучения не пользуется столь широкой популярностью в отличие от проблематики, связанной с другими формами государственности⁴. В связи с этим американский исследователь А. Рибер подчеркивает, что «империи остаются все еще недостаточно исследованной областью знания в сопоставлении с их историческим и концептуальным соперником – национальным государством»⁵. В конце XX века в изучении больших, традиционно многонациональных и, как правило, недемократических государств, определяемых в качестве империй, наметился качественно новый этап, который условно может быть определен как «имперский поворот». Комментируя рост интереса к этой проблематике, Марк фон Хаген подчеркивает, что «исследования по истории империи снова вошли в моду»⁶. В рамках этого «имперского поворота» были выработаны общие нормы и каноны проведения имперских исследований⁷. Именно поэтому, линии повествования большинства научных работ, посвященных империям развиваются вокруг ряд сюжетов, а именно – проблемы генезиса империй, роль имперского центра, история имперских периферий, политические и культурные элиты и их роль в развитии и функционировании империй, антиимперские протесты, процессы постепенной политической модернизации, размывания имперского канона в направлении утверждения государства-Нации, и, разумеется,

истории подчиненных наций и их национальных движений как важнейшего фактора кризиса имперского типа государственности.

Настоящая статья преследует две цели: первая состоит в освещении основных теоретических проблем изучения империй, которые хорошо знакомы специалистам по истории Восточной и Центральной Европе и от части тем авторам, которые занимаются проблемами Французской и Британской империй, но практически неизвестны в среде российского сообщества латиноамериканистов; вторая – в показе основных достижений бразильских и зарубежных латиноамериканистов, связанных с изучением Бразильской Империи.

В рамках имперских исследований особое внимание уделяется теоретическим проблемам, важнейшая из которых связана с определением того, *что такое империя*. Единой и общепризнанной дефиниции «империи» в научной традиции не существует⁸. Американский исследователь А. Мотыль⁹ в связи с этим подчеркивает, что «дать точное определение империи невероятно сложно»¹⁰. Действительно, историкам, которые занимаются империями, гораздо легче перечислить признаки, не относящиеся к имперским государствам. Что касается империй, то в качестве их классических характеристик, как правило, фигурируют многонациональность состава населения и обладание значительными территориями, то есть те признаки, которые могут быть соотнесены и с некоторыми национальными государствами, не являющимися империями. Конкретизируя концепт «империя», А. Мотыль подчеркивает, что империей возможно считать «иерархически организованную политическую систему, которую можно уподобить колесу без обода»¹¹. Один из классиков имперских исследований А. Рибер полагает, что под империей можно понимать «государственное устройство, в котором одна этническая группа устанавливает и сохраняет контроль над другими этническими группами в границах определенной территории»¹². Несколько развивая и конкретизируя в значительной степени абстрактные дефиниции империй, А. Мотыль полагает, что в рамках империи должно существовать ядро, элиты которого доминируют над перифериями. Статус и роль периферии в исследовательской литературе вызывает полемику между исследователями, которые придерживаются различных точек зрения. Американский исследователь А. Рибер полагает, что наличие периферий в империях является мощным фактором внутренней дестабилизации. «Имперская периферия служила очагом постоянной нестабильности»¹³, – подчеркивает А. Рибер. В связи с подобными отношениями центра и периферии, по мнению А. Мотыля, можно выделить два типа империй – целостные и разорванные¹⁴. Первые, как правило, отличаются жесткой и

значительной централизацией, территориальной монолитностью; вторые – в меньшей степени структурированы, но обладают заморскими владениями. Бразильская Империя едва ли попадает под один из упомянутых типов: не обладая заморскими владениями, но имея в своем составе географически значительные территории, степень ее централизации почти несравнима с аналогичными явлениями в европейских континентальных империях. С другой стороны, А. Мотыль подчеркивает, что империя – это и «специфически структурированная система»¹⁵. Подобное определение в большей степени соотносимо с Бразильской Империей, которая обладала значительной спецификой, проявлявшейся, в том числе, и в развитии самой формы имперской государственности.

Особое место в имперских исследованиях занимают вопросы, связанные с изучением *феномена империализма*¹⁶. Немецкий политолог Йохан Гальтунг полагает, что «империализм представляет собой систему, которая разъединяет социальные общности, части которых соотносятся друг с другом в соответствии с гармонией интересов». Несколько расширяя эту дефиницию, Й. Гальтунг подчеркивает, что под империализмом можно понимать особый тип отношений между имперским ядром и периферией. Эти отношения отличаются рядом признаков, а именно: гармонией интересов между элитами центральных и периферийных наций; высокой степенью несовпадения интересов внутри периферийной нации (иными словами, подчиненные и неравноправные этнические группы в империях сталкиваются с большим числом социальных проблем); несовпадением интересов «периферии центральной нации и периферией периферийной нации»¹⁷. А. Мотыль, несколько развивая и конкретизируя предположения Й. Гальтунга, указывает и на то, что «империя, как минимум, предполагает доминирование чужеродного государства над местным обществом»¹⁸. С другой стороны, имперские государства никогда не были статичными политическими образованиями. По мнению А. Рибера, для империи характерен определенный и уникальный тип политической культуры, которая «не являет собой нечто цельное и четко определенное»¹⁹. Именно поэтому перенос теорий империализма, опробованных на изучении европейских империй, представляется сложным в отношении бразильской истории. Подобные теоретические построения, о которых речь шла выше, имеют отношение к истории континентальных европейских империй и даже некоторых империй древности (например – Римской), но почти неадекватны относительно истории Бразильской Империи. Для Бразильской Империи политический центр являлся географической периферией, а центр в географическом

понимании оказался периферийным регионом с политической, культурной, экономической и социальной точек зрения. Кроме этого, Бразильская Империя, в отличие от империй Европы, почти не знала ярко выраженной культурной, языковой, этнической и религиозной гетерогенности. Иными словами, лузо-бразильское большинство, которое составляло политический класс, не имело в своем распоряжении инородцев (вероятно за исключением индейцев, которые были почти неизвестным и коим относились как к местной экзотике, предпочитая мифологизировать и романтизировать их культуру), которых, подобно элитам²⁰, например, Российской, Германской или Австро-Венгерской империи, могло бы ассимилировать. Это вовсе не означает того, что население Империи было гомогенным: на протяжении XIX века на территорию Бразильской Империи пребывали выходцы из Европы, но империализм со стороны элит Империи в их отношении носил в большей степени не этнический, а социальный характер.

Среди важнейших проблем имперских исследований – вопрос типологии империй. По мнению А. Мотыля, следует выделять три основных типа имперских государств – разорванный, целостный и гибридный. В основе этой типологии лежит специфика отношений центра империи и контролируемых им периферий. В рамках разорванного типа отношения между центром и перифериями развиваются относительно свободно и динамично. Целостный тип характеризуется почти полным подчинением периферий центру и их подавлением. Империи гибридного типа отличаются разным отношением центра к подчиненным регионам²¹. Бразильская Империя, вероятно, может быть отнесена к целостному типу империй, хотя на определенных этапах истории роль имперского центра сокращалась, что давало регионам большие возможности для маневра.

Анализируя имперские исследования в Бразилии*, во внимание следует принимать и фактор мощного европейского и североамериканского влияния на развитие бразильских гуманитарных наук. Сами бразильские авторы, занимающиеся изучением национализма, идентичности и Империи, не видят ничего предосудительного в том, чтобы активно использовать достижения американских и европейских исследователей, посвященные национализму и сфокусированные, например, на Восточной Европе. Бразильский гуманитарный дискурс, связанный с изучением национализма успешно функционирует, интегрируя тот исследовательский инструментарий, который впервые

* Проблемам имперских исследований в Бразилии посвящена статья «Воображая, изобретая и конструируя Империю: "имперские исследования" в современной Бразилии ("Almanack Braziliense" как метапроект изучения имперской истории и идентичности)», публикуемая в настоящем номере журнала.

был предложен в исследованиях европейских и американских авторов, которые доступны в португальских переводах.

В распоряжении бразильских исследователей национализма – работы Бенедикта Андерсона (посвященные проблемам национального / националистического воображения и воображаемых / воображенных сообществ²²), Ж. Баумана (затрагивающие проблемы, связанные с развитием идентичности²³), Дж. Брейли (сфокусированные на теоретических проблемах изучения национализма²⁴), а так же – Э. Хобсбаума²⁵, Э. Смита²⁶, Э. Геллнера²⁷, Г. Балакришана²⁸. Исследования бразильских коллег, посвященные проблемам интеллектуальной рефлексии²⁹, национализма, националистических движений и идентичностей³⁰, в том числе – и в Бразильской Империи³¹, выглядят вполне уникально и оригинально, несмотря на то, что методологически интегрированы в западный исследовательский дискурс. С другой стороны, первые бразильские работы, связанные с национализмом (в том числе – и в Бразильской Империи), возникли не как рефлексия относительно западных достижений десяти-двадцати-тридцатилетней давности, а появлялись одновременно с развитием и ростом исследований национализма в США и Европе³².

В основе современной бразильской гуманистики лежит интеллектуальная постмодернистская рефлексия, которая базируется на интересе к западной, англоязычной³³, латиноамериканистике и попытке интеграции в сферу бразильской истории тех исследовательских методов, которые были предложены во второй половине XX века европейскими и американскими интеллектуалами.

Бразильские исследователи на несколько десятилетий раньше, чем их российские коллеги получили возможность знакомиться с «актуальной» англо-американской, итальянской и французской гуманистикой: сначала – с оригинальными текстами, а потом – и с переводами на португальский язык, изданными в Бразилии или в Португалии. Еще несколько десятилетий назад отечественная и бразильская латиноамериканистика базировались на диаметрально противоположных культурах отношения к тексту, чтения текста исследования. В Бразилии европейская и англо-американская гуманитарные традиции оказались глубоко интегрированы в национальный научный канон: интеллектуальная рефлексия местных исследователей привела к постепенной интеграции западного методологического инструментария в бразильские гуманитарные исследования. Поэтому, начался обратный процесс: результаты исследований бразильских гуманитариев, которые опирались на постмодернистские методологии, оказались востребованными и в англоязычных научных сообществах. В Бразилии ев-

ропейская и англо-американская гуманитарные традиции оказались глубоко интегрированы в национальный научный канон: интеллектуальная рефлексия местных исследователей привела к постепенной интеграции западного методологического инструментария в бразильские гуманитарные исследования. Поэтому, начался обратный процесс: результаты исследований бразильских гуманитариев, которые опирались на постмодернистские методологии, оказались востребованными и в англоязычных научных сообществах³⁴.

Подводя итоги настоящей статьи, во внимание следует принимать ряд факторов, а именно: развиваясь как междисциплинарный проект, имперские исследования предложили качественно новую парадигму, которая вполне может быть применена и для изучения истории Бразильской Империи. «Имперский поворот» в развитии гуманитарных исследований сформировал новые границы исследовательского пространства, в котором нашлось место и для тех сюжетов, которые были невозможно интегрировать в традиционную советскую модель гуманитарного знания, основанную на принципах нормативной историографии. В рамках старой советской, идеологически выверенной латиноамериканистики, в принципе было невозможно представить появление обобщающих исследований, посвященных Бразильской Империи.

Имперский поворот, в свою очередь, существенно позволяет расширить границы традиционной российской латиноамериканистики, включив в число изучаемых и разрабатываемых сюжетов следующие проблемы: генезис имперской формы государственности в Бразилии; проблемы соотношения и сосуществования «высокой культуры» и культуры молчаливого большинства в контексте возникновения условий для реализации независимости Бразилии в виде Бразильской Империи; проблемы интеллектуальной истории и истории идей периода Империи; проблемы самого феномена Империи и имперской модели государственности в Южной Америке; проблемы империализма как особой формы идеологии в культуре и политике; формирование политической и гражданской идентичности / политических и гражданских идентичностей в имперский период в контексте становления бразильской политической нации; фактор видимых и невидимых, воображаемых меньшинств в идентичности и идеологии периода Империи.

Подобные проблемы новы исключительно для российской латиноамериканистики. Зарубежные латиноамериканисты, бразильские историки, специалисты в сфере политических, культурных и социальных исследований активно и плодотворно занимаются изучением и

разработкой этой тематики на протяжении ни одного десятилетия. К сожалению, опыт имперских исследований в целом и бразильской историографии в частности в современной российской латиноамериканистике продолжает оставаться невостребованным. Это связано со значительной степенью консерватизма и научной изоляции, сфокусированности на нескольких темах и проблемах, генетически унаследованных от идеологически выверенной и, поэтому, максимально ограниченной в своих возможностях и исследовательских горизонтах советской латиноамериканистики.

Реальные условия для изменения сложившейся ситуации в российской латиноамериканистике к настоящему времени не сложились. В подобной ситуации наиболее вероятным представляется ее дальнейшее развитие в условиях сохранения консервативной стабильности. Поэтому в рамках отечественной латиноамериканистики будет и в будущем доминировать консервативное большинство, генетически связанное с советским прошлым, Параллельно с ним будет существовать и маргинальное меньшинство, которое в проведении своих исследований будет ориентироваться на достижения западных школ в латиноамериканистике. Заложником подобной дихотомии будет оставаться вся российская латиноамериканистика, в том числе – и бразильские исследования, представители которых будут не только принадлежать к разным поколениям, но и говорить на методологически и теоретически разных языках.

¹ Об имперской истории как междисциплинарном проекте см.: Чубарьян А. *Тема империй в современной историографии* / А. Чубарьян // *Российская Империя в сравнительной перспективе* / под. ред. А.И. Миллера. – М., 2004. – С. 10 – 15; Семенов А. *Обзор работы международной конференции «История империй: сравнительные методы в изучении и преподавании»* / А. Семенов // *Российская Империя в сравнительной перспективе* / под. ред. А.И. Миллера. – М., 2004. – С. 15 – 30.

² Практически во всех работах, которые на современном этапе составляют корпус классических текстов по имперской истории, к сожалению, сюжеты, связанные с историей Бразильской Империи не представлены. См.: Ливен Д. *Империя на периферии Европы: сравнение России и Запада* / Д. Ливен // *Российская Империя в сравнительной перспективе* / под. ред. А.И. Миллера. – М., 2004. – С. 71 – 93; Каппелер А. *Формирование Российской Империи в XV – начале XVIII века: наследство Руси, Византии и Орды* / А. Каппелер // *Российская Империя в сравнительной перспективе* / под. ред. А.И. Миллера. – М., 2004. – С. 94 – 113; Рибер А. *Сравнимая континентальные империи* / А. Рибер // *Российская Империя в сравнительной перспективе* / под. ред. А.И. Миллера. – М., 2004. – С. 33 – 70; Рибер А. *Изучая империи* / А. Рибер // *Исторические записки*. – 2003. – Т. 6 (124). – С. 86 – 131; Хаген М. фон, *История России как история Империи: перспективы федералистского подхода* / М. фон Хаген // *Российская Империя в зарубежной историографии. Работы последних лет* / сост. П.В. Верт, П. Кабытов, А. Миллер. – М., 2005. – С. 18 – 47; Motyl A. *Revolutions, Nations, Empires: Conceptual Limits and Theoretical Possibilities* / A. Motyl. – NY., 1999; Motyl A. *Imperial Ends. The Decay, Collapse and Revival of Empires* / A. Motyl. – NY., 2001. Тем не менее, эти тексты являются ценным введением в саму теорию империй, их анализ и изучение представляются Автору необходимыми в контексте исследования истории Бразильской Империи.

³ Литература, посвященная империям, крайне разнообразна, варьируясь от чисто исторической до политологической. См.: Grousset R. *The Empire of Steppes* / R. Grousset. – New Brunswick, 1970; Kann R. *A History of Habsburg Empire, 1526 – 1918* / R. Kann. – Berkley, 1974; Taagepera R. *Expansion and Contraction Patterns of Large*

Politics / R. Taagepera // *International Studies Quarterly*. – 1997. – Vol. 41. – No. – 475 – 504; Taagepera R. Size and Duration of Empires: Growth-Decline Curves, 600 B.C. to 600 A.D. / R. Taagepera // *Social Science History*. – 1979. – Vol. 3. – P. 115 – 138; Taagepera R. Size and Duration of Empires: Systematics and Size / R. Taagepera // *Social Science Research*. – 1978. – Vol. 7. – P. 108 – 127; Taagepera R. Size and Duration of Empires: Growth-Decline Curves / R. Taagepera // *Social Science Research*. – 1978. – Vol. 7. – P. 180 – 196; Treadgold W. *A History of Byzantine Empire and Society* / W. Treadgold. – Palo Alto, 1997.

⁴ Выше Автор констатировал, что литература, посвященная империям, крайне велика. См.: Ливен Д. Империя на периферии Европы: сравнение России и Запада / Д. Ливен // *Российская Империя в сравнительной перспективе* / под. ред. А.И. Миллера. – М., 2004. – С. 71 – 93; Каппелер А. Формирование Российской Империи в XV – начале XVIII века: наследство Руси, Византии и Орды / А. Каппелер // *Российская Империя в сравнительной перспективе* / под. ред. А.И. Миллера. – М., 2004. – С. 94 – 113.

⁵ Рибер А. Сравнивая континентальные империи / А. Рибер // *Российская Империя в сравнительной перспективе* / под. ред. А.И. Миллера. – М., 2004. – С. 33. См. также: Рибер А. Изучая империи / А. Рибер // *Исторические записки*. – 2003. – Т. 6 (124). – С. 86 – 131.

⁶ Хаген М. фон, *История России как история Империи: перспективы федералистского подхода* / М. фон Хаген // *Российская Империя в зарубежной историографии. Работы последних лет* / сост. П.В. Верт, П. Кабытов, А. Миллер. – М., 2005. – С. 18.

⁷ Doyle M. *Empires* / M. Doyle. – Ithaca, 1986; Kupchan Ch. *The Vulnerability of Empire* / Ch. Kupchan. – NY., 1994; Koebner R. *Empires* / R. Koebner. – NY., 1965; Snyder J. *Myths of Empires* / J. Snyder. – NY., 1991.

⁸ Обзор основных точек зрения на проблемы определения, типологии империй и краткий исторический очерк имперской государственности в прошлом представлен в фундаментальном исследовании Д. Ливена «Российская Империя и ее враги с XVI века до наших дней». См.: Ливен А. *Российская Империя и ее враги с XVI века до наших дней* / А. Ливен. – М., 2007. – С. 37 – 160.

⁹ Motyl A. *Imperial Collapse and Revolutionary Change: Austria-Hungary, Tsarist Russia and the Soviet Empire* / A. Motyl // *Die Wiener Jahrhundertwende* / ed. J. Nautz, R. Vahrenkamp. – Vienna, 1993. – P. 813 – 832; Motyl A. *Thinking about Empire* / A. Motyl // *After Empire: Multiethnic Societies and Nation Building* / eds. K. Barley, M. von Hagen. – Boulder, 1997. – P. 19 – 29; Motyl A. *Revolutions, Nations, Empires: Conceptual Limits and Theoretical Possibilities* / A. Motyl. – NY., 1999; Motyl A. *Imperial Ends. The Decay, Collapse and Revival of Empires* / A. Motyl. – NY., 2001.

¹⁰ Мотыль А. Пути империй: упадок, крах и возрождение имперских государств / А. Мотыль. – М., 2004. – С. 8.

¹¹ Мотыль А. Пути империй. – С. 13.

¹² Рибер А. Сравнивая континентальные империи. – С. 34.

¹³ Там же. – С. 36.

¹⁴ Мотыль А. Пути империй. – С. 13.

¹⁵ Там же. – С. 14.

¹⁶ Об феномене империализме в теоретическом и историческом аспектах см. подробнее: Galtung J. *The Structural Theory of Imperialism* / J. Galtung // *Journal of Peace Research*. – 1971. – Vol. 8. – P. 81 – 117; Hobson J.A. *Imperialism: A Study* / J.A. Hobson. – L., 1905; Lichtheim J. *Imperialism* / J. Lichtheim. – NY., 1971; Mommsen W. *Theories of Imperialism* / W. Mommsen. – NY., 1980.

¹⁷ Galtung J. *The Structural Theory of Imperialism* / J. Galtung // *Journal of Peace Research*. – 1971. – Vol. 8. – P. 81 – 117.

¹⁸ Мотыль А. Пути империй. – С. 29.

¹⁹ Рибер А. Сравнивая континентальные империи. – С. 34.

²⁰ Об элитах в Бразильской Империи см.: Nogueira dos Santos M. *O império na ponta da pena: cartas e regimentos dos governadores-gerais do Brasil* / M. Nogueira dos Santos // *Tempo*. – 2009. – Vol. 14. – No 27; Monteiro N.G. *A circulação das elites no império dos Bragança (1640 – 1808): algumas notas* / N.G. Monteiro // *Tempo*. – 2009. – Vol. 14. – No 27.

²¹ Мотыль А. Пути империй. – С. 38 – 39.

²² По числу, качеству и направленности переводов с английского языка бразильское национализмование явно превосходит русскоязычные достижения в этой сфере. См.: Anderson B. *Nação e consciência nacional* / B. Anderson. – São Paulo, 1989; Anderson B. *Comunidades imaginadas, reflexões sobre a origem e a expansão do nacionalismo* / B. Anderson. – Lisboa, 2005; Anderson B. *Problemas dos nacionalismos contemporâneos* / B. Anderson // *TMRON*. – 2005. – Vol. 1. – No 1. – P. 16 – 26; Benedict Anderson: *um inquito observador de estrelas* // *TMRON*. – 2005. – Vol. 1. – No 1. – P. 9 – 15.

²³ Bauman Z. *Identidade* / Z. Bauman. – Rio de Janeiro, 2005.

²⁴ *Entrevista: John Breuilly* // *TMRON*. – 2006. – Vol. 2. – No 1. P. 12 – 47.

²⁵ Hobsbawm E. *Nações e nacionalismo desde 1780* / E. Hobsbawm. – Rio de Janeiro, 1990 (2002); Hobsbawm E. *Nações e nacionalismo: programa, mito e realidade* / E. Hobsbawm. – São Paulo, 1991; Hobsbawm E. *Era dos*

extremos: o breve século XX: 1914 – 1991 / E. Hobsbawm. – São Paulo, 1995; Hobsbawm E., Ranger T. A Invenção das tradições / E. Hobsbawm, T. Ranger. – Rio de Janeiro, 1984.

²⁶ Smith A. A identidade nacional / A. Smith. – Lisboa, 1997; Smith A. O nacionalismo e os historiadores / A. Smith // Um mapa da questão nacional / ed G. Balakrishan. – Rio de Janeiro, 2000; Gellner E. O advento do nacionalismo e sua interpretação: os mitos da nação e da classe / E. Gellner // Um mapa questão nacional / ed. G. Balakrishan. – Rio de Janeiro, 2000.

²⁷ Gellner E. Nacionalismo e democracia / E. Gellner. – Brasília, 1981.

²⁸ Balakrishan G. A imaginação nacional / G. Balakrishan // Um mapa da questão nacional / ed G. Balakrishan. – Rio de Janeiro, 2000.

²⁹ Amaral A. Relações perigosas o imaginário freyriano no discurso governamental / A. Amaral // TSRS. – 2002. – Vol. 14. – No 2. – P. 163 – 186; Araujo R.B. Guerra e Paz: Casa-Grande e Senzala e a obra Gilberto Freyre nos anos 30 / R.B. Araujo. – São Paulo, 1994; Bastos E.R. Gilberto Freyre e a Questão Nacional / E.R. Bastos // Inteligência Brasileira / ed. R. Moreas, R. Ferrante. – São Paulo, 1986; Gilberto Freyre e os estudos latino-americanos. – Pittsburgh, 2005; Luiz de Souza R. Nacionalismo e autoritarismo em Alberto Torres / R. Luiz de Souza. – Sociologias. – 2005. – Vol. 7. – No 13. – P. 302 – 323; Luiz de Souza R. Método, raça e identidade nacional em Sílvio Romero / R. Luiz de Souza // RHR. – 2004. – Vol. 9. – No 1. – P. 9 – 30.

³⁰ Lopes M.A. A história do pensamento político dos Grands Doctinaires à história social de a idéias / M.A. Lopes // TSRS. – 2002. – Vol. 14. – No 2. – P. 113 – 127; Santos A.C. A invenção do Brasil / A.C. Santos // RH. – 1985. – No 118. – P. 3 – 12; Oliveira L.L. A questão nacional na Primeira República / L.L. Oliveira. – São Paulo, 1990; Cardoso de Oliveira R. Identidade, Etnia e Estrutura Social / R. Cardoso de Oliveira. – São Paulo, 1976; De Luca T.R. A Revista do Brasil: um diagnóstico para a (N)ação / T.R. De Luca. – São Paulo, 1999; Domingos M., Martins M.D. Significados do nacionalismo e do internacionalismo / M. Domingos, M.D. Martins // TMRON. – 2006. – Vol. 2. – No 1. – P. 80 – 111; Reis J.C. As itentidades do Brasil / J.C. Reis. – Rio de Janeiro, 1999.

³¹ Botelho T.R. Censos e construção nacional no Brasil Imperial / T.R. Botelho // TSRS. – Vol. 17. – No 1. – P. 321 – 341; Botelho T.R. População e nação no Brasil do século XIX / T.R. Botelho. – São Paulo, 1998; Ferreira T.M. Palácios de destinos cruzados: bibliotecas, homens, livros no Rio de Janeiro, 1870 – 1920 / T.M. Ferreira. – Rio de Janeiro, 1999; Gauer R.M. A construção do Estado-nação no Brasil / R.M. Gauer. – Curitiba, 2000; Langer J. A Cidade Perdida da Bahia: mito e arqueologia no Brasil Império / J. Langer // Revista Brasileira de História. – 2002. – Vol. 22. – No 43. – P. 127 – 152; Nunes Fr.A. Modernidade, Agricultura e Migração Nordestina: Os discursos e a atuação governamental no Pará do Século XIX / Fr.A. Nunes // Revista Eletrônica Cadernos de História. – 2007. – No 1. – (<http://www.ichs.ufop.br/cadernosdehistoria>); Pessanha Mary C. A geografia no Brasil nos últimos anos do Império / C. Pessanha Mary // Revista da SBHC. – 2005. – Vol. 3. – No 2. – P. 156 – 171.

³² Guimarães M.L. Nação e civilização nos tropicos / M.L. Guimarães // EH. – 1988. – Vol. 1. – P. 5 – 27; Marson A. A ideologia nacionalista de Alberto Torres / A. Marson. – São Paulo, 1979; Sússekind F., Ventura R. História e dependência: cultura e sociedade em Manoel Bomfim / F. Sússekind, R. Ventura. – Rio de Janeiro, 1981; Tavares J.N. Autoritarismo e dependência: Oliveira Vianna e Alberto Torres / J.N. Tavares. – Rio de Janeiro, 1979; Vieira E. Autoritarismo e corporativismo no Brasil / E. Vieira. – São Paulo, 1981.

³³ Этот интерес, действительно, очень велик, о чем, в частности, свидетельствуют многочисленные рецензии на англоязычные исследования о Бразилии в бразильской гуманитарной периодике, стремление использовать классические и новейшие работы европейских и американских авторов, а так же появление специализированных, им посвященных, исследований. См.: DeNipoti C., Joaínilho A.L. Novos brasialianistas: temas de história do Brasil na historiografia norte-americana recente / C. DeNipoti, A.L. Joaínilho // RHR. – 2001. – Vol. 6. – No 2. – P. 175 – 185; Maura G. História de uma história: rumos da historiografia norte-americana no século XX / G. Maura. – São Paulo, 1995.

³⁴ И дело тут не только в том, что большинство современных бразильских гуманитариев пишут на двух языках – португальском и английском. На этом фоне становятся совершенно непонятными и неоправданными попытки некоторых российских латиноамериканистов старшего поколения объяснить трудности в отечественной латиноамериканистике тем, что западные авторы не знают русского языка и, соответственно, не читают их работы.

Максим КИРЧАНОВ

ВООБРАЖАЯ, ИЗОБРЕТАЯ И КОНСТРУИРУЯ ИМПЕРИЮ: «ИМПЕРСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ» В СОВРЕМЕННОЙ БРАЗИЛИИ

(«*Almanack Braziliense*» как проект
изучения имперской истории и идентичности)

История независимой Бразилии началась в 1822 году как история Империи. Имперский период был важным этапом в развитии бразильской идентичности, национализма и нации. Бразильские исследователи особое внимание уделяют истории империи. Бразильская Империя занимает уникальное место в исторической и национальной памяти бразильцев. «Almanack Braziliense» стал уникальным, междисциплинарным проектом, попыткой синтеза достижений бразильской историографии с зарубежными методами изучения имперской истории.

Ключевые слова: Бразильская Империя, историческая память, историография, национализм, идентичность

History of independent Brazil began in 1822 as history of Empire. An imperial period was an important stage in development of Brazilian identity, nationalism and nation. Brazilian scholars paid the special attention to history of Empire. Brazilian Empire occupies unique seat in historical and national memory of Brazilians. «Almanack Braziliense» became a unique, inter-disciplinary project and attempt of synthesis of Brazilian historiography achievements with foreign methods of imperial history studies.

Keywords: Brazilian Empire, historical memory, historiography, nationalism, identity

Современное гуманитарное знание на постсоветском пространстве пребывает в состоянии затяжного кризиса, который носит методологический характер. Подобные констатации стали общим местом значительной части исследований, посвященных гуманитарным, как правило – историческим, наукам в постсоветских государствах. Кризисные тенденции неоднократно констатировались и автором настоящей статьи. Кризис, начавшийся после 1991 года в связи с распадом Советского Союза на протяжении 1990-х годов, охватил большинство направлений исторических наук, в том числе – и историю. В наибольшей степени кризисным тенденциям оказались подвержены узкоспециализированные сферы исторического знания, сфокусированные на изучении отдельных регионов и макрорегионов. Среди подобных направлений оказалась и российская латиноамериканистика, сосредоточенная в единственном специализированном научно-

исследовательском учреждении в структуре РАН – Институте Латинской Америки.

Кризис отечественной латиноамериканистики, начавшийся после 1991 года и продолжавшийся на протяжении 2000-х годов, не преодолен до настоящего времени. Проявления методологического кризиса в латиноамериканистике разнообразны. С одной стороны, кризисные тенденции проявляются в значительной идеологизации и политизации латиноамериканских исследований, доминировании левоориентированных интерпретаций истории государств Латинской Америки. С другой стороны, проявлением кризиса следует признать и ограниченную тематику проводимых в России латиноамериканских исследований, большинство из которых сфокусированы на истории левых движений, специфике политических процессов и экономической проблематике.

В подобной ситуации развитие российской латиноамериканистики страдает как от идеологизации, политизации, тематической ограниченности, так и наличия большого числа «белых пятен» в истории стран Латинской Америки, то есть тех проблем и сюжетов, которые не вписываются в идеологически выверенный и отформатированный канон исследований, выполненных в сфере латиноамериканистики. Среди подобных политически неудобных для российской латиноамериканистики особое место занимает история Бразильской Империи. Бразильская Империя была крайне неудобным объектом изучения для советских латиноамериканистов. В подобной ситуации в советский период не было создано ни одного фундаментального исследования, посвященного истории, политике, культуре и экономики Бразильской Империи – крупнейшего латиноамериканского государства XIX века. Этот пробел не был ликвидирован и в 1990-е годы.

Первое исследование, претендующее на обобщаемость, стала монография Автора настоящей статьи 2008 года¹, почти полностью проигнорированная российским сообществом латиноамериканистов, которое оказалось просто неподготовленным к интерпретациям истории Латинской Америки в контексте исследовательской парадигмы, предложенной в рамках «имперской истории» или «имперских исследований»². Между тем, имперская история, являясь междисциплинарным проектом, таит в себе немалый научно-исследовательский потенциал, связанный с применением новейших и актуальных исследовательских практик и методик к изучению не только Бразилии и бразильской истории, но и Латиноамериканского региона в целом. Именно поэтому в центре авторского внимания в настоящей статье пребывают проблемы, связанные с имперским феноменом в бразильском гуманитарном

знании в контексте «*Almanack Braziliense*» – специализированного периодического издания, которое мы можем определить как бразильский аналог журнала «*Ab Imperio*», посвященного изучению империй в исторической и теоретической перспективе.

Имперские исследования в современной Бразилии развиваются под мощным влиянием со стороны теорий национализма. Особую роль в развитии имперских исследований играет теория «воображаемых сообществ», предложенная Бенедиктом Андерсоном. В рамках воображаемой парадигмы изучения империи и национализма Бразильская Империя воспринимается как особый политический, культурный и интеллектуальный проект, как воображаемая конструкция, созданная в XIX веке и институционализированная в форме политических институтов, существовавших в период Империи. Изучение имперской истории признается бразильскими интеллектуалами интеллектуальной задачей, в том числе – и в виду республиканского политического окружения³, в котором существовала Бразильская Империя, ставшая единственным продолжительным и относительно успешным монархическим имперским экспериментом на территории Латинской Америки, охваченной идеями революционного республиканизма.

С другой стороны имагинативная парадигма активно используется бразильскими исследователями для изучения генезиса Бразильской Империи. Анализируя проблемы, связанные с возникновением первой европейской империи в Южной Америке, бразильские исследователи прослеживают социальную, культурную и интеллектуальную эволюцию представителей «высокой культуры» в португальских колониях в Америке⁴. Рассматривая проблемы колониальной истории Бразилии, современные исследователи уделяют особое внимание изучению того социального слоя, который известен как *nobreza da terra* – постепенно умирающей социальной группы, политическое доминирование которой базировалось почти исключительно на праве владения землей. Анализируя особенности развития идентичности в колониальный период, современные бразильские исследователи активно используют методики, предложенные американскими авторами (о чем свидетельствуют многочисленные переводы с английского языка на португальский⁵) которые занимаются изучением национализма и идентичности в значительной степени традиционных, домодерновых сообществах.

Обращение к подобным методикам свидетельствует о значительной степени интеграции бразильской гуманистики в западный исследовательский канон изучения национализма и идентичности. В связи с этим Мария Фернанда Баптиста Бикальу полагает, что теория т.н. «колониального нобилитета» не является продуктивной для анализа

генезиса Бразильской Империи, так как объясняет только социально-экономическую сторону формирования имперского типа государственности в Бразильской Империи⁶. В связи с этим бразильскими интеллектуалами, которые занимаются изучением Империи, предпринимаются попытки связать ее генезис не с исключительно социально-экономическими процессами, но и с трансформацией политической культуры. Бразильские авторы полагают, что «старый режим» в португальских колониях на территории Южной Америки был подвержен постепенной культурно-интеллектуальной эрозии подобной той, что имела место во Франции в период кризиса «старого режима».

Распад старой традиционной культуры выразился как во французском интеллектуальном влиянии, связанным с распространением идей просветителей, так и в появлении новых классов, сформировавшихся на базе ранее молчаливого большинства, которое оказалось весьма подверженным политизации. В бразильской историографии под несомненным континентальным (преимущественно – французским) влиянием утвердился нарратив о постепенном кризисе, который охватил господствующие классы, приведя к эрозии культуры политически и культурно доминирующего меньшинства. Кризис высокой культуры португальского нобилитета на южноамериканской почве привел к постепенному, но вместе с тем и необратимому размыванию доминирования и господства португальской аристократии, связанной с политическими и культурными традициями европейского феодализма. В результате кризиса этой культурной модели и постепенной активизации «молчаливого большинства» сложились условия для размывания культурного статуса, что в итоге привело к появлению Бразильской Империи.

Анализируя проблемы генезиса Империи, бразильские интеллектуалы особое внимание уделяют фактору пребывания на территории Южной Америки португальского королевского двора. По мнению С. Силвы де Андраде, королевский двор никогда не был единым, аккумулируя мужчин и женщин, которые принадлежали к разным социальным группам⁷. Бразильские интеллектуалы полагают, что длительное пребывание Двора в Америке привело не только к проявлению некоторых деформаций, но и формированию нового типа, лузобразильской, политической культуры и интеллектуальной традиции при сохранении традиционной схемы отношений монарха и его народа⁸. В подобной схеме ведущая роль, разумеется, отводилась монарху и ограниченному числу представителей аристократии, которым по мере трансформации колонии приходилось вписывать новые идентичности в сложившиеся политические каноны.

Особым фактором в развитии имперских исследований в современной Бразилии является несомненное американское влияние, что относится, например, к концепции американского историка Джэка Грина, теория которого активно не только популяризируется, но и переосмысливается бразильскими коллегами. Дж. Грин полагает, что процесс колонизации Америк был начат теми носителями «высокой культуры», которые нередко воспринимались в Европе как маргиналы. Несмотря на подобную маргинальность, на протяжении раннего этапа колониальной истории они не только ощущали свою связь со Старым Светом, но и уделяли значительное внимание сохранению привнесенных религиозных и культурных традиций⁹. С другой стороны, удаленность Америк от Европы постепенно способствовала регионализации колониальных поселений, формированию местных особенностей, нехарактерных для европейских стран. В подобной ситуации Америки, особенно – Южная, оказались подвержены процессу креолизации, начавшейся в результате стремления колониальных элит к «переформулированию» привезенной из Европы культурной традиции.

В результате Южная Америка, в том числе – и будущая Бразилия, пережила процесс возникновения новых «социально-экономических структур», которые относительно четко коррелировались с группами населения, имевшими «различные культурные основания». Анализируя концепцию Дж. Грина, бразильский исследователь Марку Антониу Памплону подчеркивает, что образование независимых государств в Южной Америке не только усилило процесс креолизации, но и инициировала динамичную «этнизацию» региона¹⁰, связанную с формированием новых политических и национальных идентичностей, которые были не только новыми, но и сохраняли связь с теми формами идентичности, которые существовали в колониальный период. По мере накопления изменений в Южной Америке сложились условия для возникновения принципиально новых идентичностей, которые динамично трансформировались как в колониальный, так и в постколониальный периоды в истории Бразилии. Имперский период воспринимается бразильскими интеллектуалами как принципиально важный этап в процессе строительства современного национального государства¹¹.

Анализируя Бразильскую Империю, исследователи активно используют две универсальные парадигмы для изучения империй, национализма и идентичностей, связанные с концептом воображения и концептом изобретения нации¹². Теория «воображаемых сообществ» в современных имперских исследованиях в Бразилии популяризируется усилиями Аны Розы Клоклет да Силвы, которая стремясь найти ком-

промисс между теориями кризиса национального государства и «новой политической историей», полагает, что на раннем этапе существования Бразильской Империи сообщества, которые до ее появления носили преимущественно территориальный и социальный характер, трансформировались в нацию¹³. Эта трансформация имела принципиальное значение для превращения Империи в национальное государство. Важную роль в описываемых трансформациях играли и культурные изменения, которые были связаны с распространением печатной продукции¹⁴.

Проникновение на территорию Бразилии, которая в начале XIX века продолжала сохранять свой колониальный статус, европейских издателей имело чрезвычайно важные последствия для политического и социального развития этого региона. Фактор распространения печатных текстов, которые производились в относительно значительных количествах как стимула политических перемен, в российской латиноамериканистике, ориентированной на сохранение устаревших канонов исследования, в достаточной степени не изучен. С другой стороны, бразильскими авторами этой проблематике уделяется особое внимание. Используя методы, предложенные в рамках французской историографии, бразильскими исследователями показаны трансформационные процессы, которые в первой четверти XIX столетия охватили Бразилию. Распространение книжной продукции, доступной по цене не только представителям господствующих политических классов, имело значительные последствия, связанные с кризисом «старого порядка», размывание колониальных политических и социальных устоев, политизацией масс.

Именно все эти факторы в совокупности и создали условия как для кризиса португальского колониального режима, так и возникновения независимой бразильской государственности. Во внимание следует принимать, что Бразилия, будучи империей, продолжала в значительной степени оставаться традиционным государством, сохраняя элементы различных экономических отношений¹⁵, поликультурности и территориальной неоднородности, в чем было похоже на своего рода мозаику¹⁶, и традиционализма, преимущественно – на локальном, региональном уровне. В этом контексте Бразильскую Империю представляется более корректным интерпретировать как протонациональное или динамично национализирующееся государство, возникшее в результате процессов миксации, креолизации различных типов идентичности. Бразильские исследователи (в частности, Ж.П. Гарриду Пимента¹⁷) полагают, что изначально идентичность представителей политических классов в Южной Америке развивалась как португальская.

Отрыв от Европы, значительная отдаленность от центров европейской цивилизации – эти факторы привели к тому, что португальская идентичность постепенно трансформировалась в американскую – содержательно по-прежнему португальскую, но по своему содержанию уже несколько иную и отличную от идентичности, которая существовала в Португалии. Следующим этапом в интеллектуальной генеалогии бразильской идентичности стало ее превращение именно в бразильскую, важнейшими стимулами чего стало появление независимой Бразильской Империи. Кроме этого ряд факторов так же не дает возможности интерпретировать Бразильскую Империю как национальное государство. Большинство из этих факторов связаны с незавершенностью формирования политических институтов, а так же со значительным уровнем регионализации¹⁸ пространства Империи. Кроме этого важным фактором в развитии Бразилии в имперский период было то, что Бразильская Империя не принадлежала к классическим империям своего времени, основанных на жесткой централизации (или на ее попытках), доминировании правящих классов, наличии национальных противоречий в сочетании с социальными. То, что Бразильская Империя не совсем вписывается в ряд европейских континентальных империй, не означает того, что она с подобными сложностями и проблемами не сталкивалась.

Важной проблемой для Империи была проблема политического представительства. Несмотря на то, что Бразилия была Империей со всеми характерными особенностями имперских государств в политической сфере, связанных как с особой ролью императорской власти¹⁹, так и с неравномерным доступом различных слоев населения к реализации политических прав, для имперских элит вопросы политического представительства играли не последнюю роль²⁰. Экспериментируя и комбинируя различные формы политического участия масс, имперские элиты²¹ предприняли попытку превратить представительно в одну из фундаментальных основ имперской государственности. На протяжении всей истории Империи испытывала значительные сложности, связанные с институционализацией, окончательным оформлением политического режима. Эти сложности были органически связаны с генезисом Бразильской Империи, которая в качестве самостоятельного политического актора на карте мира в начале 1820-х годов возникла в результате компромисса между националистами нового поколения, которые являлись адептами государства-Нации и сторонниками имперской модели развития, опиравшейся на португальский политический опыт колониальной империи.

Особое внимание, как уже констатировалось в этой статье, бразильскими авторами уделяется проблемам развития политического и национального воображения в Бразильской Империи. Значительную роль в формировании идентичности играли национально и символически значимые события, связанные с практикой воспоминания бразильцев о самом факте создания Империи. В интересе бразильских исследователей к подобной проблематике, связанной с трансформациями исторической и национальной памяти в общественно-политическом дискурсе и коммеморативных практиках, заметно несомненное влияние со стороны французской историографии, в частности междисциплинарного проекта, инициированного Пьером Нора и связанным с изучением «мест памяти». Датой-символом и коллективным «местом памяти» в Бразилии является 7 сентября 1822 года – день провозглашения независимости²². В период существования Империи вокруг этой даты сложился комплекс мифов и мемориально-политических практик, связанных с оказанием почестей, играющих особую роль в развитии и институционализации национальной идентичности.

Процессам регионализации в Империи бразильские интеллектуалы уделяют особое внимание. Изучение регионализации в современной Бразилии проявляется в разных формах. Ариэл Фельдман, например, анализирует в одной из своих статей особенности развития политической культуры на региональном измерении в период регентства. Для А. Фельдмана, как и для большинства бразильских интеллектуалов, характерно стремление к проведению междисциплинарного анализа: его исследования, посвященные местной периодической печати в Бразильской Империи с 1832 по 1840 год, сочетают в себе методы политической истории, истории идей, региональной истории. Работы Ф. Фельдмана интересны в контексте генеалогии политических идей в Империи: в частности, им показаны, что первые элементы идеологической доктрины правого авторитаризма зародились во второй четверти XIX столетия как протест против политической нестабильности, институционализированный в концепте неспособности бразильцев принять демократические ценности²³.

Проблемами интеллектуальной истории Империи занимается и Эрик Хёрнер, анализирующий особенности политического развития Сан-Паулу как одного из системообразующих регионов в Бразильской Империи²⁴. Особое внимание бразильскими авторами уделяется проблемам фрагментации политического, культурного и интеллектуального пространства в Бразилии, его постепенной регионализации, которая привела к формированию особой версии имперской политиче-

ской культуры, известной как паулистская. Формирование подобной культуры привело к революции 1842 года, которая в бразильской историографии, оценивается как либеральная. Интерпретация Бразильской Империи в категориях как революционного процесса, так и либерализма характерна для бразильской историографии, что определяет ее специфику.

В рамках такой интерпретации истории Империи имперская история предстает не только как история Империи, но и как история революции и либеральной политической традиции. В подобной ситуации в бразильском интеллектуальном сообществе не только культивируется идея преемственности (по меньшей мере – в сфере интеллектуальной истории и истории идей), но получает развитие своеобразный, но вместе с тем и весьма мягкий, антиимперский нарратив, который проявляется в умеренном акцентировании внимания на реакционности и определенной недемократичности Бразильской Империи. Интерес к интеллектуальной истории – отличительная черта значительной части исследований, посвященных истории Бразильской Империи. Особое внимание бразильскими авторами уделяется своеобразной интеллектуальной генеалогии, генезису и круговороту идей в период Империи.

Анализируя интеллектуальные процессы в Империи, бразильскими авторами признается несомненное европейское влияние, которое, в частности, проявлялось и в интересе к классической культуре со стороны бразильских интеллектуалов. Одним из интеллектуальных героев эпохи Империи в Бразилии, государстве с романским большинством, оказался Вилльям Шекспир²⁵. Шекспировские сюжеты и мотивы оказались глубоко интегрированы в интеллектуальный ландшафт Империи, активно используя местными интеллектуалами для развития и культивирования местной идентичности. На бразильской почве идеи Шекспира, соединенные с ценностями эпохи Просвещения, дали весьма неоднозначные результаты в виде идентичности, основанной в одинаковой мере на ценностях социально выверенной иерархии и умеренного космополитизма Запада XVIII века. История империй – это почти всегда и история антиимперских протестов, которые оспаривали саму суть имперского проекта. Подобных противоречий не избежала и Бразильская Империя.

В большинстве исследований, посвященных имперской истории, доминирует мнения, что империи относятся к традиционным обществам, которые только делают первые шаги в модернизации²⁶. Модернизация, в свою очередь, связана с националистическим воображением и формированием новых восприятий пространства, окружающего мира

и социальных групп, которые образуют общество. Универсальной формой унификации пространства в империи следует признать перепись, призванную вообразить этническую структуру населения, каталогизировать национальный состав. Не являлась исключением из этого в значительной степени универсального правила и Бразильская Империя. В этом контексте особую роль в имперских исследованиях в Бразилии играют работы мексиканского историка Г. Паласиоса-и-Оливареса, посвященные протестным движениям 1850-х годов в Бразильской Империи²⁷. С другой стороны, бразильские исследователи, признавая, что работы Г. Паласиоса-и-Оливареса принадлежат к числу лучших исследований, посвященных протестным движениям, оспаривают восприятие подобных феноменов как число крестьянских.

Бразильские авторы, наоборот, выдвигают концепцию, что движения 1850-х годов отличались широким социальным составом участников²⁸. Более того, различные социальные протестные движения воспринимаются как важнейшая предпосылка для формирования новой идеологии – национализма²⁹, появление которого в Бразильской Империи свидетельствовало о появлении политической нации и, как следствие, об относительной успешности модернизационных практик, примененных властвующими элитами, и политического проекта Империи. В целом, бразильскими исследователями подчеркивается, что акты протеста, которые имели место в период Империи, не только отличались максимально широким социальным и расовым составом участников³⁰, но и крайне широким диапазоном выдвигаемых политических лозунгов. Именно поэтому антиимперские движения могли объединять как землевладельцев, так и городских буржуа. Кроме этого особую роль в движениях протеста периода Империи играли расовые тренды. Относительно массовые волнения были вызваны не только мероприятиями имперского правительства, направленными на регистрацию новоприбывших иммигрантов, но желанием властей провести перепись населения. Протесты, направленные против каталогизации населения, вероятно, свидетельствуют о том, что Бразильская Империя была в большей степени традиционным обществом и в меньшей – национализирующимся / модернизирующимся государством.

Особое внимание в рамках изучения истории Бразильской Империи уделяется политическим процессам. Американский историк Джэффри Нидэлл, анализируя генезис политических партий в Империи, связывает их появлением с институционализацией неформальных политических групп и представителей олигархии, базой которых были крупнейшие города Бразильской Империи³¹. Появление работ Дж.

Нидэлла традиционно вызывает интерес со стороны бразильских исследователей, которые акцентируют внимание на том, что сложности политического развития Империи в период правления Педру I и эпоха Регентства привели к фрагментации политического поля в Империи, что выразилось в формировании либерального и консервативного течений. Кроме этого в бразильской историографии, марксистское течение в которой было традиционно сильно, подчеркивается, что историю политических партий в Империи следует изучать не только как часть политической истории, но и как часть социальной, классовой истории бразильского общества³². С другой стороны, формирование и развитие политических партий в Бразильской Империи существенно осложнялось процессами регионализации³³, связанной как с накоплением отличий между отдельными регионами, так и попытками централизации, периодически инициируемой императором.

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов. Выше автор констатировал, что российская латиноамериканистика на протяжении длительного времени развивалась в условиях доминирования вульгарного марксизма, который преобладал в советский период. Обращение к имперским исследованиям не означает радикального разрыва со сложившейся в России исследовательской традицией изучения Южной Америки, в том числе – и Бразилии. Применение методов, предложенных в рамках имперских исследований, может создать благоприятные условия для развития и применения неомарксистских интерпретаций для изучения истории Бразильской Империи. Неомарксизм может оказаться продуктивным при изучении политической и экономической специфики Бразильской Империи, феномена бразильского империализма, места Бразильской Империи в контексте мировой политики как периферии имперского развития в XIX столетии.

Имперские исследования в современной Бразилии развиваются как междисциплинарный проект, в реализацию которого интегрированы методы, применяемые при изучении интеллектуальной и региональной истории, а также – частично микроистории, истории ментальностей, исторической антропологии. В наибольшей степени проект имперской истории пересекается и переплетается с исследованиями национализма и идентичностей, используя теории, предложенные классиками национализмоведения – Эрнестом Геллнером, Бенедиктом Андерсоном и Мирославом Хрохом. Имперская история является очень продуктивной сферой гуманитарного знания в контексте развития междисциплинарного синтеза. Изучение истории Бразильской Империи ценно само по себе в контексте анализа того, почему в пре-

имущественно республиканской Южной Америки возникло уникальное государство имперского типа, основанное как на уникальной экономике, так и на специфическом типе политической идентичности, который в большей степени был характерен на протяжении XIX – начала XX века для Центральной и Восточной Европы, но не для Западного полушария.

Применение методов, предложенных в рамках имперской истории, позволяет не только изучать и исследовать проблемы политической истории Бразильской Империи, но также многочисленные сюжеты, связанные с проблемами развития идентичности, националистическим, политическим и географическим воображением, с историей идей. Обращение к имперской истории позволяет иначе взглянуть на историю Бразильской Империи, способствуя формированию синтетической и комплексной истории Бразилии, которая включала бы не только политическую и событийную историю, но и сюжеты, связанные с историей бразильской литературы, общественно-политической мысли, интеллектуальной традиции. Поэтому использование исследовательского инструментария имперской истории может привести к ревизии нормативной версии истории Бразилии, формированию новой комплексной и многоуровневой версии бразильской истории. В подобной ситуации использование методов, выработанных в рамках имперской истории, позволяет существенно расширить тематических диапазон российских исследований, посвященных истории Бразилии.

¹ Кирчанов М.В. *Império, Estado, Nação. Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской Империи (1822 – 1889)* / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Научная книга, 2008. – 155 с. См. также: Кирчанов М.В. *Ordem e Progresso. Память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке* / М.В. Кирчанов. – Воронеж: ФМО ВГУ, 2008. – 205 с.

² Об «имперских исследованиях» в теоретическом плане см.: *Новая имперская история постсоветского пространства* / ред. И.В. Герасимов и др. – Казань, 2004; *Российская Империя в зарубежной историографии* / сост. П. Верт, П. Кабытов, А. Миллер. – М., 2005.

³ О проблемах соотношения республиканской и имперской идеи в Латинской Америке см.: *Peres Costa W. Entre tempos e mundos: Chateaubriand e a outra América* / W. Peres Costa // *Almanack Braziliense*. – 2010. – No 11. – P. 5 – 25; *Sabato H. Soberania popular, cidadania, e nação na América Hispânica: a experiência republicana do século XIX* / H. Sabato // *Almanack Braziliense*. – 2009. – No 9. – P. 5 – 22.

⁴ Проблемам генезиса Бразильской Империи современными бразильскими исследователями уделяется особое внимание. См.: *Monteiro N.G. O “Ethos” Nobiliárquico no final do Antigo Regime: poder simbólico, império e imaginário social* / N.G. Monteiro // *Almanack Braziliense*. – 2005. – No 2. – P. 4 – 20.

⁵ *Greene J.P. Reformulando a identidade inglesa na América colonial: adaptação cultural e experiência provincial na construção de identidades corporativas* / J.P. Greene // *Almanack Braziliense*. – 2006. – No 4. – P. 4 – 21.

⁶ *Baptista Bicalho M.F. Conquista, Mercês e Poder Local: a nobreza da terra na América portuguesa e a cultura política do Antigo Regime* / M.F. Baptista Bicalho // *Almanack Braziliense*. – 2005. – No 2. – P. 21 – 34.

⁷ *Silva de Andrade S. Morar na Casa do Rei, servir na Casa do Império: sociedade, cultura e política no universe doméstica da Casa Real portuguesa e da Casa Imperial do Brasil* / S. Silva de Andrade // *Almanack Braziliense*. – 2007. – No 5. – P. 117 – 123.

- ⁸ Pereira L.R. Os conceitos de Povo e Plebe no Mundo Luso-Brasileiro Setecentista / L.R. Pereira // *Almanack Braziliense*. – 2010. – No 11. – P. 100 – 114.
- ⁹ Greene J.P. Reformulating Englishness: Cultural Adaptation and Provinciality in the Construction of Corporate Identity in Colonial British America / J.P. Greene // *Almanack Braziliense*. – 2006. – No 4. – P. 22 – 36.
- ¹⁰ Pamplona M.A. Considerações e reflexões para uma história das Américas: a respeito do artigo de Jack P. Greene / M.A. Pamplona // *Almanack Braziliense*. – 2006. – No 4. – P. 37 – 46.
- ¹¹ О специфике процесса формирования национального государства в Бразилии см.: Janscô I. *Formação do Estado e da Nação* / I. Janscô. – São Paulo, 2003.
- ¹² Cloclét da Silva A.R. *Inventando a Nação. Intelectuais Ilustrados e Estadistas Luso-Brasileiros na Crise do Antigo Regime Português* / A.R. Cloclét da Silva. – São Paulo, 2006.
- ¹³ Cloclét da Silva A.R. *Do Comunidades a Nação: regionalização do poder, localismos e construções identitárias em Minas Gerais (1821 – 1831)* / A.R. Cloclét da Silva // *Almanack Braziliense*. – 2005. – No 2. – P. 43 – 63.
- ¹⁴ Barbosa Pires M.P. *Zefferino Vitor de Meireles: impressão e civilidade na Corte do Rio de Janeiro (1808 – 1822)* / M.P. Barbosa Pires // *Almanack Braziliense*. – 2010. – No 11. – P. 115 – 129.
- ¹⁵ Экономическая специфика Бразильской Империи состояла в существовании института рабства. См.: Bivar Marquese R. de, *O poder de escravidão: um comentário aos “Senhores sem escravos”* / R. de Bivar Marquese // *Almanack Braziliense*. – 2007. – No 6. – P. 14 – 18; Grinberg K. *Senhores sem escravos: a propósito das ações de escravidão no Brasil Imperial* / K. Grinberg // *Almanack Braziliense*. – 2007. – No 6. – P. 4 – 13.
- ¹⁶ Об особенностях развития ранней Бразильской Империи, о территориально-культурных диспропорциях см.: Janscô I., Carrido Pimento J.P. *Peças de um mosaico (apontamentos para o estudo da emergência da identidade nacional brasileira)* / I. Janscô, J.P. Carrido Pimento // *Viagem Incompleta. Formação: histórias* / org. C.G. Motta. – São Paulo, 2000. – Vol. 1.
- ¹⁷ Garrido Pimenta J.P. *Portugueses, americanos, brasileiros: identidades políticas na crise do Antigo Regime luso-americano* / J.P. Garrido Pimenta // *Almanack Braziliense*. – 2006. – No 3. – P. 69 – 80.
- ¹⁸ Dolhnikoff M. *Entre o centro e província: as elites e o poder legislativo no Brasil oitocentista* / M. Dolhnikoff // *Almanack Braziliense*. – 2005. – No 1. – P. 80 – 92.
- ¹⁹ Американский исследователь А. Рибер подчеркивает, что в империях «имперскую идею олицетворял образ правителя», а сами «имперские культуры» отражались в «ритуалах и церемониях, выполняли важную функцию, символизируя власть и славу правителя» (Рибер А. *Сравнивая континентальные империи* / А. Рибер // *Российская Империя в сравнительной перспективе* / под. ред. А.И. Миллера. – М., 2004. – С. 39, 45). Подобные проявления имперской политической и культурной традиции в Бразильской Империи нуждаются в дальнейшем изучении. См.: Oliveira E.R. de, *O império da lei: ensaio sobre o cerimonial de sagração de D. Pedro I (1822)* / E.R. de Oliveira // *Tempo*. – 2009. – Vol. 13. – No 26.
- ²⁰ Dolhnikoff M. *Representação na monarquia brasileira* / M. Dolhnikoff // *Almanack Braziliense*. – 2009. – No 9. – P. 41 – 53.
- ²¹ О факторе политических элит в развитии империй см.: Каменский А. *Элиты Российской Империи и механизмы административного управления* / А. Каменский // *Российская Империя в сравнительной перспективе* / под. ред. А.И. Миллера. – М., 2004. – С. 115 – 139; Хёе Х.П. *Элиты и имперские элиты в Габсбургской империи, 1845 – 1914* / Х.П. Хёе // *Российская Империя в сравнительной перспективе* / под. ред. А.И. Миллера. – М., 2004. – С. 150 – 176; Сомель С.А. *Османская империя: местные элиты и механизмы их интеграции* / С.А. Сомель // *Российская Империя в сравнительной перспективе* / под. ред. А.И. Миллера. – М., 2004. – С. 177 – 206.
- ²² Kraay H. *A Invenção do Sete de Setembro, 1822 – 1831* / H. Kraay // *Almanack Braziliense*. – 2010. – No 11. – P. 52 – 61; Kraay H. *The Invention of the Sete de Setembro, 1822 – 1831* / H. Kraay // *Almanack Braziliense*. – 2010. – No 11. – P. 62 – 71.
- ²³ Feldman A. *Uma crítica às Instituições representativas no período das regências (1832 – 1840)* / A. Feldman // *Almanack Braziliense*. – 2006. – No 4. – P. 65 – 82.
- ²⁴ Hömer E. *A luta já não é hoje a mesma: as articulações políticas no cenário provincial paulista, 1838 – 1842* / E. Hömer // *Almanack Braziliense*. – 2007. – No 5. – P. 67 – 85.
- ²⁵ Lopes de Araujo V. *José Bonifácio, Shakespeare e os Gregos: a língua do Brasil e a imagem nacional* / V. Lopes de Araujo // *Almanack Braziliense*. – 2006. – No 4. – P. 83 – 92.
- ²⁶ О диапазоне мнений относительно модернизации в период Империи см.: Schiavinatto I.L. *Entre história e historiografia: alguns apontamentos sobre a cultura política, 1820 – 1840* / I.L. Schiavinatto // *Almanack Braziliense*. – 2008. – No 8. – P. 39 – 45.
- ²⁷ Palacios y Olivares G. de J. *Revoltas camponesas no Brasil escravista: a “Guerra dos Maribondos” (Pernambuco, 1851 – 1852)* / G. de J. Palacios y Olivares // *Almanack Braziliense*. – 2006. – No 3. – P. 9 – 39.
- ²⁸ Mattos H.M. *Identidade camponesa, racialização e cidadania no Brasil monárquico: o caso da “Guerra dos Maribondos” em Pernambuco a partir da leitura de Guillermo Palacios* / H.M. Mattos // *Almanack Braziliense*. – 2006. – No 3. – P. 40 – 46.

²⁹ Silva L.G. "A Insurreição Praiera": um comentário / L.G. Silva // *Almanack Braziliense*. – 2008. – No 8. – P. 46 – 51.

³⁰ Carvalho M.J.M., Câmara B.A.D. A Insurreição Praiera / M.J.M. Carvalho, B.A.D. Câmara // *Almanack Braziliense*. – 2008. – No 8. – P. 5 – 38.

³¹ Needell J. Formação dos partidos políticos no Brasil da Regência à Conciliação, 1831 – 1857 / J. Needell // *Almanack Braziliense*. – 2009. – No 10. – P. 5 – 22.

³² Salles R. Notas de um debate. Comentários sobre o texto de Jeffrey Needell "Formação dos partidos políticos no Brasil da Regência à Conciliação, 1831 – 1857" / R. Salles // *Almanack Braziliense*. – 2009. – No 10. – P. 48 – 53.

³³ Dantas M.D. Partidos, liberalismo e poder pessoal: a política no Império do Brasil. Um comentário ao artigo de Jeffrey Needell "Formação dos partidos políticos no Brasil da Regência à Conciliação, 1831 – 1857" / M.D. Dantas // *Almanack Braziliense*. – 2009. – No 10. – P. 40 – 47.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА И МИР (Трибуна молодого латиноамериканиста)

Диана ОРЕШЕВА

ГЕРМАНИЯ И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА

Латинская Америка – часть западного мира. Исторически и культурно страны Южной Америки связаны с Западом. Отношения Латинской Америки и Европы разнообразны. Германия – один из основных и самых важных партнеров латиноамериканских государств. Германия – привлекательный партнер для Южной Америки. Латинская Америка – перспективная зона для немецкой экономики. Отношения Германии с государствами Южной Америки будут динамично развиваться и базироваться на принципах взаимного выгодного сотрудничества.

Ключевые слова: Южная Америка, Европа, Германия, латиноамерикано-европейские отношения, Латинская Америка и Германия

Latin America is part of Western world. Historically and culturally the countries of South America are linked with the West. Relations of Latin America and Europe are too different. Germany is one of main and most important partners of the Latin-American states. Germany is an attractive partner for South America. Latin America is a perspective area for the German economy. Relationships of Germany with South American states will dynamically develop. They will be based on principles of mutual advantageous collaboration.

Keywords: South America, Europe, Germany, Latin American-European relations, Latin America and Germany

Отношения между странами Латинской Америки и странами Европы складываются уже не одно десятилетие назад, причем сложились они как в политическом, экономическом, историческом, так и в культурном смысле. В дополнение к этому, сложились и общие ценности, которые и формируют партнерские отношения особого качества. В основе этого процесса лежит, особое значение Латинской Америки как стратегического партнера Европы в условиях глобализации

мирового порядка. Кроме того, зарождающаяся демократия Латинской Америки все чаще дает ей возможность играть более активную роль в мировой политике и вносить свой вклад в создание мировых демократических ценностей. С точки зрения экономического развития, Мексика, Бразилия, Чили и Аргентина обладают огромным потенциалом. За минувшее десятилетие эти страны прошли путь умеренного восстановления демократии, правового характера государства и экономического развития.

Несмотря на то, что в настоящее время Латинская Америка – это обширный регион с развивающейся демократией, (далеко за пределами Европы и Северной Америки) за исключением Кубы, все страны Субконтинента стали таковыми посредством демократических конституций. И все же прекращение процесса демократизации неоднозначно. Многочисленные страны в регионе испытывают глубокий кризис демократических институтов. В ряде государств также обнаружилось возрождение неопопулистских и авторитарных тенденций, которые явным образом противоречат становлению демократического порядка. Это серьезно угрожает не только самой демократии, но и социальному положению населения в целом.

Именно эти явные противоречия внутри континента мешают стабильному развитию как стратегического партнера на мировой арене. В то время как Чили, Мексика и Бразилия достигли значительного прогресса в укреплении демократических структур. В Венесуэле, Эквадоре, Боливии, Гватемале и Колумбии напротив ситуация, в результате вооруженного конфликта, критична для населения, непосредственно из-за успеха неопопулистских тенденций.

Ситуация в области безопасности в Латинской Америке, в последнее десятилетие, значительно изменилась. Глобальные угрозы настигли и Латиноамериканский континент: терроризм, наркотики, распространение оружия массового поражения, нерешенные экономические, социальные и политические конфликты внутри и между странами, экологические риски, нехватка ресурсов, организованная преступность и многое другое. Поэтому региону просто необходима политика безопасности, которая даст ответы на глобальные вопросы, но реализована она может быть только посредством кооперативного сотрудничества, экономической интеграции и повышения сотрудничества в области безопасности между странами Латинской Америки, Соединенных Штатов и Европы.

Учитывая важность Латинской Америки, в качестве неотъемлемой части того мира, который видит свои основания в западных ценностях, процесс демократизации этого региона должен активно рас-

смагиваться наряду с экономическими и политическими изменениями и трансформациями. Инициатива по углублению политического диалога с Латинской Америкой принадлежит Германии. Германия – это страна свободная от исторического бремени бывших колониальных держав (хотя и отягощенная опытом национал-социализма), но в настоящее время Германия не придает особого значения своей внешней политике в отношении Латинскоамериканского региона. В подобной ситуации Германия не оказывает эффективного внимания и поддержки в социальной, политической и экономической сферах. Кроме того, ФРГ безынициативна в вопросах разработки специальных мероприятий в отношении Латинской Америки. В современной Германии все более активно слышны голоса в пользу того, чтобы федеральное правительство и Бундестаг осознали стратегическое значение Латинской Америки для Германии в частности и Европы в целом. В подобной ситуации Латинская Америка имеет все шансы стать надежным партнером Старого Света как в политическом, так и в экономическом смысле.

Сергей ВЕЙС

КОНГОЛЕЗСКИЕ ДНЕВНИКИ ЧЕ ГЕВАРЫ

Статья является комментарием к книге Че Гевары «The African Dream: The Diaries of the Revolutionary War in the Congo». Эта книга – дневник операции кубинской группы в восточном Конго с апреля по ноябрь 1965 года. Автор статьи анализирует текст книги как важный источник по истории одного из крупнейших африканских конфликтов. Предполагается, что Че Гевара до прибытия в Конго не был знаком с африканской спецификой. Заблуждения и правильные прогнозы кубинского революционера также проанализированы в статье.

Ключевые слова: Гевара, Конго, Кабила, Мобуту

The article is a commentary on the book of Che Guevara "The African Dream: The Diaries of the Revolutionary War in the Congo". This book is a diary of the Cuban operations in Eastern Congo from April to November 1965. The author analyzes the text of the book as an important source in the history of one of the largest African conflicts. It is presumed that before the arrival of Che Guevara in the Congo he was not familiar with African specificity. The errors and correct forecasts of Cuban revolutionary leader are also analyzed in this paper.

Keywords: Che, Congo, Mobutu, Kabila

21 ноября 1965 года Эрнесто Че Гевара, побежденный и опустошенный, с тремя товарищами затворяется на втором этаже кубинского посольства в Дар-Эс-Саламе. Доступ туда имеют лишь посол, Пабло Ривальта, и шифровальщик по фамилии Кольман. Там бывший команданте снова и снова пробовал понять, почему с кубинским добровольческим отрядом произошло то, что произошло, и что же делать дальше. Из этих попыток и родилась рукопись, посвященная «Баасу и его павшим товарищами, в попытке найти хоть какой-то смысл в их жертве».

Издана эта книга была только через тридцать пять лет, в 2000, под именем «Африканская мечта: дневники революционной войны в Конго». С момента, когда книга была написана, изменилось очень многое – Конго успело побывать Заиром и снова стать ДРК; многие персонажи воспоминаний успели умереть, а кое-кто, напротив, достигнуть высшей власти. Переменился и сам регион Великих Озер; да что там – переменился весь мир, вышедший из Холодной войны и оставивший Африке ее жертв.

Сегодня, еще десять лет спустя, история Демократической Республики Конго окончательно завершила цикл; исчерпаны оказались все те конфликты, которые Че застал только рождавшимися. И сейчас,

читая наконец африканские дневники Эрнесто Гевары, мы оказываемся способны видеть оба края дороги.

Собственно, как должна была выглядеть операция с точки зрения самого автора и главного действующего лица? Дневники не изобилуют теоретическими выкладками, однако отчеты Че о своих практических планах (начиная от организации дисциплины, кончая собственно планированием боевых операций в районе Физу) позволяют нам сделать вывод о попытке применения на практике теории фокизма. Че активно надеялся на, как выразился бы Бакунин, «пропаганду фактом», предполагая, что вокруг небольшого, но активно и успешно действующего партизанского «очага» выкристаллизуется сперва общешифронтовая, а потом и общегосударственная структура.

Разнообразие конголезской политической палитры его не пугало – он полагал, что, подобно многочисленным кубинским «директорам» и «движениям», антиправительственные силы в Конго сплотятся вокруг наиболее успешной воюющей армии. Собственно, к тому же выводу подталкивал и китайский опыт маоистской «народной войны» – основной источник вдохновения для Гевары. Соответственно и мощное – более роты – боевое ядро из кубинских ветеранов, высокомотивированных и хорошо вооруженных, мыслилось не как инструкторский корпус (подобно своим наиболее опасным противникам, белым наемникам на службе актуального на тот момент правительства Чомбе), но именно как активно действующее ударное подразделение переднего края.

Конечно же, нельзя сказать, что инструкторская составляющая деятельности игнорировалась Че. По своему опыту в Эль-Омбрито он прекрасно знал о важности как налаживания взаимодействия с местными, так и их просвещения. Соответственно, и в Конго он, лишенный возможности выдвинуться собственно на фронт, организовал «школу общей культуры» и вел обширную врачебную практику. Он полагал, что даже если, подобно большинству африканских государств, Конго не имеет выраженных предпосылок к революции – их получится создать по ходу дела.

К сожалению, сразу следует подчеркнуть, что Че Гевара совершенно не удосужился овладеть региональным контекстом. Много из того, что он увидел, его всего только удивляло, но другие неучтенные факторы и привели его к поражению. 1965 год, всю вторую половину которого Гевара провел в Конго, выдался исключительно непростым. То был последний, пятый год так называемого «Конголезского кризиса» – огромной по площади и по жертвам гражданской войны на четыре стороны. Собственно, она же подходила к концу.

Во-первых, ушло сепаратистское измерение конфликта. Южное Касаи потерпело тяжелое военное поражение и было реинтегрировано; приход же на премьерский пост Моиза Чомбе в целом умиротворил Катангу. Во-вторых, свой шанс использовали левые. Восстание Симба, изначально планировавшееся как объединенное наступление на запад всех левых лидеров, быстро превратилось в неконтролируемое нашествие дикарей-язычников – Мюлель и Гизенга не критично отнеслись к мобилизационному ресурсу. Разумеется, для наемников Хоара не составило труда выбить всю эту массу из Стэнливилля – заодно перебив достаточно «кадровых» левых бойцов.

К моменту появления первой группы кубинцев условно-социалистические силы оказались разрезаны – части под условным командованием Лорана Кабилы, оперировавшие у озера Танганьика, никак не сообщались с северянами Мюлеля. В своей книге Че неоднократно подчеркивает, что как раз материально конголезские отряды были очень хорошо обеспечены, превосходя не только регулярные части Чомбе, но даже и оперативников Хоара и катангских жандармов¹, однако отличались полным отсутствием всякого боевого духа². Разумеется, это ставится конголезцам в упрек – при том, что люди воевали, и воевали неудачно, как минимум последние три года!

Чуть позже он выражает удивление, столкнувшись с непропорциональным количеством руандийцев в подведомственных ему частях. Еще более глубоким удивление становится, когда выясняется, что и в качестве человеческого материала руандийцы превосходят конголезцев. Да, они далеки от идеала, но знают дисциплину и, как минимум, способны удерживать огневой рубеж и отступить в полном порядке³. В очередной раз Эрнесто Гевара не понял, с кем имеет дело. Это были не просто руандийцы, но именно тутси. Нет, тутси есть и в Конго, в весьма значительных количествах, но конкретно эти – беженцы из Руанды. Недавно получившая независимость республика как раз тогда переживала первую волну геноцида тутси – менее впечатляющую, но более долгую, чем привычный нам геноцид 1994 года. Хуту изначально стояли у власти, но только после неудачного путча короля Кигери, что в декабре 1962, дискриминация сменилась истреблением.

Разумеется, эмиграция в соседние страны стала массированной, и хотя в Конго ушло меньше тутси, чем в Уганду, они, традиционно сведущие в военной службе, продавали свои штыки и там, и там. У них была выучка – но также не было мотивации. И уж тем более досадной ошибкой – впрочем, осознанной им самим – выглядит набор кубинских добровольцев не по профессиональному, а по расовому

признаку⁴. Да, афро-карибские, черные кубинцы не слишком выделялись среди местного населения чисто визуально, но какого либо подспорья в общении из этого, конечно же, не вышло. Черные кубинцы были и оставались прежде всего кубинцами.

Однако многое Че сумел вполне адекватно отрефлексировать и вскрыть. Прежде всего, он правильно понял причину отсутствия предпосылок для широкой революции конкретно в Конго: проблема в том, что даже в достаточно слабо освоенной провинции Южное Киву земельный вопрос на повестке дня не стоял⁵; крайне немногочисленные же рабочие были своим положением совершенно довольны⁶. Вся борьба за социализм в Конго всего только прикрывала старые трайбалистические противоречия. Да, многие племенные лидеры благодаря колониальному образованию усвоили фразеологию того или иного образца – будь то национальный социализм Лумумбы или «аутентистский» национализм пока еще неактивного Мобуту. Однако очень скоро – уже при Че – война стала поддерживать сама себя: каждая «партия» обзавелась базовым районом, прикрывала своих крестьян и горнодобытчиков от остальных групп и собирала с них налог.

Никакая «пропаганда фактом» тут не работала – пропагандировать было некому и нечего. Выхода из этого положения Че не видел – и не мог увидеть: не сложилась подходящая конъюнктура. Далее, впрочем, Гевара, будучи представлен почти всему протанзанийскому крылу конголезского левого движения, положительно отметил Лорана Кабилу, хотя именно профессионального сотрудничества с ним не получилось. Действительно, партизанскому вожаку Кабиле еще предстояло вырасти⁷. Что же дальше, после того, как Эрнесто Гевара Линч де ла Сьерна упокоился в безвестной деревушке Игера? Что дальше, после того, как вышли из печати его конголезские дневники – куда позже и боливийских?

Конголезской войне, какой знал ее Че, оставался всего только месяц. Пришедший к власти Жозеф Мобуту начнет свое правление с окончательного разгрома левых – на севере останется в деле только Гизенга, на юге – только Кабила. Кое-что все же почерпнувший у кубинцев, однако вооруженный пониманием конголезской политики, он оборудует себе классическую партизанскую республику в Киву. Мобуту же, появившийся на страницах мемуаров Че раз или два, и окажется – вместо Чомбе – тем человеком, что развернет Конго к США и уравнивает марксистскую Анголу, а параллельно окончательно уведет в прошлое конголезские сепаратистские дискурсы.

Они проведут следующие тридцать лет в полной стабильности. Первоначально даже прекращение Холодной войны не слишком по-

влияет на страну, пока ситуацию не перевернет еще отмеченный Геварой фактор – обилие вооруженных руандийцев. В результате международной интервенции, в которой условный «блок про-тутси» (Уганда, Руанда, Бурунди и восставшие конголезские тутси-бьянмуленге) в союзе с Анголой поддержит Лорана Кабилу, начнется первая часть Великой Конголезской Войны. Мобуту и Кабила будут бороться друг с другом уже не как националист и социалист, но как представители Экваториальной и Катанги.

Основной ошибкой Гевары была попытка рассматривать страны Африки просто как бедные, зависимые, но борющиеся против этого страны. Как Китай образца 1947 года, либо как Кубу на 1956 год. Он, углубившись на территорию Конго максимум на пятьдесят километров, так и не смог рассматривать африканские страны либо не как истинные страны, либо как несколько стран в одной; для него, гордившегося равно хорошими отношениями с белыми, мулатами и черными кубинцами, так и остались непонятными племена. Он, привыкший рассматривать революционную войну как возможность после улучшить чужие жизни, не мог понять, что для конголезских бойцов все это и было – а в Итури, пожалуй, и остается – жизнью.

¹ *Ernesto Che Guevara. The African Dream: The Diaries of the Revolutionary War in the Congo / Ernesto Che Guevara. – NY., 1999. – P. 229*

² *Ibid. – P. 90*

³ *Ibid. – P. 129*

⁴ *Ibid. – P. 242*

⁵ *Ibid. – P. 223*

⁶ *Ibid. – P. 238*

⁷ *Ibid. – P. 244*

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА И ИРАН (проблемы взаимоотношений)

Современный мир развивается в условиях новой формирующейся многополярности. Новыми центрами мира становятся динамично и активно развивающиеся страны Латинской Америки и Ближнего Востока. Рост латиноамерикано-иранских контактов становится важным фактором мировой политики системы. Автор анализирует основные проблемы и направления развития отношений между Латинской Америкой и Исламской Республикой Иран.

Ключевые слова: Латинская Америка, латиноамериканские национализмы и антиамериканизм, Иран, иранская ядерная программа, международные отношения

Contemporary world develop in situation of the forming multi-polarity. The dynamically and actively developing states of Latin America and Middle East transform in new world centers. The rise of contacts between Latin American countries and Iran became the important factor in the world system. The author analyzes the main directions and problems in development of relations between Latin America and Islamic Republic of Iran.

Keywords: Latin America, Latin American nationalisms and anti-Americanism, nuclear program of Iran, international relations

Ядерная энергия обладает значительными преимуществами, но при этом представляет собой серьёзную угрозу. Ядерная программа Ирана вызывает сомнения в своей мирной направленности у многих западных государств. Эти сомнения усиливаются антизападной риторикой руководителей Исламской республики. В результате сегодня на ближнем востоке находится ещё одна конфликтная точка.

Попытки найти дипломатическое разрешение конфликта до сих пор не принесли результатов. В последние месяцы положение в Персидском заливе значительно усугубилось. Толчком к ухудшению отношений Ирана с западом послужило ужесточение санкций. Так 23 января 2012 года ЕС принял решение введении эмбарго на покупку иранской нефти. Причём окончательно оно вступит в силу, только с 1 июля. Таким образом, у Европы остаётся время для поиска альтернативы иранской нефти. О готовности возместить потери сообщила Саудовская Аравия.

Иран, как только появились первые сообщения о новых санкциях, пригрозил перекрыть Ормузский пролив, через который проходит до 40% мировой торговли нефтью. На угрозы, с присущей категоричностью, отреагировали Соединённые штаты, заявив о готовности применить силу в случае блокады пролива.

Из сложившейся на сегодня обстановки отчётливо видно, что США не блефуют. В районе персидского залива уже сконцентрированы несколько авианосцев с кораблями сопровождения и один десантный корабль. Кроме того в конце января через Суэцкий канал в Красное море вошла атомная подводная лодка и эскадренный миноносец флота США. В сложившейся ситуации Тегеран не собирается сидеть, сложа руки. Министр нефти Ростам Гасеми заявил, что ИРИ ответит на санкции санкциями. Речь идёт о незамедлительном прекращении поставок нефти. Законно проект пока не проработан полностью, но уже известно, что ответное эмбарго может затянуться на 5 – 15 лет.

Помимо этих шагов Иран стремится найти поддержку среди стран с антиамериканской позицией. Так в начале января президент Ирана совершил поездку по Латинской Америке. Он посетил Никарагуа, Эквадор, Кубу и Венесуэлу. Не смотря на то, что эти государства оказывают поддержку Ирану, их влияние в регионе ограничено, как и их возможности. Такие государства, как Бразилия ведут себя настороженно по отношению к Ирану. Тегеран не обладает достаточными экономическими, военными и финансовыми ресурсами, чтобы распространит своё влияние в Латинской Америке.

Ряд американских политиков считают, что Иран стремится к созданию в регионе ряда диверсионных отрядов, с тем, чтобы при необходимости нанести ответный удар по американским объектам в регионе. В большинстве своём это сторонники жёсткого внешнеполитического курса.

Судя по последним сообщениям, администрация Обамы настроена решительно. Так 1 февраля 2012 года в прессе появились данные о переброске американских войск на оманский остров Масира, на котором расположена база ВВС США. Председатель Комитета начальников штабов США Мартин Демпси сообщил, что Соединённые штаты разрабатывают планы ударов по Ирану.

В это же время ЕС предлагает продолжить переговоры по урегулированию конфликта. Иран соответственно медлит. Несмотря на то, что Тегеран стремится к мирному выходу из сложившейся ситуации отсутствие единой позиции западных стран и их противоречивые действия заставляют ИРИ предпринимать ответные шаги. На этом фоне. Укрепляется сотрудничество с Венесуэлой. Так, к примеру, в сентябре 2011 года стало известно о заключении соглашения, согласно которому, на территории Венесуэлы будет расположена база иранских ракет «Шихаб-3» и «Скад-С».

Вероятность развития событий по пути силового решения конфликта достаточно велика, если учесть тот факт что США не проявля-

ет инициатив по мирному разрешению сложившейся ситуации. Вашингтон занимает жёсткую позицию и не желает идти на уступки, так же как не желает верить в мирную направленность ядерной программы Ирана.

Одной из причин такого резкого поведения США близкие президентские выборы. Ядерная программа Ирана в случае своей военной направленности представляет серьёзную опасность не только для режима нераспространения ядерного оружия, но и для безопасности США. При подобном стечении обстоятельств у Соединённых штатов появляется серьёзный соперник. В тоже время санкции показали свою низкую эффективность, так как их не поддержало несколько крупных покупателей иранской нефти. Кроме того Исламская Республика сможет найти альтернативных покупателей на те 20% нефти которые до принятия санкций поставлялись в Европу. В тоже время перекрытие пролива серьёзно ударит по всей мировой экономике. Недостаток сырья повлечёт за собой резкий спад в других отраслях экономики. То же самое ждёт мировую экономику в случае затяжной войны.

Для США ни один из этих вариантов развития событий не подходит, особенно накануне президентских выборов. По этому, они могут надеяться лишь на быструю операцию направленную исключительно против ядерных объектов Ирана. Но этот вариант, также не гарантирует успеха, поскольку Иран располагает крупнейшей в регионе армией, а также обладает значительным техническим потенциалом, и практически не уступает США. В итоге силовой способ разрешения конфликта также заходит в тупик.

Один из наиболее вероятных вариантов развития событий по силовому пути, это перекрытие Ираном одной из важнейших водных артерий в мире, Ормузского пролива. В данном случае США предпримет попытку силой принудить страну прекратить блокаду. Однако данный путь развития событий грозит обернуться для пятого флота США катастрофой.

Географические особенности данного региона таковы, что для судоходства пригодна только достаточно узкая полоса шириной в несколько километров, да и весь персидский залив достаточно узок, что сильно ограничивает возможности маневра. Иран способен разгромить флот США опираясь на географические преимущества. ИРИ может противостоять американскому флоту с помощью массированного ракетного удара, а также небольших катеров, также имеющих на своём вооружении противокорабельные ракеты. В результате флот США может понести катастрофические потери. На учениях Millennium challenge 2002 моделировался сценарий боевых действий в

районе персидского залива. Противостоящая флоту США группировка в ответ на ультиматум предприняла неожиданную ракетную атаку, а также пустила в ход небольшие катера. В результате подобного моделирования, только за один день боевых действий америка потеряла 16 боевых судов. Несмотря на всю мощь американского флота в Персидском заливе он не имеет возможности вести боевые действия с безопасного расстояния, и подвергается атаке, как с моря, так и с берега.

Несмотря на то, что множество стран, в основном страны запада и США, присоединились к санкциям против ЦБ Ирана и нефтеторговли, Иран не находится в полной изоляции. Напротив, ИРИ нашла поддержку в некоторых латиноамериканских странах, противостоящих США. В-первую очередь, речь идёт о Венесуэле, с которой, на сегодняшний момент, у Ирана подписан меморандум. В нём стороны обязуются оказывать друг другу поддержку, а также сотрудничать в военной сфере. По словам Роберта Моргентау, прокурора района Манхэттен, сотрудничество с Венесуэлой позволяет Тегерану обходить санкции, затрагивающие финансовый сектор иранской экономики. Иран применяет различные теневые схемы позволяющие переводить значительные средства в Венесуэлу в рамках военного партнёрства. В частности осуществляется строительство заводов оборонительного характера. В декабре 2008 года турецкие власти задержали иранское судно, направлявшееся в Венесуэлу, на борту которого находилось лабораторное оборудование для производства взрывчатых веществ. Сегодня Исламская Республика и Венесуэла формируют «ось единства» в рамках политического, экономического и военного партнёрства.

Сегодня обстановка на ближнем востоке сильно накалена и без конфликта вокруг иранской ядерной программы. А обострение отношений ИРИ с западными странами создаёт взрывоопасную ситуацию. Однако даже в подобной обстановке в районе персидского залива сосредоточены чересчур серьёзные силы США и его союзников. Помимо того, что в данном регионе уже дислоцируются авианосцы «Авраам Линкольн» и «Пелелиу», в район направляются группа ударного авианосца "Теодор Рузвельт", группа авианосца "Рональд Рейган" и группа вертолетоносца "Иводзима". Кроме того в регионе располагается авианосцем «Арк Роял» и несколько кораблей ВМС Франции, включая атомную подводную лодку «Аметист». Всего в районе залива сконцентрировано около 40 боевых кораблей.

Сейчас тяжело сказать насколько США и союзники готовы перейти от демонстрации силы к реальным действиям. Но совершенно ясно, что Вашингтон начинает терять терпение в отношении иранской ядерной программы. Если европейский союз хоть и вводит против

Ирана санкции, но, по-прежнему, предпринимает усилия склонить Тегеран к переговорам, сообщая о своей готовности к диалогу, то США уже давно не проявляют мирных инициатив. С Капитолийского холма звучат в последнее время лишь заявления о готовности применения силы в случае невыполнения требований. Иран в свою очередь отвечает Белому дому теми же любезностями, сознавая, что быстрой военной операции у США не получится.

Если же дело всё-таки дойдёт до вооружённого противостояния, мир ждёт довольно серьёзный скачок цен на нефть. Аналитики предсказывают рост цен до 120 – 150 долларов за баррель. Однако Тегерану не угрожает дипломатическая изоляция. В Латинской Америке его поддерживает Венесуэла и ряд других враждебных Вашингтону государств. Кроме того у Ирана есть партнёры в Азии для которых будет крайне проблематично найти альтернативу иранской нефти. Единственным выходом из сложившегося лабиринта является предоставление международному сообществу неопровержимых доказательств мирной направленности ядерной программы.

Арсен ГЕВОРГЯН

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА В НОВОМ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ПОЗИЦИИ РОССИИ (эссе)

Автор анализирует проблемы политического развития Латинской Америки. Особое внимание уделено проблемам зависимости / независимости. Глобализация и регионализация анализируются как важные факторы развития Латиноамериканского региона. Проанализированы позиции США и Российской Федерации.

Ключевые слова: Латинская Америка, глобализация, регионализация, США, Россия

The author analyses political development problems of Latin America. The special attention is paid to the problems of dependence / independence. The globalization and regionalization are analyzed as important factors in Latin-American region developments. Positions of the USA and Russian Federation are also analyzed.

Keywords: Latin America, globalization, regionalization, USA, Russia

Латиноамериканская цивилизация долгое время была перекрестным геополитическим полем, на которое претендовали несколько великих держав сразу. В первую очередь Соединенные Штаты Америки были главным актором в геополитическом поле Латинской Америки, для которых согласно американской геополитической концепции страны этого континента были зоной «особых интересов».

Национально-освободительные движения в Латинской Америки, такие как движение Симона Боливара, направленные на установление независимости от метрополии имели большое значение для геополитического пространства Латинской Америки и мира. Но уже в XX веке революции, большая часть революций происходящих, уже в независимых Латиноамериканских республиках утратила свою прежнюю идейность. В XX веке революции были следствием клановой борьбы цель, которой была установление личного контроля над страной и ее ресурсами.

В Латиноамериканских республиках действовала широкая агентурная сеть ЦРУ и ФБР, которая определяла основной вектор развития региона (проамериканский). ЦРУ использовало всех в своей борьбе с контрреволюциями, включая и церковь. Под видом миссионеров американские агенты вели антикоммунистическую пропаганду в те времена. Так, например, в Эквадоре агенты ЦРУ проникли в партию

христианских демократов, включая окружение президента Камило Понсе Энрикеса. К нему был приставлен в качестве личного лекаря не имевший никакого врачебного диплома двойной агент – ФБР и ЦРУ. От имени студенческой организации католического университета ЦРУ штамповало погромные антикоммунистические листовки.

И лишь одно маленькое островное государство в Карибском бассейне претерпело революцию, которая стала важным моментом в истории борьбы между двумя самыми крупными генераторами геополитических полей – США и СССР. После победы кубинской революции некоторые служители католических церквей Латинской Америки, объявили публично революцию антихристианской и антирелигиозной, не исключено, что это были законспирированные агенты США. Революция была неизбежной: Во время режима Ф. Батисты 70 % экономики Кубы контролировалось США, существенных изменений в жизни населения не произошло. Страна стала неким местом сбора преступного мира США, который взял под контроль туристический бизнес Кубы, на улицах орудовали банды уличных преступников и сутенеров, терроризировавших население.

Значительное количество сахарных централей. Нефтеперерабатывающие заводы также находились в руках североамериканских и одной англо-голландской компаниям: “Esso” (тогда “Standard Oil of New Jersey”), “Texasco” и “Shell” (тогда – “Royal Dutch Shell”). Куба имела даже преимущество для тех бизнесменов которые наладили связи с правительственным аппаратом: вместо честной конкуренции как пишет Серго Микоян здесь можно было получить за взятку лицензию от государства и стать монополистом. «Все что было нужно это получить возможность сделать телефонный звонок Батисте: он мог все урегулировать», – сообщало ЦРУ. Кубинские коррумпированные чиновники давали многие преимущества дельцам сомнительного бизнеса : здесь действовали правила , более либеральные к любому бизнесу , который мог быть не в ладах с американскими правоохранительными структурами . Здесь любили проводить время на отдыхе мафиози из США: итальянские, еврейские и другие. Им принадлежало большинство весьма доходных заведений дававших до миллиарда долларов прибыли в год. Значительная часть предприятий освобождалась от налогов решениями правительства. Именно поэтому мало кто из правителей Кубы мог подумать о самостоятельном политическом поведении.

После свержения режима Ф. Батисты и прихода к власти Фиделя Кастро Куба объявила о социализме как приоритетном пути развития. Это вызвало неоднозначную позитивную реакцию Кремля: на остров

Свободы были посланы тысячи советских специалистов обязанных обеспечить поддержку Кубе во всех отраслях.

На протяжении всей истории советско-кубинских отношений наблюдалось множество позитивных и негативных моментов: благодаря гигантским советским вложениям в кубинскую экономику в стране была создана промышленность, армия, Куба стала лучшим союзником социализма в Западном полушарии и тем же временем испытала на себе тяжесть Карибского кризиса, который чуть ни поставил мир на грань конца света в лице ядерных ракет СССР и США. После демонтажа советской империи и изменения геополитического кода России, отношения между Кубой и сравнительно молодой Российской Федерацией стали идти на спад. Несмотря на то, что Куба и по сей день остается самым надежным союзником РФ их отношения не имеют той прежней фундаментальной основы на, которой базировались советско-кубинские отношения. Для СССР Куба была не просто партнером и союзником, но и эндемичным полем, а также важным инструментом воздействия на политические процессы в Центральной и Южной Америке. Одним из главных политических упущений России в Карибском бассейне была ликвидация российской военной базы в Лурдесе. База, находившаяся всего в 180 километрах от берегов Северной Америки, в состав которой входил танковый батальон, несколько мотострелковых дивизий, ракетно - зенитный и артиллерийский дивизион была сравнима для США разве, что с дулом пистолета приставленного к затылку. Но главным военным объектом России была РЛС находящаяся там же. РЛС неоднократно модернизировалась и играла ключевую роль в перехвате информации во время холодной войны. Возможности РЛС позволяли перехватывать данные с американских спутников связи, наземных телекоммуникационных кабелей, а также сообщения из американского центра управления полётами НАСА в соседнем американском штате Флорида. Но с началом демонтажа советской армии началась поэтапная ликвидация базы. В октябре 2001 года база и центр были закрыты по решению правительства. По официальным данным основная причина закрытия была цена содержания (20 млрд. рублей ежегодно), приносившая убытки государственному бюджету РФ. Но со стратегической точки зрения это было неправильное действие, так как РФ потеряла возможность вести экономический шпионаж и свою единственную коммуникацию в Латинской Америке, которая была единственным каналом сообщения российской линии с регионом. Сейчас никаких символических событий в развитии между нашей страной и островом свободы не происходит. Куба была долгое время на грани коллапса в результате эмбарго со стороны США и из-

менений в отношениях с Россией, но режим Кастро не согнулся перед трудностями и у Кубы появился новый союзник – Венесуэла «харизматичный» лидер, которой Уго Чавес, по мнению западных политиков, является нелегитимным главой государства.

Схожие в своих взглядах в отношении агрессивной внешней политики США, Куба и Венесуэла имеют возможность образовать новую ось в Латинской Америке позже способную трансформироваться в некий континентальный блок, который возможно не будет очередным сателлитом США или пособником ЦРУ, но в любом случае этому блоку будет нужна финансовая и материальная поддержка. Если РФ действительно хочет активизировать свои действия в Карибском бассейне и во всем Латиноамериканском континенте в целом, ей нужно приступить к возобновлению военно-политического сотрудничества с Кубой, начать переговоры по возобновлению присутствия российских воинских формирований на острове и по возможности приступить не только к формированию военного присутствия на Кубе, но и к построению совместных предприятий военно-промышленного характера. Аналогичные действия должны проводиться в сотрудничестве с Венесуэлой и Никарагуа, которые весьма симпатизируют России. Именно эти две латиноамериканские республики признали независимость Абхазии и Южной Осетии после августовских событий 2008. К концу первого десятилетия XXI века обозначилась тенденция к усилению позиций России в латиноамериканском регионе один лишь товарооборот вырос с 5,5 млрд. долларов в 2000 году до 15 млрд. В предстоящие два десятилетия эта тенденция, очевидно, будет развиваться, чему могут способствовать следующие факторы. Своеобразное возвращение России в латинскую Америку было во многом продиктовано скорее стремлением целой группы государств региона вновь обрести стремление целой группы государств региона вновь обрести, благодаря расширению связей с нашей страной противовес как важный рычаг укрепления своих позиций в условиях конфликтных отношений с США. К концу первого десятилетия 21 – го века рельефно обозначилась тенденция к усилению позиций России в латиноамериканском регионе один лишь товарооборот вырос с 5,5 млрд. долларов в 2000 году до 15 млрд. В предстоящие два десятилетия эта тенденция, очевидно, будет развиваться, чему могут способствовать следующие факторы. Своеобразное возвращение России в латинскую Америку было во многом продиктовано скорее стремлением целой группы государств региона вновь обрести стремление целой группы государств региона вновь обрести, благодаря расширению связей с нашей страной противовес как важный рычаг укрепления своих пози-

ций в условиях конфликтных отношений с США. И хотя политический маятник на латиноамериканском континенте, резко качнувшийся влево в рассматриваемый период может вернуться в нейтральное положение дивиденды уже полученные от налаживания партнерских отношений с Россией вероятно сыграют роль долговременного фактора. Одним из главных партнеров России в латинской Америке является Венесуэла.

Благодаря Венесуэле Россия нашла новую коммуникацию в Латинской Америке и нового экономического партнера. В настоящее время российские строительные компании приступают к крупномасштабному строительству жилых домов в Венесуэле, отмена безвизового режима является символическим событием для Венесуэлы и РФ и будет способствовать свободному культурному обмену между нашими странами. Согласно российским СМИ РФ и Венесуэла обсуждали вопрос о строительстве совместного российско-венесуэльского военного завода по производству автоматов Калашникова. Но касательно военного сотрудничества со странами Латинской Америки, Россия в этом отношении ведет себя сдержанно: российское руководство не воздерживается от поставок военной техники и оружия, но в определенных количествах и определенного вида так как любое действие России, противоречащее американским интересам контролируется американской администрацией, которая весьма сильно воздействует на российскую экономику. Воздействие американской экономики на российскую проявляется в первую очередь из-за зависимости российской экономики от американской валюты. Из данного анализа следует вывод, что и любые действия России особенно в военно-политическом сотрудничестве, противоречащие американским интересам будут остановлены при помощи экономического рычага воздействия. Если же РФ не намеревается продать Ирану ракетно-зенитный комплекс, опасаясь тяжелых экономических последствий, дефолта или гиперинфляции, то вопрос о создании новой сети военных баз в Латинской Америке будет снят моментально с повестки дня. Жизнь в условиях суровых экономических санкций, в которых живут кубинцы или иранцы отторгает от страны многих иностранных инвесторов и экономических партнеров при всем этом и Рауль Кастро и Ахмадинежад, продолжают инспирировать народы своих стран строительством идеального государства в рамках социализма (Куба) и исламского общества (Иран), сотрудничая со всеми кто будет согласен вести партнерские отношения на равных взаимовыгодных условиях, сохраняя свой суверенитет, выражающийся не бумагами, а волею народа.

Новым игроком на латиноамериканском поле постепенно становится Иран. Страна расширяет контакты с наиболее антиамерикански настроенными режимами и в первую очередь с Венесуэлой и Боливией (одним из лучших союзников Уго Чавеса в Латинской Америке). Ахмадинежад уже четыре раза посещал Венесуэлу с которой заключено больше 60 соглашений о сотрудничестве в различных областях, включая энергетику военно-технический обмен и строительство. Появившиеся в печати сведения о возможности передачи Ираном Венесуэле ядерных технологий пока не подтвердились, хотя и вызвали резкую реакцию ряда западных стран в частности Франции. Не будем забывать и о несостоявшейся бразильско-турецкой операции по переработке иранского ядерного топлива призванного неприемлемым ведущими ядерными державами. Напомним в этой связи о том, что Бразилия как непостоянный член СБ ООН голосовала против резолюции, ужесточающей санкции против Ирана. В Боливии Иран уже вложил более 1 млрд. долларов в добычу и переработку такого стратегического сырья, как лурий. Иранские капиталовложения также направляются в сферы здравоохранения и жилищного строительства. Можно ли говорить о формировании силового блока трех стран, о чем, например, писала «Washington Post» в номере от 7 декабря 2010 года? Скорее стоит согласиться с формулировкой У. Чавеса, одержимого созданием оси раздражения Соединенных Штатов.

Вполне возможно, что РФ попытается создать свое собственное экономическое поле на незанятом американской монополией пространстве стран Латинской Америки не опасаясь американских санкций, но, и не исключено, что это произойдет только с возвратом к старому геополитическому кодексу времен холодной войны, но уже в исправленном и обновленном виде.

ТЕМА НОМЕРА – III

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ (переводы)

Пабло АНИНО

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА И МИРОВОЙ КРИЗИС*

Огромные суммы, которые выделяются на спасение банков, и мероприятия, которые предпринимаются со стороны государств по борьбе с кризисом, привели к тому, что мировая экономика стала развиваться двумя темпами. После 2010 года наибольший экономический рост отмечен в странах, которые «динамически развиваются», тогда как в ведущих мировых государствах производство растет умеренными темпами. Страны Латинской Америки относятся к первой группе, но темпы их роста весьма неравномерны: Экономическая комиссия для стран Латинской Америки и Карибского бассейна (CEPAL) прогнозирует наибольший рост в Южной Америке (5,1%), более меньший – в Центральной Америке (4,3%) и совсем незначительный в странах Карибского бассейна (1,9%).

Это реанимирует идею о выходе региона из-под влияния США – «исторической возможности» благодаря которой и устойчивому развитию страны, которые входят в группу БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) получают новый шанс. Несмотря на то, что новых скачков кризиса не наблюдается (хотя это звучит очень оптимистично в контексте возможного объявления дефолта Соединенными Штатами, банкротства Греции или других стран, которые имеют большой государственный долг, что может вызывать новый экономический спад в регионе, подобный тому, который произошел в 2009 году после банкротства Lehman Brothers), экономика становится все менее устойчивой.

* Anino P. *Latinoamérica y la crisis mundial* / P. Anino. – (<http://www.rebellion.org/noticia.php?id=133200>) Перевод с испанского М.В. Кирчанова.

На данный момент мероприятия по экономическому оздоровлению основных стран, охваченных кризисом, влекут за собой противоречивые последствия. Одно из них заключается в том, что избыток фондов привел к спекуляции на рынке сырьевых продуктов. Изменение условий торговли (то есть, изменение соотношения цен на товары, которые экспортируются и импортируются) благоприятно для стран Южной Америки и в меньшей степени – для Центральной Америки и Мексики.

Нельзя забывать о том, что на объемы торговли оказывают влияние такие структурные факторы как потребности Китая и Индии, а также использования зерна в качестве сырья для производства биотоплива. Однако на уровень цен оказывают влияние и спекулятивные операции.

С другой стороны, низкие процентные ставки в США, мероприятия по оздоровлению банковской системы в экономически развитых странах и денежная эмиссия, все эти и другие шаги, направленные на борьбу против мирового кризиса, на настоящий момент оказывают благоприятное действие на экономику тех латиноамериканских стран, где она основана на дешевом финансировании, которое обеспечивают спекулятивные капиталы.

Латиноамериканские страны повысили процентные ставки, увеличив таким образом разрыв со ставками, действующими в экономически развитых государствах. Подобная политика ведет к удорожанию местной валюты, поскольку способствует ее большему поступлению. В результате этого доллары становятся доступными в больших количествах и по более низкой цене.

Если к этому добавить увеличение цен на сырьевые товары, что также приводит к притоку долларов, то происходит сильное давление на сам процесс формирования обменных курсов валют. Поэтому СЕРАЛ предупреждает о необходимости «интервенций на валютных рынках, установлении контроля за поступлением капиталов и создании механизма финансовой регуляции», но в этой ситуации конкурентоспособности наносится удар, поскольку осуществлять экспортные операции при наличии растущей национальной валюты становится сложно, и такие страны начинают потреблять все больше и больше импортных товаров. Увеличению торгового дефицита способствует и рост внутреннего спроса.

Существует огромная опасность в случае, если Федеральный резерв США примет решение поднять процентные ставки и пойдет на сокращение финансовой помощи банкам. Хотя это и самый достоверный сценарий развития событий, вероятность повышения процентной

ставки приведет к тому, что капиталы вернуться к самым надежным активам, таким как, например, долговые обязательства США, если за них будут платить более высокие проценты. Это не только перенаправит финансовые потоки в сторону Латинской Америки, но и приведет к росту задолженности, что, в свою очередь, непременно отразится на странах, чья экономика находится в сильной зависимости от иностранных капиталов, в частности, на странах Латинской Америки [...]

Нельзя исключать и того, что может образоваться «мыльный пузырь» в сфере потребления, который даст возможность приобретения имущества и товаров трудящимся, владеющим кредитом, а не тем, которые имеют реальную покупательную способность, которая обеспечивается через повышение заработной платы. МВФ также предупреждает, что, несмотря на прочность банковской системы, она воспринимается как определенный финансовый рычаг действия на внешнюю задолженность. Задолженность имеет определяющий вес в структуре платежного баланса и бюджете стран континента... приток капиталов может оставить экономику латиноамериканских стран без финансовых средств. Хотя это и означает сильную зависимость от империализма, однако, является жизненно необходимым для ее функционирования.

Внутренний спрос в странах Латинской Америки растет ускоренными темпами, что в обстановке повышения мировых цен на продукты питания и топливо вызывает инфляционное давление. Рост цен на продовольствие бьет по наиболее бедным и менее обеспеченным слоям общества. Перед тем, как проявились первые признаки ипотечного кризиса, на Гаити прокатилась первая волна голодных бунтов [...] В конце 2010 года повышения цен на топливо, объявленное президентом Боливии Эво Моралесом, встретило сопротивление трудящихся, поскольку вело к удорожанию других товаров [...]

СЕРАЛ предупреждает, что при ухудшении положения в США, Японии и странах Европейского Союза ускоренный экономический рост латиноамериканских стран окажется под большим вопросом. В случае замедления темпов экономического роста в Китае, Индии и Российской Федерации в целях борьбы с инфляцией может начаться искусственное сокращение спроса [...] Несмотря на то, что Латинская Америка переживает приток иностранного капитала в реальных отраслях экономики, наличие многочисленных проблем свидетельствует о том, что экономика поглощает больше денежных средств, чем она в состоянии освоить [...]

В Бразилии, стране с самой развитой в Южной Америке экономикой, в связи с притоком капиталов обменный курс поднялся по срав-

нению с уровнем 1999 года, когда страна была вынуждена пойти на девальвацию своей национальной валюты... Важной проблемой для Бразилии является торговый дефицит... эта южноамериканская страна уже определенное время использовала протекционистские мероприятия для того, чтобы сократить свой торговый дефицит, что приводило к росту противоречий с США.

В Венесуэле также применяются протекционистские меры в связи с уменьшением позитивного сальдо во внешней торговле. Венесуэла провела девальвацию своей национальной валюты. Таким образом, несмотря на то, что ситуация еще не дошла до крайней точки, неустойчивость экономики в результате «благотворных» мероприятий борьбе с кризисом с каждым днем набирает обороты.

ВОЛНЕНИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ*

Социальные и политические взрывы в Испании и в некоторых английских городах, включая Лондон, имеют определенное отношение к арабской весне: все они содержат важный экономический компонент, хотя он и не играет решающей роли. Отвращение, которое вызывает система политических партий в Испании, неминуемая передача власти по наследству при диктаторских режимах сопровождается урезанием бюджета и ощущением отчужденности, которое не находит выхода в легальных формах.

Но то, что сегодня происходит в Чили, а также с меньшей степени в других латиноамериканских странах, является чем-то другим, более загадочным. Оно поддается несколько поверхностному, но в то же время более интересному объяснению, чем в других случаях.

Как писала газета «El País» в своей передовой статье от 11 августа 2011 года, странность чилийской ситуации заключается в сочетании экономического успеха с непопулярностью президента и массовыми протестами студенчества против существующего правительства. Я не имею в виду так называемое экономическое чудо в Чили за последние 25 лет, а экономический рост 5,2% в 2010 году и прогнозируемые 6,5% в 2011 году.

Как и следовало ожидать, благодаря успешному макроэкономическому руководству нынешнего правительства на фоне стабильных цен на медь и благодаря огромным китайским закупкам, падение экономического роста в Чили в 2009 году было весьма умеренным, которое потом сменилось экономическим подъемом.

В этом случае, непросто понять, почему десятки тысяч чилийских студентов, которых все чаще сопровождают их родители, вышли на самые многотысячные (сопровожаемые многочисленными актами насилия) демонстрации со времен конца диктатуры в 1989 году? И почему у президента самый низкий рейтинг популярности (26%) с момента начала перехода к демократии в 1989 году?

В принципе, причины этого понятны: они выдвигали требования бесплатного и качественного высшего образования в стране, где власти явно зашли очень далеко в приватизации высших учебных заведений. Однако этого объяснения недостаточно. Возможно, массовые ак-

* Публикуется по: Castañeda J. Los indignados de América Latina / J.Castañeda // El País. – 2011. – 24 Agosto. Со-
ращенный перевод с испанского М.В. Кирчанова.

ции протеста также можно объяснить причинами, весьма похожими на, которые частично лежат в основе перуанского парадокса, что нашло свое отражение в результатах июньских президентских выборов.

Экономические показатели Перу являются наилучшими среди латиноамериканских стран за последнее десятилетие. Экономика росла почти на 6% в год, заметно сократилась бедность и даже снизилось, пусть и незначительно, извечное социальное неравенство в стране. И все же, оба президента, которые внесли свой вклад в это достижение, Алехандро Толедо и Алан Гарсия, завершили свой президентский срок с высокими рейтингами популярности, а затем потерпели поражение на выборах.

Что-то подобное наблюдается в Уругвае, стране, которая с начала века добилась в Латинской Америке наибольших достижений в социальной и экономической областях. Уругвай сократил свой внешний долг, поддерживая значительные темпы экономического роста. Монтевидео переживает поразительный строительный бум. Но почему тогда рейтинги популярности правительства и президента Мухики постоянно падают, а в политической жизни властвуют апатия и пессимизм?

И, наконец, непробиваемая Аргентина. После коллапса 2001-2002 эта страна добилась резкого ускорения экономического роста. В 2010 году он достиг умопомрачительной цифры в 9,2%, а в 2011 году, вероятно, превысит 7%.

Уровень инфляции, вероятно, выше того, о котором заявляет правительство, которое манипулирует экономическими показателями. Но все-таки экономика под контролем. Благодаря этому президент Кристина Фернандес де Киршнер имеет все шансы победить на октябрьских выборах. Хотя на последних выборах в местные органы власти, в федеральной столице, в провинциях Кордоба и Санта-Фе, ее кандидаты потерпели серьезное поражение, а оппозиция выиграла.

Что же происходит в Латинской Америке? Есть неполные ответы, частично правильные. Рост, действительно, имеет место, но неравенство остается и становится с каждым днем все более нестерпимым, прежде всего на фоне экономического подъема.

Это полуправда: неравенство действительно продолжает существовать. Но как показывают Нора Лустиг и Луис Лопес-Кальво в исследовании, проведенном по заказу координаторов Программы ООН по развитию, с 2000 по 2007 год неравенство уменьшилось во всех этих странах (включая Бразилию и Мексику).

Кризис 2009 года действительно мог остановить эту тенденцию в некоторых странах (но в Бразилии, например, не мог). В Чили сокра-

щение неравенства было минимальным, особенно на фоне стольких лет экономического успеха.

Другое правильное, но недостаточное, объяснение заключается в неприятии широкими слоями населения, прежде всего молодежью, системы демократического представительства, которая раньше казалась прекрасной (после предыдущих диктатур), но со временем стала застойной. Она превратилась в гарантию монополии на власть со стороны партократии...

Другая причина кажется более тревожной, поскольку ее сложнее устранить. Она состоит в нехватке рабочих мест, в том числе и для тех, кто имеет высшее образование. Это происходит из-за значительных масштабов теневой экономики, так и по причине того, что на легальном рынке труда имеют место весьма жесткие условия при незначительном количестве предложений.

Во многих случаях (возможно, за исключением Бразилии) экономический подъем был вызван огромным спросом на сырье в мире: железо, медь, соя, мясо, нефть, сахар, что давало валютные поступления и привлекало иностранные инвестиции, но создавало крайне мало новых рабочих мест. В национальных бюджетах были средства, которые могли быть направлены даже на социальные программы и борьбу с нищетой, но городская молодежь не может найти хорошо оплачиваемой работы. Макроэкономические показатели выглядят неплохо, проводится в жизнь социальная политика, но те, кто не работают и не учатся, не получают доходов от огромного спроса на сырье со стороны Китая и Индии. А спрос, как известно, двигатель экономики.

Фундаментальная проблема заключается, по-видимому, в ощущении неравенства: стране хорошо, а мне нет, или в любом случае не так хорошо, как мне бы хотелось, как я того заслуживаю или как оно должно быть. Поражающий рост среднего класса в ряде латиноамериканских стран за последние 15 лет сопровождался становлением институтов, которые являются частью демократии, системы образования, закреплением положения молодежи на рынках труда, получением доступа к произведениям культуры...

Социальное превращение Латинской Америки за последние пятнадцать лет действительно поражает воображение. Ему предшествовали политические изменения, сделавшие его возможным, которые к настоящему времени трансформировались, к сожалению, в недееспособный придаток, который больше создает проблем, чем их решает...

БЛЕСТЯЩЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ*

В июле прошлого года Межамериканский банк развития заявил о том, что следующее десятилетие будет «десятилетием Латинской Америки». Пару месяцев спустя данную идею поддержал влиятельный британский журнал «The Economist», и с тех пор ее постоянно повторяют бесчисленные апологеты и эксперты.

Ничего так не стимулирует красноречие ученых мужей, как небольшой экономический рост. А согласно данным Международного валютного фонда экономика Латинской Америки растет: на 6% в прошлом году и, по оценкам экспертов, на 4,75% в 2011 году. По сравнению с развитием региона на протяжении последних трех десятилетий, которое, в целом, было достаточно медленным, это выглядит как взлетная скорость. А сравнительно с последними унылыми показателями Северной Америки и Европы, такая скорость кажется и вовсе сверхзвуковой. На фондовых биржах Латинской Америки отмечается резкий подъем с начала кризиса; в ряде стран региона имеет место рост цен на недвижимость. Не удивительно, что так много тех, кто поражен этим.

Настроения относительно Латинской Америки были такими же оптимистичными и в начале 1980-х годов прошлого века. Банковские ссуды из США предоставлялись в изобилии, и экономика таких стран, как Аргентина, Чили и Уругвай, быстро росла. Но потом председатель правления Федеральной резервной системы США Пол Волкер повысил процентные ставки в США и доллары «пошли домой», большинство стран объявило дефолт по своим долгам, и 1980-е годы стали для Латинской Америки «потерянным десятилетием».

В начале и середине 1990-х годов регион накрыла дежурная волна оптимизма. Товарные цены были высокими, внешнее финансирование – обильным, и экономика многих стран Латинской Америки стала расти. Начав реформы по либерализации, продиктованные политикой Вашингтонского консенсуса, Латинская Америка, казалось, благополучно вышла из трудного положения. Но потом в 1994 году разразился экономический кризис в Мексике, а затем – азиатский кризис, что

* Публикуется по: Velasco A. Latin America's Glossed Decade / A. Velasco. – (<http://www.project-syndicate.org/commentary/velasco6/English>). Перевод с английского М.В. Курчанова.

сильно ударило по экономике стран Латинской Америки. В Бразилии кризис случился в 1998 году, а в Аргентине – в 2001 году.

Я не намекаю на то, что Латинская Америка находится на краю очередного «дежурного» долгового кризиса. Напротив, во многих странах, в частности в Бразилии, Перу и Колумбии, макроэкономическое управление значительно улучшилось по сравнению с 1980-ми годами или с началом 1990-х годов

Но в современной ситуации есть две общие черты с предыдущими эпизодами финансовой эйфории относительно Латинской Америки: заоблачные товарные цены и дешевые международные кредиты. Для многих стран региона условия торговли стали жестче, а мировые процентные ставки ниже, чем раньше. Данные факторы стимулируют экономический рост сильнее других эффективных изменений политики за последние годы.

Вообще-то, существует две Латинские Америки: богатая природными ресурсами Южная Америка и бедная природными ресурсами Центральная Америка и Мексика. Неудивительно, что экономика Южной Америки растет намного быстрее, чем экономика ее северных соседей: согласно недавнему отчету Межамериканского банка развития, 4,4% против 2,7% в 2010-2011 годах. По оценкам, которые содержатся в данном отчете, экономика Аргентины вырастет на протяжении данного периода на 6,1%, тогда как экономика Коста-Рики вырастет на 3,8%, а экономика Сальвадора – всего на 1,6%. Но есть ли хоть один экономист, который считает, что политика Аргентины почти в четыре раза лучше политики Сальвадора?

Приток международного капитала также создает новые различия. В последнее время любимцем финансовых рынков стала Бразилия, экономика которой в 2010 году росла с умопомрачительной скоростью в 7,5%, что стимулировалось притоком капитала почти в 100 млрд долларов. До конца 2016 года в Бразилии пройдет и Чемпионат мира по футболу и Олимпийские игры.

Немногие сомневаются в лидерстве Бразилии, когда речь идет о футболе. Но ее экономическая конкурентоспособность – совсем другое дело. В данном чемпионате Бразилия не доходит даже к раунду плей-оффа 32 участников, занимая 58-е место в рейтинге конкурентоспособности среди 139 стран, который составлен Всемирным экономическим форумом. Бразилию опережают, например, такие страны, как Черногория, Маврикий и Азербайджан.

В прошлом эпизоды непомерно дешевых кредитов, а также товарных «цен на стероидах» плохо заканчивались для Латинской Америки. Будет ли в этот раз по-другому?

Простите, но большинство экономистов говорит: кто знает? Впервые, это зависит от того, смогут ли данные страны предотвратить образование финансовых «мыльных пузырей». Недавно в своем отчете МВФ поставил вопрос: «Усиливаются ли благоприятные условия для образования финансовых мыльных пузырей?». Отметив избыточный рост кредитования в большинстве южноамериканских стран (в Бразилии рост ипотечного кредитования в 2010 году превысил 40%, почти втрое увеличив размер кредитов, непогашенных в 2007 году), МВФ сделал вывод о том, что «сегодняшнее увеличение кредитования пока еще не приблизилось к уровню кредитного бума», хотя «может прийти, если рост кредитования продлится на протяжении длительного периода времени».

Обратите внимание на «пока еще». Когда врач говорит, что пациент «пока еще» не умер, его семье пора забеспокоиться.

В том же отчете МВФ забил тревогу по поводу потенциальных «мыльных пузырей», отметив, что «в некоторых странах (Чили, Колумбия и Перу) цены на акции сегодня находятся выше уровня общей тенденции с признаками «переоцененности». В Чили отчет был встречен гневными возражениями со стороны брокеров и руководителей фондов, которые зарабатывают себе на жизнь продажей чилийских акций инвесторам.

Закончится ли текущий эпизод слезами, также зависит от налогово-бюджетной политики. Когда-то давно налогово-бюджетная политика Латинской Америки была чрезвычайно циклической: как только товарные цены падали, правительства теряли доступ к рынкам капитала, поэтому им приходилось устранять свои дефициты именно тогда, когда условия требовали налогово-бюджетной экспансии.

Данная тенденция начала медленно меняться. Поскольку государственный долг теперь намного ниже, чем в прошлом, в некоторых латиноамериканских странах впервые после 2009 года образовался противочикличный дефицит, который смягчает влияние внешнего удара мирового финансового кризиса на внутренний рынок.

Проблема в том, что правительствам данного региона еще предстоит понять, что противочиклическая налогово-бюджетная политика означает и необходимость грести против течения на двух этапах цикла: тратить больше в трудное время (легкая часть) и тратить меньше в хорошее время (настоящее испытание характера). Сегодня налогово-бюджетная политика остается очень экспансионистской (направленной на стимулирование экономического роста) практически в каждой латиноамериканской стране.

Этот налогово-бюджетный импульс в сочетании с высокими товарными ценами и обильными кредитами продолжает стимулировать экономический рост, что имеет место часто в убыток завтрашней стабильности и экономическому росту в будущем. «Наконец, пришло время Латинской Америки», – продолжают говорить многочисленные ученые мужи. Как было бы хорошо, если бы они оказались правы.

ЮЖНАЯ АМЕРИКА: ПУТЬ К СОЗДАНИЮ СОБСТВЕННОЙ ПОВЕСТКИ ДНЯ*

Владея валютными запасами в 700 миллиардов долларов, населением в 400 миллионов человек, огромными месторождениями углеводородов, энергетической независимостью, богатыми залежами полезных ископаемых и самым значительным на планете разнообразием биологических видов, Южная Америка имеет все основания для того, чтобы разработать свои собственные политические и экономические приоритеты и не испытывать на себе результатов разразившегося системного кризиса.

В последние недели министры и президенты южноамериканских стран указывали на необходимость принятия защитных мер, чтобы не допустить негативного влияния кризиса, который охватил промышленно развитые страны.

Кристина Фернандес де Киршнер сказала, что «мы должны возвести оборонные сооружения вокруг нашего континента, чтобы не потерять то, чего добились». Гвидо Мантега высказался за установление «пояса изоляции» во избежание экономических потерь. Даже консервативный президент Колумбии Хуан Мануэль Сантос предупредил на встрече глав государств Союза южноамериканских государств в Лиме о том, что необходимо противостоять негативному влиянию экономического кризиса, охватившего США и Европу, в результате которого девальвируются валютные запасы стран региона. Это правильный подход, который свидетельствует о том, что на континенте распространяется осознание необходимости принятия немедленных действий. Но чисто защитные мероприятия недостаточны. Мантега ошибается, когда утверждает, что «главным вопросом является выход США и Европы из экономического кризиса потому, что последствия от этого отражаются на нас». Во-первых, этот спасительный выход из кризиса не наступит, потому что «богатые и обремененные высокой задолженностью страны» вошли в период жесткой экономии и застоя

* Перевод с испанского М.В. Кирчанова. Печатается по: Zibechi R. *Sudamérica debe elaborar su propia agenda política y económica. Una agenda para la desconexión* / R. Zibechi. – (<http://www.rebelion.org/noticia.php?id=133532>). Публикуется в сокращении.

или очень медленного роста, неспособного оживить мировую экономику.

Во-вторых, и это является ключевым моментом, мы переживаем этап всеобъемлющих системных изменений в мире и не только в экономике. Связь между центром и периферией нарушена, идет процесс формирования новых региональных центров, подобных БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР), складываются отношения иного типа со своими собственными перифериями и со старыми центрами власти, которые находятся в состоянии упадка. Ко всему этому следует добавить и кризис гегемонии США и укрепление многополярного мира. Запад перестал быть мировым центром, чья ось быстро смещается в сторону Азии. Речь идет о масштабном изменении, которое не способно охватить наше воображение, особенно в культурной области. И еще не стоит забывать о том, что добыча нефти достигла своего пика, нынешняя цивилизация, основанная на потреблении нефти, постепенно деградирует, а в окружающей среде и климате происходят необратимые и тревожные изменения.

Предупреждение Иммануила Валлерстайна относительно «большого коллапса», который надвигается, и необходимости принятия мер для того, чтобы выжить, следует воспринимать самым серьезным образом...

Китай рассматривает вопрос о том, чтобы прекратить приобретение не только долговых обязательств правительства США, но и активов в этой стране. Будучи основным кредитором и покупателем облигаций Федерального резерва, подобное решение лишь приблизит наступление дефолта, который всем вселяет такой ужас. Газет «Asia Times» опубликовала прекрасный отчет о «крахе американского среднего класса», авторы которого доводят, что ипотечный кризис будет длиться долго по демографическим причинам, а доходы малых предприятий, куда вкладывают капиталы широкие слои среднего класса, еще очень не скоро преодолению последствий экономического кризиса.

Если обобщить все вышесказанное, то «кризис будет продолжаться, и Южной Америке следует серьезно задумываться». Главный вызов заключается в том, что регион нельзя рассматривать исключительно в контексте сценариев развития глобальной экономики, а лишь в контексте его собственных приоритетов, главный из которых состоит в разработке собственных целей и задач: идти независимым курсом, без оглядки на богатый, но обремененный долговыми обязательствами мир, особенно на его финансовую систему и многонациональные корпорации. Именно они испытывают необходимость «инвестировать» в Латинскую Америку, именно здесь они делают свой бизнес,

получая прибыль, которую они не в состоянии извлечь в оставшейся части мире, увязшей в долгах.

Для достижения этой цели необходимо ускорить осуществление некоторых мероприятий, а именно: дать эффективный старт работе Банка Южной Америки, перенаправить потоки углеводородов на потребности самого региона, отойти от использования доллара, заменить его региональной валютой и продолжать укрепление внутрирегиональных связей и торговли. Эти предложения уже давно обсуждаются на континенте, но их осуществление в большой мере задерживается по причине недостаточного интереса со стороны некоторых стран, которые играют ведущую роль.

Но в любом случае этих мер будет недостаточно. Потому что, строго говоря, речь не идет об одном или нескольких кризисах. Мы вынуждены констатировать перекраивание карты мира. Это дает Латинской Америке возможность изменить в свою пользу распределение властных функций в мире. Огромные валютные запасы стран Южной Америки, почти такие же, как в Японии, но при этом необремененные гигантским долгом, должны быть сейчас направлены на осуществление долгосрочных трансформаций: упор необходимо сделать на науке, технике и инновациях. Но отставание Латинской Америки огромно. Бразилия, на долю которой приходится 2,3% мирового ВВП, является единственной южноамериканской страной, которая намеревается увеличить капиталовложение в научно-исследовательские работы. Она регистрирует в год 500 патентов по сравнению с 45.000 в США...

Несмотря на то, что валютные запасы Боливии составляют 11 миллиардов долларов, эта страна ежегодно выделяет на научно-исследовательские работы лишь 40 миллионов, или 0,1% своего бюджета. В связи с этим, ей приходится обращаться за помощью к многонациональным корпорациям, чтобы наладить промышленное производство лития. В остальных странах континента наблюдается похожая ситуация. Не сделав прорыва в области научных исследований, мы не сможем в ограниченный срок, допустим, на протяжении двух десятилетий, перестать быть исключительно экспортерами сырьевых продуктов, прекратить пополнять бюджет только за счет продажи полезных ископаемых и пойти новым курсом.

И, наконец, невозможно будет выйти из нынешнего системного хаоса без конфликтов и потерь, без внутренних раздоров. Это – кризис. Чтобы начать новый курс, нужно решительным образом порвать со старых.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ПРОБЛЕМЫ БРАЗИЛОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ БОЛГАРИИ

Шопов К. Бразилия от Кастело Бранко до Дилма Русев. Външна политика и вътрешен напредък / К. Шопов. – София: Издателство «Рива», 2011. – 236 с. ISBN 978-954-320-372-7

Латиноамериканские исследования динамично развиваются в Европе. Особую роль в изучении Бразилии играет сообщество болгарских ученых. Первые исследования о Бразилии в Болгарии появились в 1920-е годы. Во второй половине XX века болгарское бразиловедение пребывало под советским влиянием и было идеологизировано. Современные исследования о Бразилии характеризуются высоким научным и теоретическим качеством. Болгарские ученые используют междисциплинарный подход для изучения бразильской истории, экономики и внешней политики.

Ключевые слова: Болгария, историография, латиноамериканистика, бразиловедение

Latin American Studies develop in Europe dynamically. Special role in Brazilian Studies is acted by community of Bulgarian scholars. The first works about Brazil were published in Bulgaria in the 1920s. In the second half of XX century Brazilian Studies in Bulgaria were under the Soviet influence and also were ideologized. Contemporary Brazilian Studies are characterized by high scientific and theoretical quality. Bulgarian scholars use inter-disciplinary approach for analysis of Brazilian history, economy and foreign policy.

Keywords: Bulgaria, historiography, Latin American Studies, Brazilian Studies

Латиноамериканистика как самостоятельное и междисциплинарное направление гуманитарного и общественно-политического знания активно развивается в странах Европы, в том числе и в Болгарии, о чем мы уже писали на страницах журнала «Политические изменения в Латинской Америке»¹. В Болгарии выходя как оригинальные исследования, так и многочисленные переводы. Примечательно то, что на болгарском языке доступны не только специальные², но и обобщающие исследования³, переведенные с иностранных языков, которые отсутствуют в русских переводах. В настоящей статье мы продолжим рассмотрение латиноамериканской проблематики в современных гуманитарных науках в Болгарии, остановившись на бразильской тематике в исследованиях современных болгарских латиноамериканистов. Казалось бы, Болгария и Бразилия далеки друг от друга не только чис-

то географически, но и в языковом, культурном и религиозном планах.

В современном мире политика автаркии и изоляционизма являются непростительной роскошью, которые не в состоянии позволить себе даже наиболее развитые государства. Мир динамично глобализируется, существовавшие ранее культурные и цивилизационные барьеры разрушаются, а границы размываются. В подобной ситуации страны Старого Света, стареющие и уступающие свои позиции, пристально следят за становлением новых лидеров мирового развития и экономического роста, к числу которых относится и Бразилия. Страны Европейского Союза имеют развитые политические и экономические отношения с государствами Латинской Америки, которые продолжают динамично развиваться и углубляться. В 2010 году европейские страны с нескрываемым интересом следили за политическими процессами, связанными с президентскими выборами в Бразилии – гиганте Южной Америке и одном из наиболее важных экономических партнеров Европейского Союза. Интерес этот имел всеобщий характер, дав знать о себе и на европейской периферии, в тех странах, которые только недавно стали членами Европейского Союза.

С особым интересом за политическими перипетиями президентской гонки следили в Болгарии. Среди болгарских исследователей существует значительный и устойчивый интерес в Бразилии, который особенно возрос в 2011 году, в связи с политическими переменами в далекой южноамериканской стране, связанными с тем, что на пост президента была выбрана не только первая женщина в истории Бразилии, но и бразильянка болгарского происхождения – Дилма Русев (Русефф). Проявлением возросшего интереса в бразильской проблематике стало издание в 2011 году монографии болгарского исследователя – латиноамериканиста и бразиловеда – Д-ра философии Кирила Шопова «Бразилия от Кастелу Бранку до Дилмы Русев. Внешняя политика и внутренние процессы»⁴.

Книга Кирила Шопова состоит из вступительной части, трех глав, заключения, а также приложений.

Предисловие к книге написано известным болгарским бразиловедом, переводчиком с португальского и испанского языков, кавалером бразильского ордена «Барон Риу Бранку» Руменом Стояновым. Румен Стоянов указывает на то, что книга К. Шопова относится к числу тех немногих работ, специально посвященных Бразилии, и написанных болгарскими авторами⁵. Действительно, Бразилия для болгарской читающей публики продолжает оставаться неизвестной, а немногочисленные книги нередко представляют уже сугубо историографический

интерес или успели стать библиографической редкостью. Первой болгарской книгой, посвященной Бразилии, следует признать работу Стояна Омарчевски «К экватору», изданную в 1923 году⁶. Спустя полвека (в 1975 году) в Болгарии выходит книга «Бразилия – “чудо” и реальность»⁷ под авторством Божана Йорданова. Под этим псевдонимом скрывался Боян Михайлов – болгарский дипломат, который на протяжении длительного времени работал в Португалии, Анголе и Бразилии. В 2002 году в Софии вышла новая книга болгарского дипломата, также посвященная Бразилии⁸.

Обратимся непосредственно к тем моментам концепции новейшей бразильской истории в интерпретации К. Шопова, которые могут отличаться от существующих в России интерпретаций и поэтому представляют особый интерес для российских латиноамериканистов.

Анализируя особенности и направления развития бразильской внешней политики после военного переворота 1964 года, К. Шопов указывает на важность смены внешнеполитических парадигм и ориентиров Бразилии. По мнению болгарского исследователя, переворот, с одной стороны, привел к ослаблению национализма в выработке бразильского внешнеполитического курса. С другой, определенная поддержка американской внешней политики (например, разрыв дипломатических отношений с Кубой и другими социалистическими государствами) не означала отказа от независимой линии в развитии бразильской дипломатии.

Интересным следует признать и восприятие военного режима в целом, который в российской латиноамериканистике нередко оценивается как реакция на слишком высокую скорость модернизации, взятую предыдущими режимами и как режим в значительной степени стабильный и консервативный, не склонный в подобной ситуации к быстрым переменам и демократизации. Кирил Шопов полагает, что тенденции к постепенной демократизации, наоборот, проявились рано и дали о себе знать в середине 1970-х годов. При этом в политике военных сохранялся формальный проамериканизм, который начал уступать позиции прагматизму.

Для болгарской латиноамериканистики характерно восприятие военного режима не как статичного (подобная точка зрения нередко продолжает играть свою роль в работах российских латиноамериканистов⁹), но как динамично развивающего. В исследовании К. Шопова показаны и проанализированы различные направления экономической политики военных, которая среди основных целей имела не только обеспечение экономического роста, но и преодоление зависимости. В частности, показано, что именно военные, стимулируя строительство

автомобильных и железных дорог, внесли значительный вклад в решение транспортной проблемы. Кроме этого, из монографии Кирила Шопова становится очевидным, что не следует преувеличивать реакционность и антикоммунизм военного режима: военные не только разорвали отношения с Кубой, они установили дипломатические отношения с КНР, разрешили открыть в Бразилиа представительство Организации освобождения Палестины, расширили дипломатические отношения с Болгарией (в которой в то время у власти находилась Коммунистическая Партия), разрешив преобразовать представительство в посольство.

Особенно интересными могут показаться и те страницы в монографии Кирила Шопова, которые посвящены правлению президента Жозе Сарнею – периода, к сожалению, не столь изученного в российской латиноамериканистике – даже в столь значительном исследовании как работа Л. Окуновой 2008 года¹⁰. Правление Жозе Сарнея позиционируется как переходный этап от авторитаризма к демократии, чем объясняется непостоянство политики Сарнея, мотивируется имевшая место нестабильность.

Бесспорной удачей автора следует признать анализ ключевых моментов в интеллектуальной истории Бразилии, начиная с середины 1960-х годов, когда бразильские интеллектуалы стали особое внимание уделять проблемам зависимости и развития. Теория зависимости с выделяемыми ее теоретиками центром и периферией позднее сыграла особую роль в развитии неомарксизма, а различные концепции *desenvolvimentismo* стали ключевыми в выработке стратегий развития в Бразилии во второй половине 1960-х годов. С другой стороны, дискуссионным может показаться восприятие, точнее – перевод, *desenvolvimentismo* как «прогрессизм» по той причине, что в русском языке утвердилась калька с англоязычного термина «девелопментализм», который иногда заменяется более «русским» – теориями развития.

Монография Кирила Шопова сопровождается приложениями, которые содержат примеры сравнительного правописания португальской и бразильской литературных норм португальского языка, что, бесспорно, важно для всех, кто интересуется бразильской проблематикой и особенно – для студентов-регионоведов, специализирующихся на изучении латиноамериканистики. Не менее важным, нужным и чрезвычайно интересным представляется второе приложение, которое содержит краткие биографии политических лидеров Бразилии, различных государственных деятелей, дипломатов и экономистов, начиная периодом Империи и завершая современностью. В этом разделе

читатель найдет краткие биографические данные и сведения о бразильских политиках, начиная от императора Педру I (в болгарской транскрипции – Педро), завершая ныне действующим Президентом – Дилмой Русев (в болгарской версии – Дилма Вана Русеф). Подобное начинание болгарского исследователя следует только приветствовать – краткие биографические сведения, которые занимают, к сожалению, только 23 страницы в перспективе могут перерасти в биографический словарь (которого, кстати, не существует и на русском языке) деятелей бразильской политической, социальной, экономической, дипломатической и интеллектуальной истории.

Подводя итоги настоящей обзорной статьи, во внимание следует принимать ряд факторов. Латиноамериканистика относится к числу динамично развивающихся направлений гуманитарного, экономического, социального, политического и исторического знания в современной Болгарии. Латиноамериканские штудии болгарских исследователей в большинстве случаев междисциплинарны, написаны с использованием методов различных гуманитарных и общественных наук, разных теорий и исследовательских практик. Вероятно, будет уместным предположить, что в Болгарии сложилась уникальная исследовательская школа, представители которой обладают немалым научным потенциалом.

Сравнивая, например, болгарских и российских латиноамериканистов, предположу, что первые обладают большей возможностью для маневра. В чем это проявляется?

Во-первых, за ними стоит собственно болгарская школа латиноамериканистики, болгарская научная традиция. Во-вторых, языковая и определенная культурная близость делает относительно доступными достижения российской латиноамериканистики. С другой стороны, Кирил Шопов не использовал некоторые публикации 2000-х годов (в частности, исследования Б.Ф. Мартынова¹¹ и М.В. Кирчанова¹²), что следует объяснять разрывом научных контактов и связей между болгарскими и российскими латиноамериканистами. В-третьих, болгарские латиноамериканисты активны в использовании западных методов и теорий, используя их в своих исследованиях, посвященных латиноамериканской проблематике. Кроме этого, во внимание следует принимать и политический фактор.

На протяжении длительного времени латиноамериканские штудии в СССР и БНР были крайне политизированы, а латиноамериканисты выполняли не только научные, но и идеологически маркированные функции. Распад СССР и ликвидация коммунистического режима в Болгарии, начало процесса демократического транзита, казалось бы,

должны были содействовать и способствовать методологическому обновлению латиноамериканистики, ее очищению от идеологических клише. В Болгарии этот процесс развивался крайне динамично и, поэтому, в этом направлении болгарские латиноамериканисты продвинулись гораздо дальше своих российских коллег. Латиноамериканистика в России продолжает развиваться не только в условиях монополизации, но и при определенной идеологизации, что следует воспринимать как своеобразное советское наследие, связанное со специфической организацией научного пространства.

В этом отношении книга Кирила Шопова далека от всякого рода идеологических перекосов и гипертрофированно выраженных политических предпочтений, что в определенной мере продолжает оставаться характерным для некоторой части латиноамериканистских исследований в современной России. Появление исследований подобных тому, о котором идет речь в настоящем обзоре, свидетельствует о значительном потенциале современной болгарской латиноамериканистики, о том немалому пути, который был проделан на протяжении 1990 – 2000-х годов болгарскими историками, политологами и экономистами в деле поиска новых подходов и выработки новых исследовательских практик для изучения латиноамериканской проблематики.

Завершая настоящий обзор, остается только выразить сожаление в связи с тем, что исследования болгарских авторов, несмотря на языковую близость и многолетние болгаро-российские связи, остаются неизвестными российским латиноамериканистам, в том числе – и специалистам по Бразилии.

М.К.

¹ См.: Кирчанов М.В. *Латиноамериканские исследования в современной Болгарии* / М.В. Кирчанов // *Политические изменения в Латинской Америке*. – 2011. – № 9. – С. 101 – 104.

² Гегова М. *Демокрацията през XXI век: Латинска Америка* / М. Гегова // *Демокрацията през XXI век: от лозунг към революция. Доклади от Четвъртия международен семинар «Демокрацията в Латинска Америка през XXI век», 1 – 2 юни 2007 г.* / съст., ред. М. Гегова, Й. Стоичков. – София, 2008. – С. 7 – 10; Къдринова К. *Латиноамериканската алтернатива* / К. Къдринова // *Демокрацията през XXI век: от лозунг към революция. Доклади от Четвъртия международен семинар «Демокрацията в Латинска Америка през XXI век», 1 – 2 юни 2007 г.* / съст., ред. М. Гегова, Й. Стоичков. – София, 2008. – С. 22 – 29; Пенчева Е. *Демокрация и лидери в Латинска Америка* / Е. Пенчева // *Демокрацията през XXI век: от лозунг към революция. Доклади от Четвъртия международен семинар «Демокрацията в Латинска Америка през XXI век», 1 – 2 юни 2007 г.* / съст., ред. М. Гегова, Й. Стоичков. – София, 2008. – С. 30 – 52; Томова Т. *Социалната политика и предизвикателството на бедността. Сравнителен анализ на страните на Латинска Америка и България* / Т. Томова // *Демокрацията през XXI век: от лозунг към революция. Доклади от Четвъртия международен семинар «Демокрацията в Латинска Америка през XXI век», 1 – 2 юни 2007 г.* / съст., ред. М. Гегова, Й. Стоичков. – София, 2008. – С. 53 – 65; Шмит Ф.Л. *Демокрацията през XXI век в Латинска Америка: от образование към работа. Пътят на истинската демокрация* / Ф.Л. Шмит // *Демокрацията през XXI век: от лозунг към революция. Доклади от Четвъртия международен семинар «Демокрацията в Латинска Америка през XXI век», 1 – 2 юни 2007 г.* / съст., ред. М. Гегова, Й. Стоичков. – София, 2008. – С. 13 – 21; Юсте А.Н. *Сравнителен анализ на политическата система на Турция и Аржентина. международна система, стабилност и демокрация* / А.Н. Юсте // *Демокрацията през XXI век: от лозунг към революция. Доклади от Четвъртия меж-*

дународен семинар «Демокрацията в Латинска Америка през XXI век», 1 – 2 юни 2007 г. / съст., ред. М. Гетова, Й. Стоичков. – София, 2008. – С. 69 – 77.

³ Икин М. История на Латинска Америка / М. Икин. – София, 2010; Розенсон Н., Шнайдер Б. Латинска Америка: противоречия и надежди / Н. Розенсон, Б. Шнайдер. – София, 1995; Шевалие Фр. История на Латинска Америка / Фр. Шевалие. – София, 2002.

⁴ Шопов К. Бразилия от Кастело Бранко до Дилма Русев. Външна политика и вътрешен напредък / К. Шопов. – София, 2011.

⁵ Стоянов Р. Кафе и самолети / Р. Стоянов // С. 7 – 13.

⁶ Омарчевски Ст. Към екватора / Ст. Омарчевски. – София, 1923.

⁷ Йорданов Б. Бразилия – «чудо» и реалност / Б. Йорданов. – София, 1975.

⁸ Михайлов Б. Бразилия незабравима / Б. Михайлов. – София, 2002.

⁹ См. по-подробнее: Окунева Л.С. Бразилия: особенности демократического проекта. Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е гг. – 2006 г.) / Л.С. Окунева. – М., 2008; Кирчанов М.В. Авторитаризм, национализм и политический протест (проблемы модернизации в Бразилии 1930 – 1980-х годов) / М.В. Кирчанов. – Воронеж: ФМО ВГУ, 2009.

¹⁰ Окунева Л.С. Бразилия: особенности демократического проекта. Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е гг. – 2006 г.) / Л.С. Окунева. – М., 2008.

¹¹ Мартынов Б.Ф. Бразилия – гигант в глобализирующемся мире / Б.Ф. Мартынов. – М.: Наука, 2008.

¹² Кирчанов М.В. Авторитаризм, национализм и политический протест (проблемы модернизации в Бразилии 1930 – 1980-х годов) / М.В. Кирчанов. – Воронеж: ФМО ВГУ, 2009. Примечательно то, что рецензентами этой книги выступили болгарские исследователи – д-р политологии Валентин Павлов Петрусенко и д-р политологии Георги Иванов Коларов.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЕМЬИ:

*Дилма Русефф в современной
болгарской публицистике*

Шаде Ж., Инджов М. Дилма Русефф. Историята на едно българско семейство, беязано от изгнанието, комунизма и президентството на Бразилия / Жамил Шаде, Момчил Инджов / прев. от порт. М. Инджов. – София: ИК «Синева», 2011. – 175 с. ISBN 978-954-9983-85-2

Дилма Русефф – первая женщина-Президент в истории современной Бразилии. Отец Дилмы Русефф – Петр (Петър) Русев – был болгарским коммунистом и политическим эмигрантом, который эмигрировал из Болгарии в Бразилию, где сменил имя на Педру Русефф. Дилма Русефф принимала во второй половине 1960-х годов активное участие в городском партизанском движении. Дилма Русефф – знаковая фигура в современной Болгарии. Болгарские авторы пишут о ней не только научные, но также и популярные книги для массового читателя.

Ключевые слова: *Болгария, Бразилия, Дилма Русефф, коммунизм, семейные истории*

Dilma Rousseff is the first Woman President in history of contemporary Brazil. The father of Dilma Rousseff – Petr Rusev – was Bulgarian communist and political emigrant who left Bulgaria for Brazil, where changed the name to Pedro Rousseff. Dilma Rousseff took an active part in the second half of the 1960s in city partisan movement. Dilma Rousseff is a symbolic figure in contemporary Bulgaria. Bulgarian authors write about her scientific and also popular books for a mass reader.

Keywords: *Bulgaria, Brazil, Dilma Rousseff, communism, family histories*

В 2010 году впервые в истории Бразилии президентом самой динамично развивающейся и растущей страны в Латинской Америке стала женщина – Дилма Русефф. Среди политиков в Латинской Америке на протяжении новейшей истории не так много великих политиков-женщин. Поэтому фигура болгарского президента привлекает особое внимание как со стороны исследователей, так и теоретиков т.н. феминизма. Если интерес вторых в значительной степени носит патологический характер, то исследователи-латиноамериканисты пытаются проанализировать как первые шаги, так и возможные варианты развития Бразилии в период правления Дилмы Русефф. В особой степени интерес к Дилме Русефф проявился в Болгарии, что в принципе неудивительно: Дилма Русефф не только первая женщина-президент Бразилии, но и первый политик болгарского происхождения, достигший вершин государственной власти. Поэтому в Болгарии уже вышло

несколько работ, которые в той или иной степени касаются фигуры действующего бразильского президента.

Среди новейших болгарских публикаций следует упомянуть работу Жамила Шаде и Момчила Инджова «Дилма Русеф. История одной болгарской семьи» (2011), посвященная малоизвестным в России страницам семейной истории как Д. Русефф, так и ее предков.

Жамил Шаде и Момчил Инджов особое внимание уделяют болгарским корням действующего президента Бразилии, подчеркивая, что ее отец Петр (Петър) Русев эмигрировал из Болгарии в 1929 году (оставив там своего грудного сына Любена-Камена Русева), где и сменил имя и фамилию на Педру Русефф. Авторы книги особо подчеркивают то, что Дилма Русефф выросла в Бразилии как бразильянка и не знает болгарского языка. С другой стороны, сам Петр Русев поддерживал контакты с болгарскими: несколько своих стихотворений посвятила ему одна из наиболее известных болгарских поэтесс XX века Элисавета Бягряна. Журналисты, авторы книги, полагают, что судьбы болгарской и бразильской ветвей семейства Русевых имели немало общего: Русевы в той или иной мере были связаны с коммунизмом. Часть родственников Президента в Болгарии до начала 1990-х годов подвергалась преследованиям и репрессиям, а сама Дилма Русефф в молодости принимала активное участие в деятельности разного рода коммунистических групп.

Именно участию будущего президента в антиправительственном движении в период правления военных авторы книги уделяют особое внимание. Авторы рассматривают события, связанные с участием Дилмы Русефф (под различными именами, среди которых – Мария Лусия дос Сантос, Мария Гимараэш Гарсия ди Кастру, Ванда, Эстела) в деятельности «Вооруженного революционного авангарда» – одной из многочисленных групп левой ориентации, которые в качестве своей основной цели имели борьбу с режимом.

Подводя итоги этого небольшого обзора, во внимание следует принимать ряд факторов. Работа Жамила Шаде и Момчила Инджова «Дилма Русеф. История одной болгарской семьи» является интересным вкладом в развитие и функционирование бразиловедения в современной Болгарии. С другой стороны, эта книга в большей степени принадлежит к научно-популярному, публицистическому жанру. Примечательно и то, что в постсоветской России издание работ подобного плана, посвященных Латинской Америке, к сожалению, почти полностью прекратилось. В этом контексте болгарская латиноамериканистика если не превосходит российскую, то (по меньшей мере) развивается более последовательно, сохраняя преемственность с тра-

дициями существовавшими ранее. К сожалению, автор настоящего обзора вынужден констатировать, что в 1990-е годы жанр научно-популярного очерка о Бразилии (который активно развивался в советский период, в частности – в 1970 – 1980-е годы) умер, а в 2000-е годы так и не был ни реанимирован, ни возрожден. Завершая настоящий обзор, во внимание следует принимать и то, что болгарские корни Д. Русефф могут стать тем фактором, который окажет стимулирующее воздействие на развитие бразиловедения в современной Болгарии.

М.К.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Пабло Анино (Pablo Anino)* –
Роджэр Бёрбах (Roger Burbach) – Д-р Философии, директор Центра изучения Америки (Center for the Study of the Americas), Беркли (США)
- Юлия Викторовна Ващенко* – аспирантка Кафедры международных отношений и регионоведения Факультета международных отношений Воронежского Государственного Университета
- Сергей Владимирович Вейс* – аспирант Факультета международных отношений, Воронежский государственный университет (ВГУ)
- Андрес Веласко (Andrés Velasco)* – приглашенный профессор Колумбийского Университета (США)
- Арсен Геворгян* – студент 3 курса Факультета международных отношений Воронежского Государственного Университета, специальность «Международные отношения»
- Дмитро Дроздовский (Дмитро Дроздовський)* – журналист и политический обозреватель (Украина)
- Рауль Зибечи (Raúl Zibechi)* – журналист (Уругвай), научный сотрудник Multiversidad Franciscana de América Latina
- Ренан Вега Кантор* – Д-р Философии, профессор Национального Педагогического Университета Баготы
- Хорхе Кастаньеда (Jorge Castañeda)* – Доктор экономики, профессор Нью-Йоркского Университета (США) и Национального Университета Мехико (Мексика)
- Максим Валерьевич Кирчанов* – к.и.н., доцент Кафедры международных отношений и регионоведения Факультета международных отношений Воронежского Государственного Университета (Воронеж, Россия)
- Денис Эдуардович Орехов* – студент 5 курса Факультета международных отношений Воронежского Государственного Университета, специальность «Международные отношения»
- Юрий Райхель (Юрій Райхель)* – журналист и политический обозреватель (Украина)
- Алина Ряполова* – студентка 5 курса Факультета международных отношений Воронежского Государственного Университета, специальность «Международные отношения»
- Джэб Спраг (Jeb Sprague)* – Докторант Калифорнийского Университета (Санта Барбара, США), магистр социологии Калифорнийского Университета (2011, Санта Барбара), магистр международной политической экономики (2008, Манчестерский Университет, Великобритания), магистр истории (2007, Калифорнийский Государственный Университет, Лонг Бич)
- Андре Гундер Франк* –
Джо Эмерсбергер (Joe Emersberger) – писатель и журналист (Канада)